Ф-36

Л.И.ФОЙГТ

ЖЕНЩИНЫ КУЗНЕЦКСТРОЯ

SHOUT
SHARE
IT

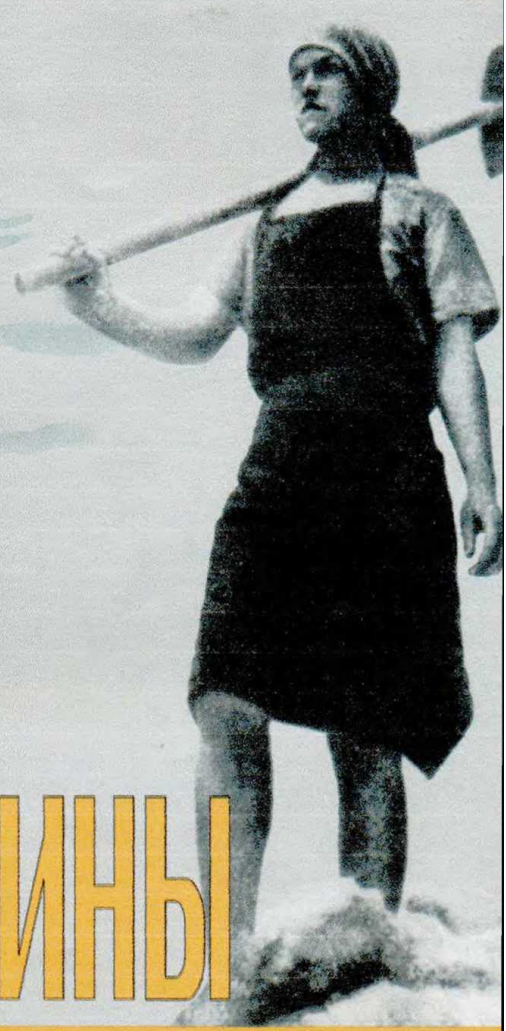
Annotation

В книге опубликованы документы и мемуарные источники, освещающие историю страны в судьбах женщин периода индустриализации - на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. В этих воспоминаниях осязаемо присутствует дух 30-ых годов, настроения людей разного возраста и социального положения. Книга адресована работникам музеев и широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

-
- ЖЕНЩИНЫ
  - Стенограммы бесед, записанные в 1929-1933гг.
  - Воспоминания, записанные в 1961-1996 гг.

63.3(2Р-4
Ф-75

Л.И.ФОЙГТ



ЖЕНЩИНЫ КУЗНЕЦКСТРОЯ

Новокузнецкий Городской Краеведческий Музей
Л.И.ФОЙГТ

ЖЕНЩИНЫ КУЗНЕЦКСТРОЯ

Воспоминания. Документы. Фотографии.
Централизованная *4иблко*;**темная система** г. Новокузнецк
! л *11* \9 / *с* /
1 - ~
Издательство Кузнецкая крепость г.Новокузнецк 1998 г.
ББК 63.3/2Р-4Ке/
Ф 75

Под общей редакцией кандидата исторических наук Ширина Ю.В.

Редакционная коллегия: Сущенко Е.М., Рахманов Б.А., Ульянова И.В., Силантьева С.А.. Бабакова Т.Н.

Книга издана на средства института «Открытое общество» (фонд Дж. Сороса)

В книге опубликованы документы и мемуарные источники, освещающие историю ораны в судьбах женщин периода индустриализации - на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. В этих воспоминаниях осязаемо присутствует дух 30-х годов, настроения людей разного возраста и социального положения. Книга адресована работникам музеев и широкому кругу читателей, интересующихся историей родног о края.

ЛР № 040360
Ф--98
Л 77 /03/
ISBN 5-87521-052-4

© - Новокузнецкий городской краеведческий музей ©- Издательство «Кузнецкая крепость»

Предисловие

Борьба за равенство и раскрепощение женской личности велась с незапамятных времен. Как удачно сказала в начале века одна шведская феминистка, «первым женским движением было движение Евы, срывающей яблоко». Ева сорвала яблоко и получила множество проблем.

Прародительницами борьбы за полное раскрепощение и

освобождение стали в России вполне земные женщины: Анна Философова, Анна Шабанова — врач, Ольга Шапир — писательница и др. Эго были образованные женщины своего времени. Они писали книги, читали лекции работницам и крестьянкам, просвещая их, а затем организовали первый всероссийский съезд женщин в Петербурге, который состоялся 10 декабря 1908 г. **(18)**

Съезд поставил перед женщинами великую цель, осветив политические, гражданские и экономические запросы русских женщин: бороться за равноправие и участие не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания, национальности. Своими решениями съезд создал новую политическую силу — общероссийское женское движение. Разработан был обширный список вопросов по педагогической деятельности, в которых предусматривалось обучение женщин в технических ВУЗах, слияние женских учебных заведений с мужскими, а также разработаны программы заботы о больных, благотворительной деятельности в тюрьмах, борьбы с алкоголизмом и т.д.

Сразу после съезда последовал ряд публикаций в прессе. Вскоре вышла и книга А. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса», — это был первый откровенный разговор о свободной любви в семейной жизни.

Известная феминистка А.А. Кальманович в публичном докладе, прочитанном в Петербурге в 1909 г., вступила с А. Коллонтай в полемику:

«Я признаю, что порабощение женщины сложилось исторически, что при прежней простой и несложной жизни женщины, пожалуй, не нуждались в политических правах. Теперь же условия жизни изменились, с развитием промышленности женщина выброшена на общественную арену для борьбы за свое существование. От нее при современных условиях требуется больше, чем от мужчины, а прав дается меньше в силу старых условий и предрассудков. А сегодняшний день диктует нам: организуйте женщин, учите их, разъясняйте им причины их тяжелого положения. Воздействуйте на окружающее и твердо и непоколебимо отвоевывайте шаг за шагом почву у невежества и предрассудков. Вот что считают западные феминистки, а не препирательства о том, как сложится семья в будущем строе. Об этом нас к тому же не спросят. Сегодняшний день предъявляет нам требование завоевывать женщине достойное положение в обществе и государстве. И этот феминизм на западный лад мы будем прививать, где только можно. А такие выступления, как эта

книга, вносят еще больший сумбур в наши и без того неясные представления о женском движении.» **(13)**

М.В. Орловская в своей книге «О женском движении в России» прямолинейно заявляет, что женщина не должна молча ждать у моря погоды, что нужны организации, содействующие развитию женщины, повышению ее образования, и они должны стать фундаментом, на котором будет возведено здание женского равноправия **(14,** С. 5.).

Отголоски борьбы женщин России за свои права докатились и до Сибири. В 1909 г. в Томске создается общество защиты женщин «Пчельник». Цель общества — «...призрение и помощь нуждающимся в том по преклонности лет, болезни и другим причинам бедным женщинам.» **(16)** Регион действий — Томская губерния. Члены и учредители — барон, генерал-майор Нолькенн, его супруга, надворный советник, полковник, коллежский асессор, купчихи, мещанки, архитектор, врач. Общество состоит в ведении Министерства Внутренних дел.

Женское движение дореволюционного периода всегда стояло в оппозиции к правительству, но без проявления каких либо форм классовой борьбы.

После Октябрьской революции наступил новый период женского движения — советский. Революция до неузнаваемости изменила Россию, ее извечные патриархальные устои. Последовавшая за рево-

люцией гражданская война породила обнищание страны и населения. Экономическое положение советской республики нуждалось в кардинальных переменах, и начало им положила индустриализация. Та, в свою очередь, была не возможна без привлечения неисчислимых рабочих рук («рабсилы»). Вот тогда-то партия большевиков вспомнила о женщинах и их правах.

Подхватив идею первого всероссийского съезда женщин, большевики сломали взгляд на роль женщины в обществе. Началось массовое вовлечение женщин в производство. Многих из них на стройки века погнали голод и коллективизация. Были они неграмотны, непривычны к городской жизни и, не имея профессии, довольствовались самыми тяжелыми условиями жизни.

Двадцатые годы характеризуются развитием женского самосознания в Сибири. Праздники “Международного женского дня 8 марта” проходят под лозунгами самодисциплины, самодеятельности, активного участия работниц и крестьянок в хозяйственном восстановлении страны, а также наибольшего вовлечения женщин в строительство советского пролетарского порядка.

8 марта 1920 г. по всем губернским городам Сибири были проведены беспартийные женские конференции, заработали общегородские делегатские собрания. Они стали мощной организующей силой. Работали они под неусыпным контролем ЦК ВКП(б). Программа деятельности делегатских собраний, разработанная краевым комитетом партии, включала проработку важнейших решений партии и правительства, вербовку женщин в партию, вовлечение женщин в производство, организацию соцсоревнования и много других дел. Круг их деятельности, очерченный ЦК ВКП(б), и охват ими женщин был настолько широк, что мужчины стали запрещать женам бывать на делегатских собраниях вплоть до семейных драк (9, Л. 15, 17.).

В директивах ЦК ВКП(б), спускаемых на места, говорилось:

«При двухгодичном делегатском собрании мы действительно сможем подготовить из делегаток-практиканток кадры ра-ботниц-общественниц с большим навыком общественной работы для продвижения их в Советы, кооперацию».

Делегатки работали в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам, в выборных кампаниях, организовывали советские праздники, участвовали в культурно-бытовых походах по обследованию бараков, квартир рабочих, вербовали женщин в партию и комсомол (9, Л. 53.).

В результате постановлений партии на Кузнецкстрое появляются «выдвиженки». Партийный работник А.Н. Адоньева, которая в тридцатых годах работала в г. Сталинске, вспоминает о Елисеевой Тоне, неожиданно для всех назначенной начальником доменного цеха, о Редькиной Анастасии, которая назначается в заведующие горздравотделом. «К счастью, выдвиженки немного поработали на своих местах», —замечает Адоньева (6).

В тридцатые годы ЦК партии еще более усиливает внимание к работе по привлечению и использованию женщин в общественно-полезной деятельности.

18 апреля 1930 г. в Кремле созывается совещание представителей научно-исследовательских организаций по результатам проведенных ими экспедиций для изучения труда и быта женщин.

8 декабря 1930 г. выходит Постановление Совета Народных Комиссаров «Об использовании женского труда в производстве, государственной службе, в коммерческих предприятиях», в названии которого заложен весь смысл работы делегатских собраний, женсекторов, женотделов.

Вот цитата из этого постановления:

«Для удовлетворения потребности быстро развивающейся промышленности и других отраслей народного хозяйства в

рабочей силе, а также привлечения женщин к активному социалистическому строительству необходимо расширить применение женского труда во всех отраслях народного хозяйства. Широкое вовлечение женщин в производство даст, кроме того, возможность максимально использовать местные ресурсы рабочей силы и будет способствовать созданию устойчивых рабочих кадров.» **(11,** С. 13-14.)

И все-таки, несмотря на все усилия партии и ее руководящие указания, женщины на Кузнецкстрое в большинстве своем предпочитают пока оставаться домохозяйками. Плановому отделу КМК вменено в обязанность дважды в месяц подавать подробные отчеты «О внедрении женского труда в производство и госаппарат по Кузнецкстрою» (июнь 1931 г.):

«Точного применения женского труда в настоящее время в отделе не имеется, так как на обращение, посланное всем предприятиям и учреждениям Новокузнецка от 3/V с. г. о предоставлении 2 раза в месяц сведений по женскому труду, ответов почти не последовало.»

Из общего числа обследованных цехов дают определенный ответ о количестве работающих женщин 20 цехов. По этим 20 цехам общее количество женщин — 1420. Рабочих на строительной площадке на 1 июля — 31000, женщин работающих — 4164. Отдел труда в своем отчете отмечает факт использования женщин в основном на неквалифицированной работе, и поэтому при комплектовании курсов устанавливает обязательно процент приема женщин — на слесарей-водопроводчиков и другие рабочие квалификации. Текучесть на июнь 1932 г. составляет 63 % за счет женщин. Причина этого лежит в недостаточном бытовом обслуживании: не хватает детских садов, яслей, плохо осуществляется охрана труда. С целью освобождения женщин от домашней работы и скорейшего вовлечения в социалистическое строительство один за другим выходят постановления партии о создании детских яслей, прачечных, столовых. В отчетах вышестоящим организациям звучит обеспокоенность:

«В отношении создания бытовых условий, освобождающих женщину для производства на площадке строительства, сделано следующее: имеются дет. ясли, размещенные в трех пунктах на Нижней Колонии на 150 человек в две смены, на Кир-заводс на 100 детей, в районе Каменного карьера на 50 детей. Прачечных на площадке нет. Сейчас идет монтаж механической прачечной с пропускной способностью в 1000 кг белья в смену. Все же нужно отметить, что заводоуправление недооценивает важности создания благоприятных бытовых условий для внедрения женского труда в производство. До сего времени на площадке не

имеется общества “Друг детей", а, между прочим, ощущается недостаток в средствах на организацию дет. яслей и пр. Каждая мать должна платить за ребенка 9 р. 30 коп в месяц, что не каждому по средствам.» (1)

Гражданское строительство, соцкультбыт резко отставали от промышленного. Городская газета писала: «Домны, ЦЭС, мартены, блюминг, сооруженные по последнему слову техники. И тут же рядом сравнявшийся с землей “небоскреб"-землянка, избушка, сбитая из досок или фанеры. Летом наш город утопает в пыли, весной в грязи, а зимой в ледяных горах и ухабах. Неблагоустроенность города влияет на текучесть, на производительность труда, на общественную жизнь».

О масштабах женского движения говорят такие цифры: в 1933 г. в г. Ста-линске действовало 42 делегатских собрания, объединяющих 1200 делегаток, которые вовлекли в свою работу 14 000 женщин города.

В цехах, на стройплощадках появляются женщины в качестве активисток, массовиков, партийных работников. Это новое поколение эмансипированных женщин отличается искренней верой в светлое будущее, для них мера общественных ценностей становится выше создания семейного очага и воспитания детей.

В 1934 году на Кузнецкстрое проходит первая заводская культурно-бытовая конференция. Участников конференции волновал вопрос превращения города в «действительно культурный центр». Партийные и профсоюзные организации стали обращать внимание не только на ликвидацию безграмотности среди рабочих, но и их культурный рост. На конференции много говорили о работе гортеатра им. Эйхе. В город стали приезжать па гастроли столичные театры, оперные певцы. Интерес к театральному искусству у рабочих и ИТР был огромен. В театр приходили нарядные: «туфельки, шифоновые длинные платья, оголенные шеи, руки».

В новом театральном сезоне театралы города познакомились с ленинградской актрисой А.И. Федоровой. Путь на сцену шестнадцатилетней девчонки, приехавшей в Санкт-Петербург из деревни Анохино Юхновского уезда Смоленской губернии был долог и тернист. На протяжении 11 лег ее приглашали только на разовые роли в разные коллективы. Гастрольная судьба забрасывает А.И. Федорову в 1936 г. в Сталинск, и свою дальнейшую творческую жизнь она связывает с сибирским городом.

За свою жизнь Анна Ивановна сыграла огромное количество ролей: Нюра в «Кукольном доме» Ибсена, Луиза в «Коварстве и любви» Шиллера, врач в «Барабанщице» Слонимского и т.д.

Завсегдатаи театра (старожилы) уверяют, что «ее Каренина и Кручинина были сыграны ярче, чем у Аллы Тарасовой, да и внешностью она была не хуже».

Заслуженная артистка А.И. Федорова прожила в нашем городе до конца своих дней. Все свое время отдавала театру и общественной работе. Умерла она в 1963 г. в возрасте 64 лет в коммунальной квартире по ул. Кирова.

Трудно налаживалась жизнь в стране. Женщины г. Сталинска, не понимая до конца невиданного ими доселе социалистического уклада, с большими усилиями вживались в него, шаг за шагом приобретая черты той женщины, которую хотела видеть в них руководящая партия.

Пролетарское искусство помогает им на этом крутом переломе, внедряя в сознание культ женской силы. Портреты, уличная, парковая скульптура воспевают не женщину-мать, а женщину, умеющую со счастливой улыбкой держать мешок на плечах, разводной ключ, кирку (12; 17.).

Каждая эпоха вырабатывает свой эталон женской красоты, свой стиль одежды. 30-е годы надевают на русскую женщину не парчу и щелка, но «рыцарские доспехи».

С 1934 года на заводе начался новый этап освоения технологии производственных мощностей. К этому времени возрастает удельный вес вложений в культурное и гражданское строительство. Заметную роль в ускорении решения насущных социальных проблем и культурной жизни юного города Сталинска играет в эти годы женсовет. Наиболее активной его частью стал совет жен инженеров и техников, а всеорганизующее его звено — образованные жены руководителей завода: Казарновская, Широкова, Балиевская, Пин-чук, Тенькова, Кошелькова, Элиашберг, Романько. Вокруг совета жен ИТР объединилось 250 активно работающих женщин. Руководила ими супруга директора завода С.А. Бутенко.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что женщины 30-х, вдохнувшие свежий ветер перемен, стали сами стремиться к равенству и сотрудничеству с мужчинами. Для них становится привлекательным общественное признание их труда, успех, карьера, независимость. Индустриализация России и Кузнецкстрой в частности, а также самоотверженная работа женотделов, делегатских собраний, советов жен ИТР и техников создали беспрецедентную возможность для вовлечения женщин в общественную и трудовую жизнь завода, города.

С одной стороны, такое вовлечение было явлением положительным, так как шло формирование новой женщины, которая должна была приспособиться к трудным условиям жизни

индустриального периода. С другой стороны, произошло ее отдаление от семьи, воспитания детей и превращение в винтик государственной системы.

И все-таки, почему они, женщины 30-х, жили гак, а не иначе? Почему зачастую, не имея даже начального образования, смело занимали место в авангарде женского движения, опережая на шаг-два других? Как одевались? Как оценивали себя в роли советской, работающей наравне с мужчинами, женщиной?

Про все это они откровенно рассказывают в своих простых по слогу и сложных по смыслу воспоминаниях, беседах, публикуемых в этом проспекте. Большинство из этих воспоминаний были собраны первым директором Научно-технического музея Кузнецкого металлургического комбината Е.М. Полянской.

Е.М. Полянская приехала на Кузнецкстрой из Костромы в 1931 г., уже имея за плечами университетское образование, стаж научной и краеведческой работы в Государственном Костромском музее. Елена Михайловна выбирает для жительства Кузнецк из-за того, что здесь отбывал ссылку ее отец, как офицер царской армии. Она знает языки, отлично рисует, интересуется историей. В 1931 г., работая научным сотрудником на станции организации и оздоровления труда, Е.М. Полянская проводит первые выставки, пишет статьи. В 1934 г. по инициативе И.П. Бардина ее назначают директором производственно-технического музея. Под ее руководством идет накопление исторического архива по предыстории и истории строительства КМК (15.).

Е.М. Полянская, организовав сбор материалов для книги «История Кузнецкого металлургического комбината», оказала неоценимую услугу всем нам, сохранив в фондах музея воспоминания женщин, работавших на Кузнецкстрое в 30-е гг. — партийного работника А.Г. Адоньевой, массовиков, парторганизаторов А.П. Бежановой, Х.В. Безлюдной, руководителя

делегатских собраний Ю.Б. Вейкель, женщин, работавших в цехах, дет. яслях Буниной и многих других.

Работала она парторганизатором. А.Н. Адоньева иногда сутками не выходила из цеха, особенно, когда был брошен клич освоения ИТР и служащими рабочих профессий. Двадцатилетняя Анна днем занималась партийными делами, а ночью осваивала профессию машиниста по кранам. От оплаты за ночные работы категорически отказалась. Она страшно боялась высоты, и рабочие-монтажники осуждали ее за то, что она не поднимается на монтажные конструкции мартеновского цеха. Тогда по выходным дням Анна стала приходить и учиться лазать без

лестницы по шатким конструкциям. Было страшно, но через некоторое время рабочие увидели ее наверху. Потом, преодолевая страх, без тренировки прыгнула с парашютной вышки, научилась по-ворошиловски метко стрелять.

В рукописи А. Адоньевой встречаются имена А. Бежановой, Х. Безлюдной. Она дает им краткие, емкие характеристики (6).

Стенограммы бесед с женщинами г. Сталинска 30-х гг. составлены группой «беседчиков», в число которых входили приехавшие на Кузнецксгрой по заданию А.М. Горького для сбора материалов о героях первых пятилеток Н.Т. Смирнов, И.А. Рахтанов и знаменитый впоследствии писатель А. Бек. В стенограммах очень редко встречаются строки о личной жизни, о семье, о детях — особенно это проявляется в беседах с женщинами, работавшими в то время парторганизаторами в цехах, массовиками, то есть политизированными женщинами.

Воспоминания 90-х годов записаны и обработаны автором.

Ценность публикуемых воспоминаний в том, что они несут в себе приметы ушедших в прошлое 30-х годов. Женщины той эпохи, не имея образования, ярко, искренне описали и свою работу, и свою личную жизнь. Сквозь неграмотные строки просматривается ощущение радости от новой жизни, в которой они живут, самодостаточность и уверенность в себе.

Может быть, прав был поэт Н. Коржавин, написав о советской женщине строки: «Столетья проходят, и снова, как в тот незапамятный год, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет.

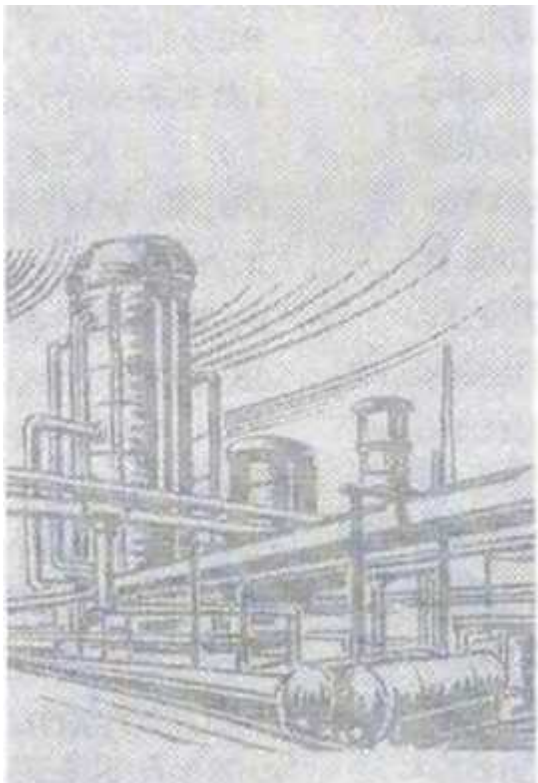
Ей жить бы хотелось иначе, носить драгоценный наряд.

А кони все скачут и скачут; а избы горят и горят...»

Таких женщин не бывало и не могло быть в старое время.

И.В.Сталин

Стенограммы бесед, записанные в 1929-1933гг.



АННА ПЕТРОВНА БЕЖАНОВА

Апиа Бежанова работала в партбюро ЦЭС. «На стройке была женорганизатором, и не было участка, куда бы она не проникла. Живая, с громким голосом, она день и ночь гремела на этажах станции. Если где что не ладилось — поднимала всех на ноги. И на участке строительства ее знали больше, чем начальника участка». (Из воспоминаний А. Адонъевой (6))

Из личного листка по учету кадров известно, что Бежанова вступила в партию в 20 лет. С 1917 по 1921 гг. она служила в Красной гвардии и Красной Армии в контрразведке и политруком. На Кузнецкстрой приехала по направлению Новосибирского крайкома партии. «Выступая на собрании актива в честь приезда Орджоникидзе, Бежанова горячо и громко говорила о недостатках

и так часто колотила кулаком по столу, что С. Орджоникидзе, отодвигаясь подальше, приговаривал:".Вот здорово! Вот так женщина!"» (Из воспоминаний А.Адонъевой)

К сожалению, судьбу Анны Петровны Бежановой далее 1936 г. проследить не удалось После того, как промышленный отдел ЦК В КП (б) отозвал ее в Москву с должности секретаря парткома Барнаульского меланжевого комбината, следы ее теряются...

Когда пришли красные, я оказалась в Симферополе. Две недели я работала в Крыму по выявлению офицеров, которые там остались. Они скрывались по домам. Все они были переодетые. Мы поймали массу офицеров, которые не успели сбежать на пароходах. Многих забирали прямо с пароходов. Солдатам мы ничего не делали, не трогали их, а отправляли в тыл в Россию. Вся сила была не в солдатах, а в офицерстве, юнкерах, генералах и всяких бывших людях. Много забрали их, много расстреляли. Так что чистка была очень длительная, Это была осень двадцатого года.

Потом мы дрались еще с махновцами около Синельников, около Хортицы. После разгрома махновцев меня перебросили на Юго-Западный фронт. Штаб его стоял в Киеве. Когда я вернулась в Киев, меня хотели направить в Польшу. У меня состояние было тяжелое. *Я* не хотела идти в разведку по старой профессии, хотела, чтобы меня освободили, — подала заявление. Демобилизовали...

После того, как я ушла из армии, я работала в Дементьевском районе, заведовала женотделом. Настроение у меня было воинственное. Со всеми я воевала, скандалила, как фронтовой человек. У меня это дело не совсем пошло. *Я* была тогда не совсем согласна с НЭПом, страшно буянила после всех этих событий и была страшно недовольна.

Как раз там работал Ян Гамарник. Он говорит: «Что мне с ней делать? Женщина была на фронте, человек хороший, а вот покою не дает. Надо ее отправить обратно на борьбу с бандитизмом.» И меня отправили в 396 полк, который стоял в Черниговской губернии. Меня отправили на политработу. Я была политруком в штабе этого полка. Этот полк ликвидировал банды в Черниговском уезде на границе Киевской.

Как ликвидировали банды. Я уже была тогда не в разведке, а работала политруком в штабе полка. Там познакомилась с комиссаром полка и вышла замуж. Жила с ним 10 лет и развелась.

Интересно, как выходила замуж. Я была тогда очень живая, неплохая сама по себе, энергичная в работе. Я была у этого комиссара в подчинении, как все политруки. Я была

единственной женщиной-политруком. Он начал подстреливаться: все посматривает на меня и кое-какие послабления делает. Я чувствую, что тут дело неладно. Все случилось просто. Было у нас заседание. Это было поздно, а я жила в конце деревни. Он меня проводил. Дорогой рассказал, как он жил, а я рассказывала о себе. Пришли домой, я хотела зайти в калитку, а он мне:

— Анна, я хочу жениться на тебе.

— Как на мне? Это же неудобно. Я твоя подчиненная.

— Ну и что ж? Надоела красноармейская жизнь. Я один, ты мне очень нравишься, и я решил жениться.

— А что же будут в полку говорить?

— Завтра утром пойдем зарегистрируемся, чтобы все было как следует.

— Ладно.

ю

Попрощались, поцеловались, и пошла я спать. Он был очень интересный парень, рослый, красивый. Думала я, думала, решила: ну, и надо выйти замуж. Надоела вся эта работа. Может быть, дальше лучше будет, не буду бросать.

Нужно было двух свидетелей — с его и с моей стороны. У меня никого свидетелей нет. Я подговорила 2-х красноармейцев, которые сказали мне: «Пойдем, запишем, что ты девушка». Пошли мы в ЗАГС, записались. Я перешла к нему. Стала его женой, но продолжала работать. Между прочим, в работе это очень отражается, и отношения другие. Бывает, он говорит, а я думаю: «Пошел ты к черту!» Это правильно, что не разрешают, чтобы жена была в подчинении мужа. Был у нас такой случай. Надо было проработать какую-то гему. Он созвал политруков и говорит:

— Такую-то тему надо проработать.

Я ему говорю:

— Я в своей части проработала эту

тему.

— А я приказываю проработать!

Я говорю:

— Не буду! — одним словом, при всех в амбицию. Он говорит:

— Не будете? Пять суток ареста с исполнением обязанностей.

А у нас, если на губу посадят, то спать на губе, а днем надо нормально работать. Я думаю: «Вот гадюка! Разведусь. Не надо мне такого мужа.» Пришла домой — скандал учинила. А он: «Никаких разговоров. Вы обязаны.» Стал на самую официальную ноту. Ночевала я на губе, где были арестованные. Было страшно неприятно. Я с ним ругалась. Говорила, что я с ним жить не буду,

а он ничего не отвечал. Я была зла, но понимала, что он прав, что будь я на его месте, я бы так же поступила. Я была просто зла. Никак не могла примириться с этим.

Потом мы стояли на польской границе. На Дальний Восток приехали мы в Читу в распоряжение пятой армии. Меня опять забрали в разведку. В это время начались переговоры на этом фронте, и нам не пришлось идти в бой. Когда мы приехали во Владивосток, то все японцы уже выехали. Владивосток был занят, фронты окончились, так что мне уж больше не пришлось идти в разведку.

Когда мы перешли на мирную жизнь во Владивостоке, я захотела уйти из армии. Мне не хотелось работать в армии. Это было в 21 году.

После ухода из армии меня назначили заведующей отделом работниц района. Я работала зав. отделом года два, потом — зав. губженотделом во Владивостоке, и я работала до 26 года. Приходилось много работать. До этого никакой партийной работы мне никогда не приходилось вести. Пришлось начинать с самого начала. Было тяжело. По женработе никаких событий не было. В 26 году я уехала оттуда по болезни в Новосибирск. Приехала в Новосибирск совершенно больная. Первое время ничего не делала, жила в Сосновке и через 3 месяца, когда совсем прекратились приступы, я пошла в окружком насчет работы. Все документы были со мной. Меня послали работать в вокзальный район, заведовать женотделом. Я немного поработала в этом районе. Я работала в Новосибирске 4 года. Мою работу (женработу) народ знал, и меня ценили. Я организовала специальный женский лагерь, который был первый в Союзе женский военный лагерь.

Когда я задалась целью организовать такие лагеря, как я это придумала? Мне очень хотелось военизировать женщин. Я не помню, какие политические события тогда были — кажется, события на Востоке. Я решила, что надо создать особый лагерь, где бы женщины военизировались и в то же время могли использовать свои знания в мирное время. У меня были организованы лагеря на 300 человек женщин в месяц. Мы их готовили с тем, чтобы они могли перейти в любое время на военную службу. Изучали трактора, потом были курсы разведчиц, курсы радисток, которых можно применить и сейчас в военное время. Трактористок мы передали колхозу, а радисток — на телеграф.

Когда я захотела эти курсы организовать, мне нужно было 10 тысяч. Денег мне никто не давал. Все говорили, что ничего не выйдет. Я разозлилась и сказала: «Не хотите — я буду сама

делать!» Созвала всех хозяйственников, говорю: «Ты должен дать 500 рублей, и ты должен дать 500 рублей, и никаких разговоров!». Они меня боялись, потому что я никого не щадила, выступала на всех съездах. Приду, бывало, и скажу: «Давай деньги!» — и все. Ко мне народ хорошо относился. И так я набрала постепенно денег. Брала у торгующих организаций, потом в производственных цехах — где только могла. Одним словом, 10 тысяч я набрала как одну копейку.

Нашли палатки, оборудование. Начали набирать людей на курсы. В лагере было 3 смены. Каждая смена по 300 человек. За три месяца мы пропустили 900 человек. Под Новосибирском есть бор, там мы разбили палатки. В одной части бора стоял женский лагерь, а рядом стоял полк ГПУ. Когда командир полка ГПУ узнал, что рядом строят женский лагерь, он пришел ко мне и говорит: «Что ты делаешь? У нас все красноармейцы перезаразятся». Он думал, что мы устраиваем дом терпимости. *Я* ему говорю: «Вы не понимаете женщин, вы смотрите на женщин, как на пережиток прошлого, и вы можете идти жаловаться куда хотите, а мы будем делать свое дело.» Он ушел, разругался, сказал, что будет жаловаться. С начальником ГПУ Заковским мы были в хороших отношениях, а командир пошел к нему жаловаться. Заковский меня называл всегда «моя невеста». Он увидел меня как-то и говорит: «Бежанова, ты мой полк хочешь разложить!» *Я* ему сказала: «Даю тебе слово как женщина, что ни один красноармеец не потеряет невинность».

И вот после всех споров мы собрали преподавателей, организовали первый набор. В лагере была введена строгая дисциплина: входить и выходить можно было только по особой записке. Если кто уходит из лагеря домой, то получает записку от начальника, что отпускается на 20 часов или на сутки. Пытались к нам несколько раз попасть красноармейцы. Я думаю, что эго полк их подсылал. Наши их арестовали, чуть не убили. Вскоре они увидели, что эго не так просто, что этот лагерь имеет большую дисциплину, и потом посылали специально посмотреть, что там делается. Под самый конец было очень интересно. Программа у нас была очень большая, был занят буквально целый день. Наши курсантки имели только время на обед. Вставали в 7 часов, проводили организованное купание. Все шло у нас как по ниточке. Просыпались все по свистку — никаких разговоров. Просыпаются, берут полотенце на руки. Умывались, зарядка, завтрак. После этого сразу начинаются занятия. Так что лагерь был прекрасно поставлен. Было много у нас колхозниц на тракторах, потому что это очень применимо в сельском хозяйстве. Были такие случаи, что женщина боится приступить к трактору,

плачет. Подойдешь к ней: ну, чего ж ты плачешь, учись с инструктором. И начинали учиться.

Мы учились стрелять из боевой винтовки. Полк нам дал свое стрельбище. В те дни, когда им не пользовались, они разрешали нам пользоваться. Тут тоже бывали случаи, что стоит в очереди и плачет. В результате учения, в общем, были хорошие. Учеба шла хорошо по всем видам. Был у нас там командарм Петин. И он устроил однажды проверку по стрельбе. И оказалось, что наши женщины стреляли лучше, чем красноармейцы. Он везде выступал с этими цифрами: “Вы посмотрите — женщины могут лучше стрелять, чем мужчины.” Он с этими цифрами носился недели две. Он провел стрельбища у них и у нас. Мы к этому готовились. Об этом лагере было много разговоров. После этого соревнования я пошла к командарму и говорю: “Так и так, вы должны нас проверить и допустить к участию в маневрах.” К этому времени мы договорились с полком ОСО. Наша задача заключалась в том, чтобы защищать свой лагерь, а их — в том, чтобы забрать его. Наши разведчицы пробрались к ним — их никто даже не заметил. Они сидели в кустах, а в пяти шагах от них — красноармейцы. Они подобрались к палатке, где сидел их штаб, все высмотрели, пришли и доложили нашему командиру, где какие силы и как они двигались.

Маневры прошли прекрасно. Полк ОСО наступал с города. Их силы должны были перейти через мост. Силы, конечно, были равные. Все это было подсчитано. Если бы был настоящий бой, то мы бы всех их перебили, потому что около мосточка мы сделали укрепление. Они полезли через мост, как курицы, совершенно не учитывая, что тут сделана преграда. Этот бой для нас прошел очень удачно.

После этого, когда подводили итоги, приехал командующий. Все они были в восторге от наших результатов, которые были по военной игре и стрельбе. Все они остались довольными. Было это в 1929 ГОДУ-

К нам в лагерь буквально гужом народ валил — из города народ валил, и из деревни приезжали колхозницы. За время пребывания в лагере все они страшно поправились.

В 1930 году, когда ликвидировали все эти губернии и пошла организация округов, меня послали учиться. Я поехала на курсы марксизма в Москву. Там нужен был шестилетний партийный стаж и 10 лет производственной работы, а также социальное происхождение. Меня приняли, и я училась там два года. Надо было изучать Маркса в подлинниках, а я никогда в жизни до этого Маркса в руках не держала. Мне было тяжело. Я сама по себе человек малограмотный, никогда не училась в школе,

самоучка. Но я занималась очень много. Если нужно было заниматься восемь часов, то я занималась шестнадцать. Страшно много занималась. Дают тебе какой-нибудь доклад, и ты должен его изложить. Я тогда была в группе первой ученицей. Я училась, но ЦК меня очень часто посылал на всякие работы. Был такой случай. Послали в Карелию на три месяца. Сначала они думали, что, мол, баба возглавляет комиссию. А когда я их взяла в оборот, они почувствовали: это не баба, а черт. После этого мне не дали доучиться. Дали удостоверение и послали обратно в Сибирь. Было это в 31 году. Приехал Эйхе в Москву и сказал, что в Сибирь нужны работники. Он взял несколько человек, в том числе и меня. Мне не хотелось ехать, я хотела доучиться, но Эйхе сказал, что нужно ехать.

Приехала я в Новосибирск. Назначили меня зав. орготделом в Ленинске. Я сказала, что не поеду ни за что. Недели две я канителилась, требовала, чтобы меня отправили обратно. Обратно меня никто не собирался отправлять. Я была возмущена. Сорвали с учебы — было очень обидно.

Меня хотели послать в какой-нибудь район, предложили мне несколько сельских районов... Вдруг Эйхе вызывает и говорит: “Решили тебя отправить в Кузнецк.” Я подумала — все-таки перспективы большие, работа интересная. Он говорит: “Или поезжай в большой район, или в Кузнецк.” Я решила выбрать Кузнецк. Это было начало 31 года.

Строительство здесь только разворачивалось, только котлованы копали. Секретарем райкома был Станкин. Когда я приехала сюда, он мне предложил пойти работать в райком на массовую работу. Я ему сказала, что не пойду ни за что, что я пойду только на низовую работу, что училась я не зря.

Раз так — послали меня на низовую работу, направили секретарем парткол-лектива ЦЭС. Первым долгом поставила себе задачей овладеть делом. А то мне называют целый ряд вещей — воздуходувка, машинный зал, турбинный зал... А что это такое, я не знаю. Там были Ярошенко и Петровых, очень хороший парень. Он был помощником начальника строительства. Я попросила их помочь мне. Они мне очень помогли. Показывали, рассказывали, книжки дали. Начала изучать бетонную работу, чтобы понимать, если придется разговаривать на эту тему.

Я была недовольна начальником, потому что он не знал работы. У нас были сильные стычки. Он давал массу неправильных распоряжений, была масса переделок, бесхозяйственность, работы шли плохо. Я несколько раз ходила к Станки-ну, чтобы снять его. Наконец, он сам сбежал. Послали к нам Гольденберга. Этот — тип умный, он понимал дело, но с ним

было трудно работать, потому что он не совсем коммунист, и у нас с ним были стычки. Был у нас такой случай. Клали у нас балки, и в этих балках должны быть швы. Эти швы должны быть совершенно свободны. Когда их клали, между ними укладывали кусочки дерева для расширения материала. Я ходила день и ночь по стройке и наблюдала работу. Я имела огромнейший авторитет. Кто чего не сделает — все прут ко мне, и я сделаю. А то ходят: к одному, другому, третьему — ничего не выходят. Они все прекрасно относились ко мне. Называли партмамашей. Я каждый день бывала в машинном зале, Как только прихожу, я обыкновенно начинаю всюду лазать. Лазала по лесам, а рабочие удивлялись: “Какая толстая, как она лазает.” Я лазала по лесам, и мне не страшно было. Как только войду в зал, сейчас же кричат: “Пришла партмамаша!” — все уж меня знали.

Гольденберг никогда на стройку не ходил, он все в конторе сидел и не знал, что там делается. Я приду, бывало, к нему и спрашиваю:

— Почему это не так делается да почему то не так делается? — а он говорит:

— Ничего подобного.

— Откуда ты знаешь?

— Мне докладывали. А ты откуда знаешь?

— А я действительно знаю.

Я всегда была сама на строительных работах. К тому же, если что случалось, рабочие моментально приходили и сообщали мне. Однажды он мне сказал: “Ты этого совсем не знаешь, надо проверить!” Ну, проверили. И я оказалась права. В дальнейшем он уже знал, что, если я что-нибудь говорю, — это действительно так.

Тогда никакие трудности не останавливали. Был такой случай. Нам надо было установить турбину 6000 киловатт. Был установлен определенный срок — 3 месяца. Я собираю инженерно-технический персонал и говорю: «У нас остается полтора месяца, нам предстоят огромнейшие монтажные работы, и нужно будет, чтобы вы этому делу помогли.» Они говорят: «Из этого ничего не выйдет». У нас был американец Диз. Он со мной часто спорил. Он хорошо ко мне относился, но он тоже заявил, что это невозможно, что это огромнейшая работа. Тогда я сказала:

— Разрешите мне поговорить с рабочими. Поручите мне это дело. Я поговорю с рабочими, и они возьмут на себя это дело.

Они говорят:

— Ничего не выйдет. Всякие расчеты — никак нельзя сделать.

— А если рабочие возьмутся и действительно сделают, вы как

инженерно-технический персонал пойдете на помощь у себя на своих участках?

— Конечно, мы будем помогать.

Коммунисты мне сказали, что надо работать день и ночь, чтобы дать машины. Я им сказала, что им буду доставлять еду, все организую, но турбину надо дать. Они согласились. Собрали рабочих — они говорят: «Что сказала партмамаша — это закон.» Я объяснила рабочим, как обстоят дела, они приняли мое предложение и начали работать, и, действительно, по-ударному работали. И вот в течение полутора месяцев они не выходили из корпусов, кроме того что в уборную. Я кормила их чем только могла — и куры, и гуси, и горячее им приносили, и холодное. Спали по полтора часа и снова работали.

Действительно, героические рабочие — они дали турбину за полтора месяца.

А этот американец Диз вначале не понимал, что такое соцсоревнование и ударничество. Когда он посмотрел, как эти люди работали, тогда он мне сказал: «Теперь я понимаю, что такое соцсоревнование.»

В течение полутора месяцев я тоже не выходила со станции: вдруг какая-нибудь задержка или чего не хватает, — я сейчас же доставляю.

Пустили мы турбину. Был митинг, потом был пленум горкома партии, меня решили забрать в горком. Я была страшно недовольна, возмущалась и возражала, не хотела выходить на работу. Потом все-таки начала работать в массовом секторе. Никакой культурной работы не было. Денег на это мне не давали. Я поставила себе задачу организовать культурный центр. Хотела огородить сад. Но в то время леса на площадке совсем не было. Тут приходит 35 вагонов лесу. Этот лес пришлось красть. А потом организовала субботники — огораживали. Франкфурт видит лес и спрашивает:

— Интересно, кто это строит?

Целый месяц люди очень интересовались, что там делается, но я сказала — никого не пускать. Мне все опять говорили, что из этого ничего не выйдет, даже Хитаров. А я ему говорила: через месяц посмотрим, а до тех пор никого в сад не пущу. Как оказалось, Франкфурт туда ходил каждую ночь. Была проделана огромная работа. Место, где сейчас стоит театр, нужно было выровнять, потом нужно было сделать сооружения: буфет, читальню, беседки, скамейки... На скамейки я дала разверстку по всем цехам по 10-15 скамеек: умри, но сделай, — никаких разговоров. Скамейки сделали на двух человек, чтобы третьему негде было сесть — чтобы хулиганства не было. И действительно,

хулиганства не было, и часто говорили: «Вот хитрая! Что она сделала — парочка только может сидеть!» Все это устроили, пригласила садовника. Там у нас был большой портрет Сталина, прекрасный портрет, как живой. Его потом переносили оттуда и порвали. Садовник сделал клумбы, осветили сад. Когда приезжали артисты, они говорили, что этот сад — кусочек Швейцарии. Все поражались. После этого я пошла к Аверьянову и Хитарову и сказала: «Пойдемте, я вам покажу.» Вечером сад был очень красиво освещен, все было изумительно. Я их привела, сторож открыл ворота. Хитаров прямо не верил:

— Как же это ты за месяц сделала?

— Все сделала, сказала вам месяц — и вот, пожалуйста!

По вечерам в саду собиралось народу по нескольку тысяч, все дамы в своих нарядах — некуда же больше ходить. Все были очень довольны, а главное, — все это сделалось без денег, и все не верили, что получится. А потом: «Молодец, молодец...» А сколько одной земли пришлось вывезти! У меня был большой план относительно этого сада. Мне не удалось закончить, потому что вскоре меня опять

переключили на другую работу.

***

Когда я жила в Киеве, мне дали квартиру в монастыре. Была там у них игуменша. Обычно к ним туда никто не мог ходить. Этот монастырь был в центре города, очень красивый, огороженный огромной стеной. Огромнейший монастырь, и прекрасный фруктовый сад. Жили они очень хорошо.

Я много работала и возвращалась домой очень поздно, в час-в два ночи. Ворота у них запирались. У ворот стояла охрана. Жила я одна в келье. Отдельно стоял домик, в котором жили монашки-коровницы. Монашки были молодые, красивые, рослые. Они пускали к себе мужиков через забор. Подадут веревку, и те перелезают, Бывало, иду домой, а они под забором сидят. Ночь, луна, парк — красиво, и под кустами они сидят, парочками. *Я* не вмешивалась. Бегаю себе, работаю, занимаюсь большевистскими делами.

Не знаю, как было, но кто-то доложил игуменье, что ко мне приходят мужчины. Надо сказать, что ко мне туда вообще ни один человек не приходил. Игуменья вызвала меня к себе. Открывает мне дверь прислужница.

— Меня звали?

— Да-да.

Доложила она обо мне. Я захожу. Сидит она в кресле. Мантия распущена, на голове косынка. Я зашла:

— Здравствуйте.

— Свет, надо покланяться. — Она думала, что я буду на колени падать. Это у них закон такой. —Мне доложили, что вы распутная женщина, и что к вам ходят мужчины, а в нашу святую обитель не разрешается ходить мужчинам.

— Мужчины ходят к вашим монашкам.

—Как к монашкам?!

—Очень просто, к вашим монашкам.

Она вскочила:

— Вы знаете, что я с вами сделаю?!

— Вы со мной ничего не сделаете. Я член Горсовета. Если хотите, я вам докажу, где ваши монашки со студентами спят!

Как она забегает по комнате! Видно, что за всю жизнь она таких разговоров не имела. Может быть, действительно от нее скрывали. Я ей говорю:

— Вы меня опозорили, назвали распутной женщиной. Сегодня я приду в два часа ночи. Потрудитесь выйти, я вам постучу и покажу, что у вас делается. Если нет, то я поставлю вопрос в горсовете.

— Ну, хорошо, свет, но если это неправда, то за клевету на божий дом будете отвечать.

Я ушла. В этот вечер, когда я вернулась, десятки человек сидели под кустиками. Пошла я за игуменшей. Повела ее к коровнику. Взяла она охранника. Пришли туда — она как заорет, как заскачет. Те начали разбегаться. Мужчины через забор никак не перелезут. Охранник стреляет. Паника! Я ей говорю: «Ну, теперь убедились? Вот где ваши святые монашки!»

Я переехала на другую квартиру (5, Л. 280-317).

ХЛРИТИНА ВАСИЛЬЕВНА БЕЗЛЮДНАЯ

Окончила Московский Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Работала на стройке по направлению ЦК партии секретарем партбюро треста «Водоканалстрой» в 1931-1933 годах. После Кузнецкстроя Харитину Безлюдную отозвали в Москву, где она проработала до пенсии.

«Звали ее Франя. Она была душой коллектива треста «Водоканалстрой». Внимательно относилась к каждому предложению и просьбе рабочих и служащих. Люди к ней шли, как к родному человеку. Почти все свое время она быта на линии. Зимой одета в полушубок («кожух», как звала она), валенки, шапку. Летом — в плаще и сапогах. В свободное время (хотя его было совсем немного) мы читали Маркса, Энгельса, Плеханова. Она привезла из Москвы хорошую библиотеку». (Из воспоминаний А.

Адоньевой (6))

На площадку я приехала в январе 1931 г. раньше, до Кузнецкстроя, я была деревенским работником, работала в полупромышленных организациях. Поэтому стройка произвела на меня особенное впечатление. В какую я обстановку попала?

Во-первых, начальник цеха шесть месяцев был в долгосрочной командировке. Технорук Круговое обвинялся во вредительстве. Цехком распустили, секретаря ячейки комсомола, бывшего кулака, тоже убрали. В цеху — страшная расхлябанность. Технического руководителя судили, обвинили, но потом выпустили. Он был тряпкой, размазней. Он придет в ячейку и ревет. Был гам Радолицкий — член партии с 1914 г., но он тоже твердой линии не проводил. Инженерно-технический персонал, среди которых было только два коммуниста, были страшнейшие оппортунисты.

В результате — сложный переплет, и в этом сложном переплете пришлось вести работу. Полный развал труддисциплипы.

Коммунисты-инженеры меня тоже не поддерживали. Тогда я стала нажимать на них, забирать в свои руки. Хотя у меня опыта на промышленном строительстве не было, но у меня был большой опыт партийной работы. И политическая подготовка, политическая ориентировка.

В результате я всех начала прибирать к рукам. Жестокое сопротивление началось после того, как я на бюро ячейки поставила вопрос о том, что коммунист Алейников не хочет учить рабочих, занимает двойственную линию, что нам такие люди в партии не нужны. Тогда мне заявили, что я еще молодой человек, опыта не имею.

До меня секретарем ячейки был коммунист, который сейчас сбежал с площадки. До бюро они все со мной, а на бюро — в кусты. Тогда я решила избрать другую линию, линию непосредственной ориентировки на рабочую массу, и через подъем энтузиазма рабочей массы сделать соответствующий перелом в работе мне удалось. В частности, была привлечена к работе Крючкова из «Большевистской стали». Она бывала у нас на заседании. У нас на декадном совещании была плановооперативная группа, и, когда декадный план принимали, тогда резко выявилось настроение Алейникова. На этом заседании выдвинулась бригада Шидека. Это была моя опора. Шидека я тогда втянула в партию, хотя у него было много недостатков: у него были элементы рвачества, излишнее самолюбие, чисто польская натура с ее недостатками. Но я решила его принять в партию — просто надо было на кого-то

опереться. Так я приняла человек 15.

Наряду с этим, когда я объявила на партийном активе и поставила резко вопрос, эти инженеры заявили, что у меня опыта нет. В результате у меня появилось такое настроение, что, может быть, я в самом деле не умею работать. Но потом начался перелом: начали в газетах констатировать подъем у рабочей массы. План пуска шамото-динасового цеха был оппортунистическим. Мы его тогда разбили: он не ориентировал рабочую массу на быстрые темпы. Там, конечно, пустили не весь цех, но кое-что пустили. В такой обстановке мне пришлось работать.

Потом приехал начальник цеха Муха. Он был очень непартийный человек. Он был коммунист, но по существу не партийный. Он считал, что рабочий класс сам по себе, а партийная организация сама по себе: это, мол, я дело делаю, а у тебя болтатели. Мне с этим товарищем приходилось вести борьбу. В результате приеха-

ла выездная сессия контрольной комиссии и исключила Алейникова из партии, а Муху предупредила, что нужна увязка с общественными организациями. Он ведь даже не знал, сколько у нас коммунистов. Его, между прочим, тогда из партии исключили.

В то время начался подъем в рабочем классе. Этот подъем тогда выразился в том, что построили 18-камерную печь, 16-камерную. Затем начали монтаж шамото-динасового отделения. Начали быстро строить печи.

Конечно, были и отсталые настроения: старые десятники, старые формы работы, артельщина. Приходилось бороться с этой артельщиной, но в результате цех начал выправляться. Но тут я сама стала чувствовать себя плохо. *Я* прямо с хлебозаготовок, где подорвала свои силы. Я ходила совершенно черная, забыла, что у меня есть семья... Елисеева мне говорила, что я совершенно сумасшедшей стала. Я день и ночь бывала в цеху. Когда я поставила вопрос об отпуске, меня согласились отпустить.

После отпуска с окрепшими нервами пришла я в Водоканалстрой. В коллективе было 10 человек партийцев. Из них двое на производстве — Кожемякин и Денисов, остальные — обслуживающий персонал: начальник работ, десятники и пр.

Тут было 500 человек вольных рабочих, а остальные кулаки. Не теперешние спецпереселенцы, а настоящие деревенские кулаки. Методы работы были кулацкие, например, посадить в холодную или по матушке, по батюшке рабочих... Не выполняет норму — садись в холодную. Одним словом, обращались, как с классовым врагом. Впрочем, такие же методы применялись и к

вольным рабочим. Никакой воспитательной массовой работы не было. Секретарем ячейки был некто Ковальков, человек очень ограниченный, безграмотный политически и азбучно.

Пришла я сюда. Склока бесконечная в партии. Сазыкин очень крупный специалист, талантливый человек. Баш был очень оригинальным, интересным человеком. Он с 18 года в партии, красногвардеец, бывший рабочий, очень долго был в Красной армии. Теперь он имеет очень большой производственный опыт строителя, но сам безграмотный. Исключительный человек: партийный и по существу, и по своему„$£|деЬжанию. Очень много идей, которые разработал Сазыкин, принадлежат теперь Башу. Он занимал такую линию: мне нужно построить завод, зачем мне личная слава, мне же из этого авторитета лапти не шить... А вот оБаше помню случай. Однажды подходит он ко мне и говорит: «Ты знаешь, Безлюдная, я сегодня ночью надумал такую вещь. У нас плохо с массовой работой. Я когда-то был в Красной армии заведующим клубом, так у нас была такая-то форма массовой работы. Давай введем у себя то же.» Следовательно, он не только строил, но он считал, что без массовой работы мы ничего не сделаем. Значит, он помогал в общественной работе активно.

Когда я шла в Водоканалстрой, мне не советовали: там нет ни парторганизации, никакой массовой работы. Но меня сильно уговаривал нач. работ. Он нарисовал перспективу, что вода является нервом завода, без нее завод жить не может. Это тоже будет один из основных участков. Я согласилась. Мы начали работать. Парторганизация тогда из себя ничего не представляла.

У нас тогда вели основную линию к мартену. Там была забастовка: на мартене не хотели переходить на 10-часовой рабочий день. Там было несколько кулаков, которые вели работу против нас. Коммунистов не было. Не было и комсомольской ячейки. Опереться было не на кого. И вот я приду и говорю с ними до хрипоты. Мне пришлось несколько дней вести с ними отчаянную борьбу, но все-таки мы переломили их на 10-часовой рабочий день. В результате мы заняли твердую линию на воспитательную работу, затем на обработку, чтобы привлечь в партию лучших ударников. Ведь нельзя работать, когда на производстве всего два коммуниста.

Затем у нас начала разворачиваться большая работа. Сначала были почти одни кулаки. Потом начала прибавляться вольная рабочая сила: появилось полторы-две тысячи вольных рабочих. Мы взялись разворачивать массовую работу. Нам сразу дали срок подачи воды на площадку 1 августа. Правда, мы не справились с этим сроком, но потом нам дали твердый срок — 20 августа, а 1

августа — это был загиб. Это была очень тяжелая работа, потому что нужно было водопровод проложить на 3 с половиной километра в одну нитку, а в две нитки — 6 километров. А ведь деревянный водовод — это первый в

истина

«С41К

Союзе. Им очень интересовался Бухарин. Он все время просил Бардина, чтобы ему описали этот водовод. Почему именно этот срок пуска водовода был строго выдержан? Потому что был очень твердо сконцентрированный кулак административно-технического руководства, и была очень тесная связь с общественными организациями, и они сумели мобилизовать рабочую массу.

Ведущую роль у нас играла высококвалифицированная верхушка рабочих. Было несколько особенно ярких фигур. Например, один монтер по фамилии Ко-машкин, бывший партийный работник, исключенный за перегиб. Его хотели заинтересовать деньгами. Но он ответил, что он борется не за деньги, а за темпы. Исключительный парень. Пользовался влиянием и вел за собой всю группу квалифицированных рабочих, сплотил их. Мог не спать по нескольку суток. Но, между прочим, он сейчас сам разложился. И те ребята, которые проявляли исключительный героизм, — они сейчас тоже начали много пьянствовать. Просто вышли из поля влияния общественных организаций.

Затем были сварщики Коваленко, Полянский и другие. Они работали так, что их трудно было из грубы вытянуть: поест и опять лезет. От изнеможения падали. по 30-40 часов работали. Есть даже фотография: он падает, его снимают, затем отправляют спать часа два. На этих монтажников, сварщиков и плотников смотрела вся остальная масса землекопов и заражалась энтузиазмом.

О выходных днях никто не думал. Никто не считал часов. У пас не было ни одного рабочего, который бы не перевыполнял своего задания. Приходилось почти не спать. Иногда ночью немного заснёшь, но тут прибегут рабочие: Безлюдная, того не хватает, другого... Рабочие всегда бежали за мной, если чего не хватало. Я бегу к начальнику работ или к технору́ку. Был такой особенно яркий момент: народ устал, мне один производитель работ говорит: «Ты, Безлюдная, не уходи, а стой здесь, потому что рабочие изнемогают. Они будут видеть, что ты стоишь здесь, значит, парторганизация с ними, и у них будет какой-то подъем.» И я оставалась на участке до рассвета. На площадке пошла такая теория, что есть Бежанова, Елисеева и Безлюдная. Говорили, что

Елисеева и Безлюдная в канаву лягут и умрут, если они не сделают своего.

Когда 20 августа срок выдержали, мы получили телеграмму от Орджоникидзе: ЦК партии нас похвалил за то, что мы с трудной и большой задачей справились.

Кроме того, были у нас контрагенты. В заводоуправлении не было особенного доверия: цех ни один не пущен, значит, вода никому не нужна. Куда вы спешите? Надо потише. В частности, и Франкфурт так говорил. Я пошла к Хита-рову и говорю: «Очень нехорошие настроения поднимаются у наших беспартийных специалистов. Говорят: разве воду дадут к 20 августа? Это просто пыль в глаза пускают.» Он ответил: «Ты пойди к своим товарищам и скажи, что не важно, если в заводоуправлении вода не нужна. Она нужна партии и рабочему.» Бюро ГК нас очень крепко поддерживало. Хитаров звонил по цехам, а Баш говорил, что, если бы бюро ГК нас не поддержало, воды на площадке не было бы. Тогда двухтысячный коллектив сырой крестьянской массы был заражен одной идеей — дать воду в срок, и больше ничего, никаких других мыслей, никаких желаний не было. Никогда никто не считался ни со временем, ни сроком. О зарплате никто не спрашивал, а просто работали.

Наряду с пуском водовода выстроили своими силами 19 бараков, клуб и все время констатировалось, что социально-бытовые условия у нас самые лучшие на площадке. Заводоуправление очень сердилось за это. Они говорили — надо строить промышленность, завод, а не бараки. Баш показал мне ту бумажку, которую прислал Франкфурт с запрещением строить социально-бытовые учреждения, и положил ее в карман.

О себе мне неудобно говорить — обо мне пусть расскажут другие. *Я* пользовалась почему-то исключительной популярностью среди рабочих. Я просто не знаю, чем это объяснить. Я массовик и, конечно, преданный делу человек. Но сейчас мне даже самой смешно, что говорили: если Безлюдная возьмется, то обязательно будет сделано. В частности, такой характерный случай. Строился прокопьевский водопровод, и там технорук. Он приезжал ко мне советоваться. Приезжали люди из треста, из Москвы. Я стала какой-то легендарной личностью: вот женщина на строительстве, на массовой работе. И сейчас, когда увидит меня главбух Кондратьев или зав. тех. бюро Сазанов, — обязательно посоветуются о чем-нибудь. Существовало какое-то особое мнение обо мне.

И личная жизнь моя несколько странно сложилась. У меня есть малец. Когда появился мальчик, все говорили обо мне: «Как это так? Ведь этот человек создан для того, чтобы сидеть и

работать!» Это как громом поразило всех. Всех удивляло, что моя жизнь проходит исключительно на работе, что у меня нет личной жизни.

Я — обыкновенный, посредственный человек, и почему мне удалось создать такой исключительный подъем, так сплотить инженерно-технический коллектив — я просто не понимаю. Правда, я чуткий человек и массовик. Это помогло мне. И затем некоторая настойчивость, и, кроме того, мне помогало партийнохозяйственное руководство.

Первую воду мы подали ЦЭСу, но ЦЭСу вода была нс нужна. Когда мы подали воду, цэсовцы рассердились, потому что у нас срок был выдержан, а они не выдержали. Пуск ЦЭСа несколько раз откладывался, а Водоканал срок выполнил. 24.04.1933. (5, Л. 172-197.)

МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА БЕЛИКОВА

Родилась в 1898 году. Приехала на Кузнецкстрой с мужем из Новосибирска 1 октября 1928 года. Беспартийная. Машинистка. Член первого месткома заводоуправления в 1930 г.

...На общем женском собрании же-норганизатор Верхней Колонии Тропина, жена начальника Тельбесбюро Бреуса, поставила вопрос об открытии детской площадки. На этом же собрании постановили организовать субботник по чистке и выкорчевке рощи для детской площадки. На воскреснике работали женщины, административно-технический персонал и сам Бреус. Весной 1929 г. открыли в роще первую детскую площадку человек на 50, брали преимущественно детей рабочих. Площадка работала летние сезоны до 1931 года. Женщины сами ездили по деревням, закупали продукты.

На общественной работе я была техническим секретарем ячейки ОСО — первой ячейки, проводила вербовку женщин. Работал стрелковый кружок — человек 15 женщин записались. Был организован кружок РОККА. Лекции читал фельдшер, но прекратили оттого, что фельдшер был неграмотный.

Рядом в ЗСК N° 92 был маленький клуб. По воскресениям собирались там, плясали, играли на гармошке. Было как в деревне. Собирались все — и рабочие, и ИТР. При клубе был драмкружок, и оркестр, и хоровой кружок. Мы ставили своими силами постановки и с постановками ходили в Бессоновку. В деревне принимали с удовольствием — ничего ведь там не *было. В* этом же клубе потом было кино. В клубе помещалось человек 100.

Весной 1929 г. был организован кружок ликбеза. Руководила учительница. В кружке учились главным образом женщины, почти все домохозяйки. Тогда организовали курсы для подготовки женщин. В 29 году 1 мая женщины собрали ребятишек, катали на машине, была детская площадка, устроили ребятам угощение. Прибегали ребята из Сад-города, из Бессоновки. Они на праздники всегда приходили на площадку.

Женщины принимали участие в кооперативной работе. В лавочной комиссии кружок кройки и шитья был организован в 1930 г. Вообще в 1930-31 годах жены инженерно-технического персонала отказывались от работы. Васюкова тогда ходила по квартирам и приглашала в кружок. Говорила, что на производстве женщине трудно работать по болезни или из-за детей, а в кружок надо идти обязательно. Она была очень активный общественный работник по сбору средств на детуч-реждения (подписные листы на организацию детской площадки, буфеты на вечерах в клубе ИТР в пользу детучреждений), по размещению займов. Потом она работала продавщицей в ЗКК. Любила она работу, но ее сильно одолела болезнь и дети. Плакала она, когда уезжала отсюда. Была делегаткой с 1927 г. Васюков сам человек был тяжелый. Не раз его вызывали в райком из-за отношения к жене. Они жили в деревне Бессоново.

Я была членом первого месткома заводоуправления в 1930 году, председателем комиссии по охране труда. Сидишь, работаешь вечерами осенью 1929 году, а волки воют в роще на горе. В ту рощу по грибы ходили. Было много ягод клубники — там, где сейчас мартеновский цех, и у нас за домом. Змей было много.

Ходили мы — начальник Бреус, его жена, мой муж — выбирать место для заводоуправления. Был там кустарник, цветов было много, воздух очень хороший, а там, где шамото-динасовый, было много черемухи, как молоком было облито. Заводоуправление было спланировано в виде штыков. (4, Л. 201-204.)

БЕРСТЕНЕВА

Жепоргашаапгор на кирпичном заводе.

Я рождения 1905 года. На кирзавод попала со ст. Бачаты. А в Бачаты приехала с родителями в 1921 г. из России, из Калужской губернии, во время голода. Приехали добровольно, крестьянствовать не стали. У меня отец был плотник, каменщик. На все руки. Мы с отцом работали на ремонте железнодорожных

путей. Мне было 16 лет. *Я* под шпалы подбивала землю. Зимой с ноября по май — безработица, я получала на безработицу. Кое-как после смерти отца жили на пособие по безработице: пряли зимой и за это получали муку, деньги. Я сама неграмотная.

В 21 году в Бачаты пришла банда в 12-15 человек. Помню, что одного коммуниста они даже повесили. Они громили бараки, воровали. За это мы пошли с ребятами коммуной ликвидировать банду. Просто вооружились и пошли. Нас было 10 человек, из девчат была только я. Мы всех перестреляли. Нас было 10 человек, а их 12. У нас только одного сильно ранили. Я всегда ходила с наганом. Я как-то хотела застрелить мать за то, что она запсиховала. Это было в 26 году. Она все за комсомол меня ругала: «Накомсомолишься ты!» Соберутся женщины, старухи и говорят:

— У тебя девчонка распутная, — все с комсомольцами ходит.

А тогда комсомольцы работали не так, как сейчас. Дорога ли испортится, или что-нибудь — бегут комсомольцы, исправляют. Около нас была деревня Караганда, над которой мы шефствовали. По вечерам туда ходили — ставили постановки. Ночью прешься оттуда. Мать стала что-то говорить — меня затрясло. Я схватила наган, и на нее. Зять вырвал у меня наган и больше не отдавал.

В 1926 году в мае к нам в Бачаты пришло распоряжение с кирзавода о том, что нужны работницы, и нас перебросили по безработице на кирзавод. Здесь нас приняли. Я получала 18 рублей в месяц. Переехала сюда одна, а мать осталась с ребятами. Здесь я работала откатчицей кирпича, а через месяц ребята узнали, что я работаю на семью, что у меня есть иждивенцы, и перевели меня на резку, на высший разряд. Я стала получать 27 рублей.

В 1927 году я перевезла на кирзавод своих ребят и мать. И пошла учиться на ликпункт. Ликпункт был на заводе. В этом же году организовались вечерние рабочие курсы. Я пошла на эти курсы. В 1929 году меня оторвали на общественную работу. Из комсомола я ушла, потому что назвала секретаря сволочью, и меня выкинули из списка.

На кирзаводе я вела пионерработу, а затем мне дали женскую работу.

Снова поступила я в комсомол, потому что у меня было какое-то тяготение. Когда я поступила в комсомол, спрашиваю у секретаря комсомольской ячейки: «Яша, как же мне теперь богу молиться?» Я думала, что слово комсомол происходит от слова молиться. Они надо мной страшно хохотали. Так что, когда я вступала в комсомол, тогда я ничего не понимала.

По женработе я работала среди девушек. Когда я приехала

сюда, мне дали сразу пионернагрузку. Работала до 1927 го года, когда меня из комсомола перевели в партию. Когда я вступила в партию, здесь я уже маленько знала дело. Я уже была грамотная. Мне дали нагрузку — женор-ганизатора. У нас тогда было человек 100 женщин. Работницы все были тогда дружные. На кирзаводе мы собирали делегатские собрания, слушали доклады о международном положении. О производственной программе мы почему-то не слушали, а только об Октябрьской революции и проч. Женруководителем был Васичков. Он делал доклады на политтемы; что такое Советы и т.д.

Собрания у нас бывали каждую неделю. Делегатские собрания были тоже, но они не разделялись. Делегатки были прикреплены к разным секциям, скажем, к завкому, к партячейке, к комсомольской, к поссовету и проч. Делегатки нам сильно помогали. Это были работницы и жены рабочих — домохозяйки.

С деревней у нас такие отношения: и сейчас наша подшефная деревня Бунгур. Я тогда руководила драмкружком и струнным оркестром. Организую ребят, найду парней, которые умеют играть, и они работают под моим руководством. Я была в качестве режиссера в драмкружке. Бывало, приедем в Бунгур, поставим постановку, соберем женское собрание. Всякие политические вопросы, посевная кампания и прочее — это меня не касалось. Меня касалась культработа. В Бессоновку мы тоже ходили со своей постановкой и с оркестром. Оказывали ли мы влияние на эту деревню — я не знаю.

Крестьяне немного бушевали по поводу выселения с места для постройки завода, но комсомольцы ходили к ним, разъясняли. Мы организовали в деревне Бунгур комсомол, но руководство наше было не систематическое. Мы обыкновенно ездили под религиозные праздники со своими постановками. Надо в церковь идти, а мы ребят собирали, устраивали вечера с пляской и пением, без поцелуев. Молодежь нас очень любила. Правда, некоторые девчата поговаривали: «Почему нет вечёрок?» — И садились с ребятами обниматься, но после нашего разговора они с нами соглашались. Даже сейчас старые девчата, которые нас знают, говорят: «Как только ты не стала ходить, у нас все пропало — и вечера самодеятельности, и даже клуб закрыли».

Закладка первой домны была первого мая 1930 г. Тогда была демонстрация, и проходило это очень торжественно.

Теперь все изменилось, и мы сами изменились. Сейчас я понимаю, для чего этот завод, какая у него цель,— а тогда я ничего не понимала. У рабочих вообще нет энтузиазма к заводу. Есть люди, которые болеют за это дело, но большинство относятся к делу равнодушно. Мы и раньше занимались

политучебой и ликвидацией безграмотности. На кирзаводе сейчас у нас нет ни одной старой работницы, которая бы работала давно на заводе: все выдвинуты на руководящую работу.

Одна Орлова застряла, и то из-за своей дурости: у них случился конфликт с Бугачевской. Бугачевская была очень грамотная девка, а Орлова — малограмотная. Ее выдвинули старшие рабочие, а Бугачевская все время ей старалась подставить ножку. Эта Орлова поступила в кандидаты в партию. Когда Бугачевская начала ее шпынять, она рассердилась и выбросила свой билет. Ее сняли с работы и исключили из партии. СибКК ее восстановил, но она опять отказалась от билета. Потом мы на КК ее исключили совсем.

У нас на заводе было человек 100 женщин. Они все разбежались потому, что некоторые вышли замуж, другие уехали, постоянных выдвинули на работу. Например, Соколову — на старшего десятника и зав. цехом. Главным образом, выдвигали на кооперативную и хозяйственные работы. Только я осталась на заводе. Меня все время гнали в магазин ЦРК на работу, но я все скрывалась Потом уехала в отпуск с 15 декабря 1929 года по 1 января 1930, а здесь «без меня меня женили» — выдвинули в магазин. Я приехала из отпуска, начинаю свою работу работать, а Ковалев все время меня хочет сделать десятником. Я, как узнала, что меня выдвинули в магазин, то не стала ходить в ларек за хлебом, а просила девчат. И вот как-то однажды забыла, пошла. А мне там говорят: «Скидай фартук, тебя уже месяц как выдвинули». Завели меня за прилавок, и я стала работать. Работала 7 месяцев, до августа 1931 г. Снял меня с этой работы райком и послал на работу секретарем МОПРа в райком.

Когда Матросова пришла к нам работать, я стала ее просить: «Мне трудно работать, я малограмотная». С начала 1932 г. я пошла в женорганизаторы. А была я очень малограмотной и не догадалась пойти в райком, поэтому меня никуда не посылали учиться. Учусь сама урывками, по вечерам. Учиться в Комвузе стала только теперь. Я и сейчас малограмотная. У меня большое желание учиться. Я хочу ходить сейчас на курсы, которыми я заведую, на курсы слесарей.

Ясли у нас организованы еще в 1929 году. Была у нас женорганизатор Самойлова. Она их организовала. Ясли были человек на 10-12, потому что не было помещения и не было такого спроса. Дети были в чистоте, но холод был страшный.

Затем у нас было много беспризорных, подкидышей. Месяца по два мы держали их в яслях и отвозили в детский приют в Кузнецк. Два раза мне пришлось везти по 7 детей. Выяснить причины подкидывания нам не удавалось. Один раз подкинули

киргизенка. И только по низу узнали, что он не русский. Одна мать оставила сразу пять человек на станции и уехала. Ребята говорили: «Она ушла и сказала, что сейчас придет». Беспризорность у нас бывала большой, особенно летом, когда хлеба не хватало. Тогда много детей по столовым ходило. Мы делали подписные листы для беспризорных.

В прошлом году был штурм на домне. Этот штурм организовала парторганизация. В 1930 году на шамотном цеху был прорыв, и устроили месячник штурма.

Мы целый месяц в выходные дни ходили туда. Это было в марте 1930 года. Организовались мы человек по 30. Участвовали в этом штурме и домохозяйки. Домохозяйки даже по целому дню работали. Некоторые их них оставались и совсем на работе на заводе.

Жили с энтузиазмом. Только скажешь — все идут, как одна. После первого раза, когда попробовали штурмовать, то стали очень охотно работать. Пришли домой, рассказали, что там хорошо, завод хороший, много американцев — по крайней мере посмотришь людей. Денег за это мы не получали. Некоторые ребята даже говорили — если будете платить деньги, то мы не пойдем.

Как мы организовывали домохозяек? Я брала делегаток, разбивала их по домам, каждой давала по 10-20 домов, и они ходили и работали. Женщины работали на подноске. После этого штурма многие женщины поступили работать на кирзавод. Но те, которые были обеспечены, — они остались дома. (3, Л. 201-216.)

БОГДАНОВА

Старший кассир СНОП

Я приехала сюда в конце 1927 г. из Кемерова. Здесь еще было пустое место, болота и мы ходили по ягоды. Когда построили контору ЦРК, мы переехали в нее — и жили тут, и работали. В одной комнате нас жило человек 45 — и мужчины, и женщины вместе. Из женщин я была одна. Спали на топчанах. Печей сначала не было, позже построили. Вода прямо-таки лила. Утром вставали, ставили столы и начинали работать.

ЦРК обслуживало тогда площадку и Темир-Тау. Мы ходили по баракам и брали всех на учет. Столовой тогда не было, мы покупали и варили все сами. Когда стали брать всех на учет, то появились карточки. Продуктов тогда было вволю: апельсины, яблоки, мануфактура, готовое платье — все из Москвы. Так было в 1929, 1930 годах. Потом стало хуже из-за того, что народу стало

больше и снабжать стали меньше. Некоторые приезжали просто нажиться: приезжали служащие с большими деньгами, спекулировали. А то крестьяне на лошади — накупали на 600-700 рублей. Они страшно много зарабатывали. Сюда ехать никто не хотел — считали, что здесь глушь, болото.

До 1931 года у нас не было клуба. Его построили только в январе 1931 г. До этого у нас был один домик, и я занималась с пионерами. Клуб был только на 50 человек, и он у нас сгорел. Пожарных тогда не было, милиции тоже. Вся жизнь была в Кузнецке: там был Поссовет, Союз и т.д.

В то время у нас не было ни делегатских собраний, никаких организаций. Первое собрание у нас было — и мы ходили по баракам и землянкам. Сразу нас набралось человек 100 женщин, все записались с удовольствием. Это было в 1929 г., осенью. Мы жили вместе в ЦРК, и у нас была кооперативная ячейка. На собраниях делал доклады секретарь ячейки Новиков. Он проводил почти всю нашу женработу, вся работа кооперативной ячейки проходила у нас. Мы делали собрания в ЦРК. Тут были собрания всей Нижней Колонии.

Потом организовалась Верхняя Колония, и они там устраивали собрания отдельно. Делегатские собрания проходили у нас таким образом: прикрепляли некоторых делегаток к магазинам, создавали лавочные комиссии, затем при больнице прикрепляли делегатов и при амбулатории, потому что были жалобы, что больница не обслуживает. Когда была врач Ламбина — на нее были частые жалобы. Мы расследовали это, и оказалось, что она была просто переутомлена. Врачей было мало.

Затем мы открыли школу кройки и шитья. Мы съездили в Прокопьевск и купили две машинки. Тут была женщина, которая согласилась преподавать, но помещения нам не отвели. У нас был барак, сделанный из земли. В одной стороне его проводили курсы кройки и шитья, в другой — арматурные курсы. Мешали друг другу — в школу кройки шло страшно много женщин. Но тогда дело у нас сорвалось, потому что помещения не было.

Средства собирали таким образом: делали постановку. На эти деньги организовывали буфет и пр. Я была тогда режиссером.

Потом стали проводить беседы: Ламбина делала доклад по медицине, Новиков — о китайской железной дороге и т.п.

Затем открыли курсы красных сестер. Там преподавала Ламбина. Туда записалось человек 10-15.Эти курсы тоже не закончили, потому что больница была маленькая.

У нас был пионерский отряд 33 человека. Меня прикрепили к этому отряду. Приходилось сегодня в одном месте собираться, через день — в другом. Средства давали постановки. Ребята тоже

участвовали. Делали пельмени и продавали их. Тогда собрали 136 рублей, положили их в сберкассу. На эти деньги мы купили костюмы бедным детям, книги, пособия и горн. Еще сделали снимок детского отряда. Райком партии дал нам оркестр музыки бесплатно.

Помню, как мы здесь проводили впервые день 8 марта. Это было в 1929 г. 6 числа мы уехали в Бызово, за реку, отвезли туда газету “Ильичевка". Один мальчик нарисовал на ней строящийся завод. Мы приехали туда и сделали собрание. В Бызово организовался колхоз, когда мы проводили собрание. Мы сказали везти всех детей к нам. Мы выбрали комиссию, которая привезла туда гостинцы, манную крупу, конфект и пряников. Но киргизы ни одного ребенка нам не хотели давать. А когда мы первый утренник сделали, то все ребята пошли к нам с чашками. Женщины отнеслись очень хорошо: принесли молока, и мы сварили целое ведро манной каши. Тогда и киргизы прислали своих детей. Пришлось бежать в ЦРК и доставать еще крупы. Когда второй раз делали собрание, то киргизы уже кричали: «Давай нам каши!» Затем я попросила переводчика сказать, что нам нужно на наше празднество привести от них делегаток. И один коммунист-шорец вызвал свою жену, и она в своем национальном костюме с бусами и еще с одной женщиной приехала к нам. Когда мы приехали, нас встретили с музыкой. Но одна старуха лет шестидесяти испугалась. Она кричала: «Я дожила до того, что меня пороли в деревне, а теперь мне такой почет: привезли меня в гости». Оказалось, что, когда пришли белые в ее деревню, то они ее там отстегали.

Потом мы сделали им угощение. Райком партии нам дал средства, чтобы их кормить. Потом была музыка, плясали. Эта старуха тоже танцевала. Потом покатали их на автомобиле. Старуха была в восторге. Она произвела на всех сильное впечатление. О ней даже писали в газетах.

После этого мы стали как будто их шефами. Они приезжали к нам и хлопотали о школе. Я им обещала помогать. Тогда появилась женорганизатор, потому что я сама их не могла удовлетворить. Потом связь с ними потерялась, потому что стало много народу. Тогда работа пошла хуже. Мы забросили делегатские собрания.

Курсы начались с осени 1930 г. первыми открылись курсы продавцов и поваров,

В 1931 г. был приказ о том, чтобы семейным сюда не приезжать. В 1929 г. уже нанимали продавцов и рабочих и предупреждали: только холостым и одиноким и тем, кто жили поблизости от площадки, давали карточки на семью.

Политическим руководителем была Рожкова. Она была продавщицей и проводила все кампании: перевыборы, колдоговорную, хлебозаготовок — конечно, по директивам партии. Затем на меня возложили обязанность председателя месткома банка.

Делегатки ходили и, если замечали какие-нибудь неполадки, то созывали общее собрание ЦРК, Приходят и говорят: мы обследовали такой-то барак, нашли то-то. Обсуждали этот вопрос, воздействовали через газету. У нас была газета “Ильичевка”, издавалась рабочкомом. Это приводило к некоторым результатам: уборщицы подтягивались.

В бараках у нас жили только холостые. Пьянство и драки бывали очень часто. Когда мы ходили по землянкам — приглашали на собрание — то видели, что в некоторых землянках было лучше, чем в иной комнате. Иногда даже проводили беседы не в бараке, а в землянке. Беседы мы проводили по поводу коллективных огородов. Эти огороды сыграли известную роль в питании. Картошку делили между собой и работающими.

В связи с тем, что здесь был запрещен въезд женщин, я помню, в одном бараке на конном дворе мы вскрыли форменную проституцию. На общем женском собрании мы выступали по этому вопросу и просили развить там агитацию. Весь этот барак занимался кражами. Они служили продавцами в магазинах. Среди этих женщин работы не велось никакой. Когда было собрание союза Совторгслужащих, стоял вопрос об этом бараке — о пьянстве и разврате. Я была в этом бараке и сделала доклад нашему секретарю союза. Сделали обыск и нашли там много краденых вещей. И сейчас у нас в бараках процветает сколько угодно проституция. У нас в прошлом году комсомолки дошли до того, что перезаразились дурной болезнью.

Раньше женработа была сильнее, потому что они были более спаянные. У нас почти год работы среди женщин совершенно не было. Например, у нас в СНОПе никогда тебя не приглашают на собрания.

С продовольствием тогда было хорошо, но у нас не хватало печей. Хлебозавода не было. Печка выпекала очень мало, а муки было много, прекрасная белая круп-чатная мука. Когда я делала пионерский вечер, то специально покупала гусей. Тогда в ЦРК было сколько угодно кур и гусей. Что хочешь, то и выбирай — но только для членов кооперации.

Женщины тогда мало работали. Делегатки в большинстве были хозяйки. Женщин в то время было мало, но спустя год у нас начали строиться учреждения, расти больницы, и женский труд получил свое распространение. Женщины стали работать и в

больнице, и в аптеках, и в сберкассах.

В отношении культурных развлечений было очень плохо. До осени 30 года кино не было, радио не работало. Мы сами делали спектакли. У нас был кружок. *Я* была режиссером. Собираемся, выбираем пьесу, готовимся. У нас был маленький клуб, где был рабочком. В нем мы и делали постановку. Приходили к нам рабочие за плату и крестьяне из деревень. Первой постановкой была пионерская вещь “Пионер в деревне”. Играли пионеры. Затем ставили “Ее путь”, “Черт в деревне”.

Об отношениях с деревней. Нас очень ругали; “Черт вас нанес”. Делегатские собрания оказывали влияние на мужиков. Один раз суд устроили над мужиком. Дело было в том, что наши делегатки ходили по домам, и одна делегатка нарвалась на одного мужика, который налупил свою бабу за то, что она идет на делегатское собрание. Его взяли в оборот. Узнали, что он у нас работал. Через газету протянули. Баба эта приходила к нам и плакала, что хотел с ней разъехаться, но потом все успокоилось.

Женщины выполняли всякое задание, особенно с первым займом. Новиков на собрании рассказывал мам значение займа, сказал, что женщина должна быть здесь застрельщиком. И все делегатки пошли. Каждая должна была взять подписной лист. Ходили они по домам и по деревням и брали подписку на заем. Тогда продавали за наличный расчет. Носили два листа. Один за наличный расчет, а другой — подписной. Большинство подписывалось на 5-10-15 рублей. Одна женщина продала страшно много облигаций. Заем провернули исключительно женщины. Из мужчин ходили только те, которые прикрепились к рабочкому.

С ликвидацией неграмотности в 1929 г. дело обстояло так. У нас был один мальчик Коля в бараке, его Союзсовторг назначил ликвидировать неграмотность. Он тогда возмущался, что молодежь нехотя занимается, и отказался работать. Так что ликвидаторы были очень скверные. Жены культработников не принимали никакого участия в работе: помню, у нас одна делегатка заспорила, что муж и жена не имеют права вместе работать. *Я* в корне ей возражала, что это неверно, что мы свободные граждане и должны работать. Когда не хватало сил, то опять ставился вопрос, почему жены сидят и ничего не делают. Помню даже, что некоторых вызывали в Союз и говорили: “Ваша жена грамотная, может работать, пусть она приходит”. У нас было много жен культработников, которые могли бы прекрасно вести ликвидацию неграмотности, но они не шли к нам, а те, которые вели ликвидацию, сами плохо знали грамоту. Трудно было тогда привлечь женщину к работе, потому что была такая грязь, что

болотные сапоги оставались в грязи. Кроме того, возможно, что это были совсем другие люди. Помню я, жену сотрудника попросили напечатать статью в газету — она была машинистка. И она не пошла. Что мы могли ей сделать? Мы не имели возможности ее заставить. Написали об этом в стенгазете, но ей как об стенку горох.

Старуха, которая приезжала на 8 марта, первая поступила в колхоз. Вышло это так. Когда мы приехали 7-го в деревню, сидит эта старуха и время от времени вставляет реплики. Мы посадили ее в президиум. Она, оказывается, знает всех крестьян и оказала нам большую помощь, когда начали выдвигать кандидатуры. Все молодые выдвинули эту старуху: она умеет говорить, она поедет. А молодые все сидели в сторонке. Связь эта у нас держалась недолго. В первую весну у нас разлилась река, и связь порвалась. Несколько раз они были у меня. Один раз они приехали просить нас сделать постановку, но мы тогда не собрались: для этого нужны были лошади, а средств не было. Мы эту старуху сделали почетным гостем, надели на нее красный платок. Мне тоже тогда преподнесли красный галстук. Я и пошла в этом красном галстуке плясать, а мне пионеры сделали замечание: нельзя в этом красном галстуке плясать, а я им ответила, что это нам праздник — 8 марта. (5, Л. 261-271.)

МАРГАРИТА БУНИНА

Старший монтер электростанции. Работала жеиорганизатором в цехе.

Я рождения 1904 года. Захватила я еще старый приют. Он был организован благотворительным обществом. Этот приют держала мадам Бариц. *Я* осталась сиротой. Родственники, правда, у меня были, но у них была своя семья. Осталась я после матери семи лет. В первую революцию, в 17-м году, этот приют распустили. В 1917 году мне было 15 лег, и я начала жить самостоятельно, вернее, беспризорничать. Тут мне многое пришлось пережить. Это был самый гибкий возраст, а я без средств к существованию и жила, как могла. Бывала и в солдатских казармах, чтобы они меня подкормили. И все-таки я росла и боролась с жизнью.

Жила я все больше на Востоке: была в Нерчинске, в Иркутске, Хабаровске. Я была беспризорная. В приюте я окончила 5 групп. Я была связана со многими беспризорниками, которых я теперь потеряла из виду. У нас был твердый закон: не просить, а лучше стянуть. Стянуть что-нибудь ценное я не могла, а вот колбасу,

селедку, печенье — это мы таскали у китайцев и этим набивали полные карманы. И вот полураздетые, полуразутые, собирались мы по 5-6 человек в кучи, как поросята, и согревали друг друга. Утром просыпаемся и, не умываясь, ходим. Так я жила около двух лет.

Во время Колчака на меня уже начали обращать внимание. Ни одна женщина мне тогда еще не подала руки, как это нужно было. Прислугой я не хотела служить — лучше идти на улицу. В двадцатом году узнала я, что принимают в учреждения служащих без конца, и они все переписывают разные бумаги. Приехала я в одно село. Тут уже стало трудно с хлебом и другими продуктами: выдавали только пшено, табак, кофе. Пошла я в райком, прошусь поступить. Они меня спрашивают — грамотная ли я. Я сказала, что умею читать и писать бумажки. Поступила я в райком переписчицей. Дадут какую-нибудь бумажку размножить, и вот я пишу одно и то же, для нескольких деревень. Нам в приюте прививали рукоделие — вязание, шитье... Но мастерские все закрылись. Я пыталась устроиться куда-нибудь, но мне не удалось. А тут мне понравилась воля, и пошла по этому скользкому пути.

Затем нас начали агитировать в комсомол. Я бывала на митингах, а митинги бывали без конца. Помню, как сейчас, как я поступила в комсомол в 21 году. Ни на каком собрании меня не утверждали. Зашла я в ячейку, мне говорят:

— Ты должна поступить, ты наша девка. Потом мы тебе выдадим билет.

И выдали мне билет, на котором было написано «К.С.М.» И работала я тут же, в райкоме. Там была машинка, а хорошей машинистки не было. Зато было сколько угодно бумаги, и я начала учиться печатать на машинке и научилась.

В конце 1921 года мне надоело жить в этом селе. Я привыкла уже шататься по городам. Уволилась и ушла. Где ехала, где пешком шла. Пришла в Ачинск. Уехала, а с учета в комсомоле не снялась и, таким образом, механически выбыла из комсомола. В городе никуда не иду, комсомола не разыскиваю. Отсталый человек, политики не знаю. А кругом — Ленин, Ленин, борьба за рабочих... Ну, и я тоже.

В Ачинске меня приняли в приют. Проработала я четыре месяца за няню: полы мыла, ребятишек стригла...В приюте нашли, что я хорошая няня и сделали меня воспитательницей. Мне тут стало легче: я не стала полы мыть, стричь, а играла с детьми в зале. Так я в приюте проработала до начала 22 года.

В 1922 году я болела тифом. После тифа мне надо было улучшить питание. Я решила поехать в Минусинский округ,

потому что там белый хлеб. Там я жила в коммуне и сделалась учительницей. Тут я и шила, и кроила, и молотила. Учить было трудно: не было ни книжек, ни бумаги.

Потом я жила с одним начальником милиции. Просто сошлась с ним и жила. Этот начальник милиции был с духом военного коммунизма и попал в тюрьму. Его осудили на 8 лет. У него было и превышение власти, и расхищение казенного имущества. Он у меня был не первый: я на эти вещи смотрела очень просто. Когда я жила с ним, то не работала, а была домашней хозяйкой. И тут вступила второй раз в комсомол, начала немного разбираться в политике и, когда его посадили, я поняла, что он делал неправильно. И с тех пор началась моя политическая активность.

Затем я переехала в Малую Минусу. Туг я заведовала избой-читальней и, кроме того, была переписчицей. Получала я 7 рублей в месяц и должна была платить 10 рублей. Я решила, что переписчицей я буду работать по вечерам, а днем я договорилась с секретарем, что я буду батрачить. Батрачила я, батрачила, потом сошлась с сыном хозяев. Это и был мой муж Бунин.

Избой-читальней я заведовала. Ребят я втягивала в комсомол. Было 7 человек комсомольцев, и Бунин в том числе.

При сельсовете нам, комсомольцам, отвели комнату, но мы решили, что одной комнаты нам мало, и решили отобрать у попа дом. Это дело у меня прошло, и мы получили дом. Помню, я сама рисовала кулисы, шили мы из половиков всякую обстановку для сцены. Там я была и режиссером, и монтером, и первой артисткой и других притягивала.

В 1924 году мне дал командировку УКОМ комсомола в Красноярск, в совпартшколу учиться. Многому я там не научилась — рожать было пора. А когда мы с мужем сошлись, его выкинули из семьи. Мы уехали в начале 1926 года на новостройку. Вычитали в газетах, что где-то на Кузнецке строится железнодорожная линия до Тельбеса. Поехали.

Я начала проявлять себя: везде на собраниях выступала. Влилась опять в комсомольскую среду, руководила пионерским отрядом. Прожили мы на Красной горке недолго. У нас родилась дочка Ляля, и нас перевели в Смирновку в рабочком. Приехали мы в Смирновку, гам было только 2 кандидата в партию.

Мы начали там создавать сельскохозяйственную коммуну им. Сталина. В коммуне мы жили до 1927 года. Жили сами по себе: он работал в рабочкоме, а я растила ребятишек и работала на общественной работе. Затем его вызвали в Кузнецк в райком комсомола. Я работала инструктором по работе среди девушек, а он заведовал Райполитпросветом. Он еле только умел

расписываться.

Я пробыла 6 месяцев инструктором, и мне сделали выдвижение на хозяйственное место: заведующей районной библиотекой. Очень я любила читать книжки. Я заведовала этой библиотекой, пока не заболела туберкулезом. Когда началось кровохаркание, врачи запретили мне работать в библиотеке. Меня решили перебросить заведующей иностранным домом и столовой на Верхней Колонии. А Бунин в то время получил командировку — учиться — в Томск. На Верхней Колонии я поправилась и залечила свой туберкулез. Но там я получила выговор за пьянку и некоммунистические поступки. Тут формулировка было неверная. Штат был распущенный. Я девка молодая, направо и налево — и тут смеюсь, и там мне весело. Это сказалось воспитание. Мне дали выговор за связь с чуждым элементом и за пьянку и сняли с работы. Я поставила принципиально вопрос, что не мое дело в квартире пьянку искоренять. Устройте культурные условия, чтобы они не пили. А я такой же член общежития. Они говорят: «Раз гы коммунистка и не проявила себя, значит, ты виновата», Разобрали это дело как-то шаблонно. Ячейка мне дала выговор, а потом его подтвердил Кузнецкий райком.

Оттуда меня перекинули на производство. Я должна была получить производственную закалку. И по сегодняшний день я работаю в электроцехе. Я начала на черной работе: дула в меха в кузнечном цехе. Вообще я в рабочей среде себя чувствую лучше. А когда на площадку стали приезжать иностранцы, то меня решили убрать подальше, иначе бы я могла испортиться. Кругозор у меня был совершенно не укрепившийся.

Квалификацию свою я получила с большим трудом и с большой борьбой, потому что тогда никак не могли себе представить, что женщина может быть монтером. Мастер был против. В 1929 году инженер Зуев устроил курсы. Я ему очень благодарна за это. На курсах было 30 человек, из них две девушки, Навербовали их через комсомол и через партию. Ударничества тогда еще не было. Просто брали лучших рабочих. Это было зимой 1930 года. Окончила я эти курсы успешно. Потом я начала учиться и дальше. И из года в год учусь. Всего учеба у меня продолжалась полтора года. Образование у меня выше семилетки с электротехническим уклоном.

Теперь относительно самого завода. Прежде всего о женском активе. Здесь были Амелина, Аленицкая, Кочнева, Бер-дюгина... На заводе я сразу начала работать на женработе. Я работала все время женорганизатором в электроцехе. Первое время не знала за что взяться. Надо было обслужить жен рабочих. Вся моя жеирабо-

та основывалась на том, чтобы сбить женщин в кучу. Они все молодые. Чем их заинтересовать? Мы делали постановки в красном уголке. Кроме того, я была активным членом клуба ИТР. Я заняла первое место в драмкружке. Затем создала Синюю блузу. Главным образом, вращалась среди молодежи, женщин. Это были или члены семей, или обслуживающие столовую... Постепенно женработа развилась, и я имела возможность охватить жен рабочих и работниц. Затем начала расти телефонная станция: в 1930-м году было человек 15 телефонисток. Они стали основным нашим ядром. С женами рабочих мы вели такую работу: соберешь собрание, расскажешь, что за всем нам нужно смотреть самим. Тут началось уже общественное питание, открылись кооперативные магазины. Важно было следить за гем, чтобы товар был не в пыли и чтобы его не расхитили.

Женщины для Кузнецкстроя делали очень много. Они, например, четко следили за всем. Женщина была тогда активнее, чем теперь. Она с удовольствием бралась за работу. Тогда публики было меньше, и все друг друга знали. Знали даже, кто с кем чай пьет. Была семейная обстановка. Здесь тогда не было ни ясель, ничего. Я их уговаривала все время учиться. Мужики за это ругали. Борьба за ликвидацию неграмотности тогда уже велась. Сейчас у меня есть делегатка, которая уже 4 года безвыходно делегатка. Она сейчас уже член партии и в партию вступила в этом году. Она работала уборщицей. Основная работа — это кооперация. Мы на нее и жали. Больше у нас не на чем было развернуться.

Женщин на производстве было очень мало. Они появились уже в 1930 году, когда закладывали первую домну. До этого они очень слабо работали на производстве. Например, когда строили шамотный цех, то женщины таскали кирпич. До 1930 года я была одной женщиной в цеху. Затем здесь дочка механика Замараева Оля поступила к нам работать как ученица. Затем мастер Винников отдал свою дочку. Так главки своих дочек пристроили. Им нужно было быть на производстве, чтобы потом учиться. Затем к нам приехала Замараева. Это были первые женщины электрического цеха.

С женами рабочих было очень трудно работать: им трудно было отойти от ребятишек. Им только оставалось время стоять в очередях. Трудно было бороться с этими очередями. Ясли мы получили только в 30-м году. Когда их открыли, тут стало уже легче работать с женщинами, потому что работницы уже стали свободнее. Откуда появились работницы? Работает рабочий — и к нему на работу пристраивается и его жена.

Я была делегатом 1-й партийной конференции в 1929 году.

Женская работа продвигалась очень медленно, ввиду того, что культурный уровень сравнительно был очень низкий. Активность женщин росла очень медленно. Быстрее пошло с 31 года, потому что появилась столовая, прачечная ит.д.

Площадка дала мне очень много: во-первых, я имею квалификацию, во-вторых, я подняла свой политический уровень. Сейчас я самостоятельно мыслю и живу одна, никто мне не указывает. Я решила, что довольно мне дурака валять. Довольно меня называть: Марго да Марго. И взяла себя в руки. Партийный коллектив гоже имел на меня большое влияние. Например, коллектив твердо настоял на том. что я должна стать монтёром. Я сама проявляла интерес к работе, к каждой отдельной детали. Секретарь ячейки это учел. Меня прикрепили к определенному мастеру и сказали: «Учись!» Мне ото трудно досталось, но я решила стать электромонтером твердо.

Чистку партии я проходила в С'та-рокузнецке. Интересно она проходила. Я учла, что на чистке я должна откровенно рассказать свою автобиографию. Исключат, так исключат - все равно я больше на этот путь не встану. И я начала рассказывать. Слышу — плачут женщины. А я спокойно рассказываю. И сейчас я спокойно рассказала вам все. А домой могу прийти и расплакаться. Я очень не люблю показывать свою слабость. Мне было очень трудно добиться своей квалификации, потому что мне не доверяли как женщине. И я твердо боролась, потому что, прежде чем доказать, приходилось бороться. Трудно было со стороны мастеров. Сейчас я в цеху за всем слежу. Я ездила в Ленинград в командировку, и за это время они вздумали сделать выдвижение на молотобойца одну женщину. И на другой же день, когда я вернулась, она была снята.

Я стала читать журнал «Работница». Читала и видела рисунки работниц с разных фабрик. Интересно стало — почему это нас тут нет. Когда я начала учиться, то не знала, что будет с этим заводом, какой он будет. Но знала, что, как только я стану электромонтером, то пойду на фабрику, и меня поместят на фотографию в таком журнале. Я учла такой момент, что, на какой бы завод я не приехала, — везде имеется электричество, и я везде нужна. В любом городе я не буду нуждаться в работе.

Я стала читать Ленина «Электрификацию». Все стала понимать.

Я очень редко говорю о себе. Говорила только на чистке партии и сейчас говорю с вами. Потому что мое прошлое покрылось лучшим и закрылось. Не так давно я сижу и думаю: сколько же я имела знакомых — и не могу дать себе отчета, потому что я или имя знаю, а фамилии не знаю, или наоборот. Но

об этом почти никто не знает.

Все время, пока работаю в цеху, веду работу среди женщин.

И сейчас передо мной возникает вопрос: я должна жить, потому что за счет меня сейчас будет легче добиваться другим. И наши женщины все знают меня. Чуть что-нибудь они бегут ко мне. Я все время жепорганизатор и втянулась в это дело. Теперь мне кажется, что если я куда-нибудь не всунула свой нос, то будет неладно. И когда бабы приходят ко мне в цех или на собрании, они считают долгом поговорить с Буниной даже о своем домашнем быту. С площадки сейчас меня никуда не тянет. Все здесь мне кажется родным. 29.12.1932

(3, Л. 241-260.)

ЮЛИЯ БОРИСОВНА ВЕИКЕЛЬ

Член партии большевиков с 1921 г. в комсомоле с 1917 г. Пропагандист, обществовед. Приехала па Кузнецкстрой в ноябре 1929 г. по собственному желанию и занималась организа

цией Стройобуча.

В конце 1929 года на площадке работал уже райком партии. Всего было пять партячеек: на Верхней и Нижней Колонии, Кирзаводе, Новостройке и каменном карьере. Я работала членом бюро ячейки на Верхней Колонии, сверхштатным инструктором Горкома и докладчиком. Секретарем ячейки был Левинко.

На Верхней Колонии было организовано делегатское собрание. 8 марта я делала доклад в Красном уголке на Нижней Колонии. На собрании было много народу — человек триста. 'Заинтересован-ностъ была большая — приходили даже женщины с детьми. Проводить беседы среди женщин меня посылала ячейка или райком.

В 30-м году при Кулакове я была руководительницей делегатского собрания на Каменном карьере. В его состав входили уборщицы, работницы столовой и домохозяйки человек, 40-50. Каждую декаду проводили беседы по программе делегатских собраний, делали постановки в клубе Каменного Карьера. Потом наше делегатское собрание объединили с делегатским собранием Стальмоста, которым я руководила с полгода. На делегатских собраниях по религиозным и национальным вопросам были отсталые настроения, которые получали отпор со стороны старых делегаток, имевших опыт делегатской работы в других местах. Делегатки ходили по землянкам и привлекали к работе (собраниям, постановкам) женщин.

Выделили столовую комиссию. Провели хорошее обследование столовой и выявили пьянки , за это их стали увольнять из столовой. Тогда делегатское собрание поставило

вопрос перед партячей-

МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА ДМИТРИЕВА

Директор Промтоварного объединения ЗРК.

Вместе с мужем, Борисом Дмитриевичем, я приехала на площадку в сентябре 1927 г. Мне не было подходящей работы, и я решила остаться домохозяйкой. Но скоро стало мне тошно сидеть, и я стала выходить на массу.

Вместе с учительницей мы стали организовывать спектакли для крестьян и рабочих. Открыли школу кройки и шитья, там проводили читку «Крестьянки». Читали также газету «Кузбасс», но тут наших знаний не хватало. Приходили мужчины и задавали такие вопросы, что мы путались. Руководства и помощи не было.

С весны 1928 года я стала уделять внимание кооперации. *Я* включилась в кооперативный актив, связалась с рабочими Верхней Колонии и распространяла кооперативные марки. Это была общественная нагрузка. Так я работала 2 месяца, и меня все больше беспокоил вопрос: а что мы даем рабочему? Деньги берем, а что даем? Я даже спать не могла, все думала.

кой и заставило снять повара. А уволенные женщины были восстановлены на работе. Делегатки организовали огород и привлекали других женщин на уборку картошки и т. п.

Отдел кадров начал организовывать сеть курсов, ставили вопрос о привлечении женщин (при Станкине) на курсы электромонтеров, станочников, фрезеровщиков и др. Многие женщины готовились на курсах ЦИТ в арматурщицы, штукатурщицы, камежцицы, но не все после учебы устраивались на работу — работы были тяжелые.

На делегатском собрании прорабатывали 16 съезд партии. Я организовала первую ячейку Водоканала, в составе которой было всего восемь коммунистов. Из них пятеро с выговорами.

Делегатки все были охвачены займом, работницы — на месячное жалованье, домохозяйки — на разные суммы. Кроме того, делегатки ходили по землянкам, вели подписку на заем и выполняли контрольную цифру полученного задания. Июнь 1931 г. **(2,** Л. 238-239.)

Я предложила открыть ларек на площадке. Правление меня осмеяло, говорило, что здесь мало народа, но заявило: «Если интересуешься, дадим товар под ответственность. Платить за работу не будем.» Я попросила прораба на Верхней Колонии построить ларек. Он посмеялся, но особенно не возражал и построил. Достали товар, торжественно открыли ларек. Там была

ветчина, колбаса, сало. Первый день я наторговала 100 руб. Так я работала 5 месяцев. Меня выбрали в правление кооперации. Но мне пришлось идти в больницу. Приходилось таскать тяжелые ящики, мешки, и я надорвалась. В больнице мне сделали операцию. Потом меня послали на курсы завмагов в г. Щегловск, где я проучилась 10 месяцев.

Когда я осенью 1929 года вернулась из Щегловска, здесь была уже совсем другая картина. Было заложено заводоуправление, шли работы на каменном карьере, но бытовые условия были плохи, и текучесть была большая. При этом рабочие на площадке перебегали с места на место. Боясь морозов, рабочие кинулись в тепляки строящегося овощехранилища. Здесь была трудная работа, и они стали подаваться на кирзавод, а оттуда на Араличево. Тогда поставили вопрос о закреплении рабочих на одном участке работы. Поставили этот вопрос в порядке соревнования. Но толку все же было мало.

Очень тяжелое положение было с общественным питанием. Среди поваров были кулаки и вредители. Дали на Каменный карьер суп. Привозят туда, открывают один котел, а там сверху крысы. В другом котле не было, но налили одному рабочему — а там голова и хвост. Крысы оказались во всех трех котлах. Тут же мы составили акт и вылили весь суп. Рабочие страшно волновались и кричали: «Не надо нам столовых, дайте нам на руки продукты. Мы собаки что ли, чтобы нам с крысами готовить!» На второй день работницы стали мешать кашу, смотрят — опять крысы. К вечеру звонят по телефону, что есть отравление. Отравленных было 42 человека. Отравление произошло, как оказалось, от цинковой посуды, в которой готовить было нельзя, и повара это знали.

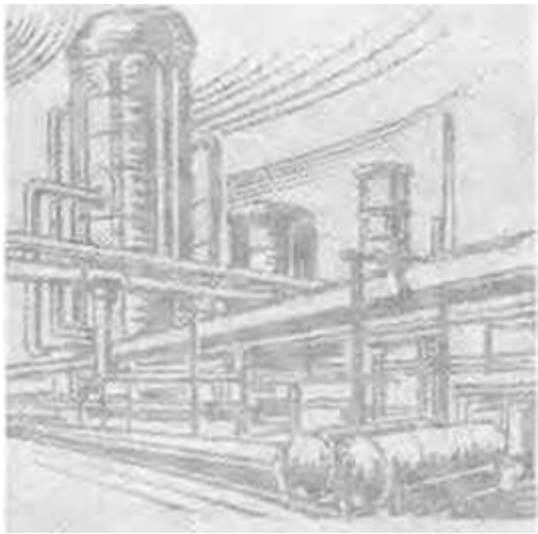
Мы находили в котлах дождевых червей. Наконец, открыли в третьей столовой группу вредителей. Когда их арестовали, то вредительство прекратилось. В то время многие рабочие предпочитали сидеть с куском хлеба, но не шли в столовую.

Заведующим кооперацией в то время был Чурсин. Он совсем развалил работу. Его сняли и исключили из партии. Кооперативная работа стала улучшаться в 1931 году, когда приехал Комаров... (3, Л. 201-216.)

Доля ты! - Русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать.

Н.А.Некрасов

Воспоминания, записанные в 1961-1996 гг.



СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА БУТЕНКО

Была председателем женсовета КМ К в 1934-1938 годах. Судя по статьям в местной газете, журналах «Работница» и

«Общественница», отличалась способностью зажечь сердца своих соратниц словом, умением организовать их на грандиозные дела. Невысокая, ладная, с красивым греческим узлом волос, она вызывала восхищение окружающих ее как женщин, так и мужчин. Все, что бы она не предпринимала или планировала, ей удавалось. Работа женсовета процветала. По своей скромности или самокритичности успех свой она относила на счет того, что она жена директора заводи К. И. Бутенко, которого хорошо знают в правительстве, и любит С. Орджоникидзе.

После ареста и расстрела мужа в 1938 г. замуж больше не вышла. Живет в Москве.

С Константином Ивановичем мы познакомились в Донецке, в общежитии холостяков-инженеров. Мне гам дали комнату. Однажды (видимо, я ему приглянулась) он спрашивает:

— Нельзя ли у вас иголочку с ниткой попросить?

Потом ручку попросил, потом спички, — вот так и познакомились. Он уже работал сменным инженером в доменном цехе, потом замначальника, начальником доменного цеха и главным инженером этого завода. Отсюда же он был откомандирован в Германию с комиссией по закупке металлургического оборудования для металлургических заводов.

В 1932 году Орджоникидзе назначил его директором Енакиевского металлургического завода. И уже в 1934 году он перевел мужа на КМК на должность директора.

Я помню, приехали мы 4 июня 1934 года — я, он и моя племянница Тамара. Боже, такая грязь, какие-то ямы! Еле-еле доехали до деревянной двухэтажной гостиницы на Верхней Колонии. Я в жизни не видела деревянных домов. Как это — в деревянном доме жить?! Муж смотрит на меня, — а у меня настроение страшное. Я даже всплакнула. Он ушел на завод. Мы с племянницей вышли на улицу и пошли в горку. На тропинке увидели упавшие цветы — "жарки" их здесь называли. Поднялись на горку и увидели целый ковер, прямо-таки море цветов. Они буквально горели. Как мы бросились на них! — и молча рвем, рвем эти цветы. Нарвали целую охапку, поднялись, а я и говорю:

— Правда, здесь хорошо?

Настроение сразу поднялось, — это цветы все, обалдели мы от этих цветов. И вот я звоню мужу:

— Ты знаешь, нам уже здесь нравится.

***

Я родилась в крестьянской семье. Нельзя сказать, что мы жили бедно. Нас было трое детей: я и два брата. Село было большое, греческое, на три тысячи дворов, называлось оно Стыло (Мариупольского уезда Екатерининской губернии). Из романа

Пикуля "Фаворит" много позже я узнала, как мы, греки, там оказались. По воле императрицы Екатерины II нас переселили туда из Крыма.

Отец умер рано, мне было лет двенадцать. Окончила церковно-приходскую школу. Чтобы попасть в пятый класс школы народного просвещения, надо было подготовиться, что я и сделала. Закончила пять классов.

Сразу, как стала Советская власть в Донбассе, в селе Стыло открылась первая советская 8-классная трудовая школа, в которой я продолжила свою учебу. В 1921 г. всех учеников мобилизовали переписчиками в район, так как пишущих машинок не было. Потом я попала к двоюродной сестре в Донецк. Ее муж работал в райкоме партии управделами. Я ему помогала — печатала протоколы собраний на пишущей машинке.

***

Вскоре после приезда в Сталинск я устроилась в горком партии управделами. У Константина Ивановича был довольно

приличный оклад, и мне стыдно было получать мои триста шестьдесят рублей, полому что секретарь горкома получал четыреста двадцать. Я спросила его как-то:

— А нельзя ли мне бесплатно работать?

Ты что, с ума сошла? Конечно,

нельзя.

Немного позже секретарь горкома сказал:

Соня, тебе надо бросать работу и включаться в работу женсовета.

Я с удовольствием гак и сделала. Меня тут же избрали председателем женсовета, и началась работа. В этот же вечер я позвонила всем знакомым женам инженеров. Работа женсовета расцвела. Мы организовали клуб, в помещении которого у нас была своя комната. Каждый день я приходила в этот клуб, как на работу.

Сначала мы просто что-то делали. Потом уже составили план работы, выяснили, кто на что способен, и закрутилось дело. Обратили внимание вначале на рабочую столовую (проверяли качество пищи — все ли попадало в котел), на ребят из ФЗУ, на бараки. Вообще заботились о рабочих, семьях, их детях. Мы ходили по баракам, видели эти ужасные условия. Выявляли безграмотных детей и устраивали их учиться в ФЗУ. Старались организовать детей так. чтобы они не шатались по улицам вечерами. Самая главная задача нашего женсовета в то время — проводить культурную работу среди неграмотных людей. Мы не интересовались их социальным положением, нам было безразлично, кто они такие. По улицам мы ходить не боялись,

хотя освещенность была плохая. Не было хулиганства. Все было гораздо чище.

Когда я на обследовании общежитий ФЗУ увидела паршивые кровати, белье — все убогое — я переговорила с Константином Ивановичем. Надо было найти одеяла, белье, но этого на заводе не было. Ну, что делать? Я поехала в командировку в Новосибирск, прямо к Эйхе. Приехала, позвонила ему. Он меня принял сразу. Как же — жена Бутенко приехала! Он пригласил снабженцев, выделил мне шерстяные одеяла. А сколько бельевого материала! Я вернулась с целым вагоном всякой всячины. И всю эту ткань — тысячи метров — наши общественницы сами шили. Поехали на гурьевский завод за кроватями. Первый раз забраковали, нам сделали другие. Никому не приходило в голову оплачивать. Отремонтировали общежитие для учащихся ФЗУ, установили дежурства, ребят почистили. Новые кровати, белье — все на уровне.

На Верхней Колонии по ул. Тель-бесской мы организовали маленькое кафе. Какие пирожки там были! Я в жизни не была, мне кажется, в таком уютном маленьком кафе. Прямо по-европейски. И кофе был в чашечках.

У нас в клубе ИТР всегда были встречи Нового года. С мужьями собирались, по 300 человек. Читали Гладкова, Серафимовича, Жарова, преобладали Пушкин, Лермонтов. Тогда еще можно было читать Есенина. Постановки пушкинские делали, был кружок танца.

А как мы организовали ресторан! Все эти шторы, скатерти — все это строчили женщины. Закупали посуду, украшали. Работали десятки женщин.

А сквер у кинотеатра “Коммунар”! Мы заказали всякую скульптуру, посадки, рядом со сквером сделали клумбу с портретом Ленина из цветов. Среди женщин было много жен квалифицированных рабочих. Жена главного инженера Романько, Балиевская, занималась с барачными детьми. А потом устраивали детей в ФЗУ, чтобы они не болтались. Особенно на Нижней Колонии — там одни бараки были.

Рабочие все жили в бараках. О том, что на заводе работают спецпереселенцы, мы не знали. Видимо, запрещено было о них говорить. Женщины жили своей жизнью. Много было женщин-рабочих, и они росли на общественной работе.

Сейчас женщинам трудней одеваться, чем тогда. Тогда много было частных портных, и у них мы шили прекрасные платья. По фотографии можете судить. Жены инженеров одевались в вечерние платья. В театр, как сейчас, в сапогах не ходили. В туфельках, хотя кругом была грязь. Тамару, племянницу (14-15

лег), я держала строго. Скромность. Шерстяные, сатиновые платья были у нее, но одевалась, как девочка. Каждый день мы носили платья до щиколотки. На вечера надевали крепдешин, файдешин, платья без рукавов, оголенные шея, руки. В клубе был любительский патефон. Мы приходили в клуб, как на праздник.

Как-то я была в Москве, и кто-то порекомендовал мне обратиться в Худо-жесгвенное ателье на Кузнецком мосту. Я и жену Бардина устроила. Потом мне было стыдно, как она к ним придиралась. Там делали изумительные вещи, изысканно. У меня их немного было. В последние годы у меня были вещи высшего класса.

Вообще, не говорите так, что я все сделала. Это общественницы были активными, и все старались чем-то помочь заводу. За-во-ду! Учтите, что этот женсовет не я организовала. Была до меня Тенько-

ва. Не приписывайте все мне.

***

В мае 1936 года женсовет Сталинска отправил нас, четырех делегаток, на съезд жен ИТР и руководителей тяжелой промышленности в Москву. В зале Кремлевского дворца собрались 3000 делегаток со всего союза. На второй день заседания по рядам идет одна из москвичек. Оказалось, это была жена Ульриха. По рядам дошла до меня и шепчет: “Вас Орджоникидзе спрашивает, чтобы вы зашли в президиум". Я прошла через охрану на сцену.

Вечером вдруг все начали в зале хлопать. Оглянулись назад — входит правительство: Сталин, Ворошилов, Молотов, все-все. Зал хлопал, хлопал, хлопал. Наконец, все сели.

Когда все сели, Орджоникидзе с другого конца президиума подходит к Сталину, берег его за руку и ведет ко мне. Говорит:

— Знакомьтесь: Бутенко.

— А-а, рад, рад, — и тут я увидела его оспины громадные. И совсем маленького роста, и все в оспах лицо. Вот так я очутилась в президиуме почти рядом с ним. Он о чем-то разговаривал с нами и вдруг спросил: "А что такое ИТР?" Мы смутились, смотрим на него, а он продолжает: "А это один пьяный шел, его спросили, кто такой, а он говорит: а я ИТР,"— и засмеялся.

Совещание было интересное. Конечно, много было "Ура Сталину, ура Сталину!" Так было принято. Нам и в голову не приходило вести себя как-то иначе. После слета в «Большевистской стали» и в журнале «Работница» опубликовали мою речь.

Вспоминаю такой случай. В начале октября я должна была поехать на курорт. Сделали большой альбом работы жен ИТР.

Этот альбом я должна была передать в Москве С. Орджоникидзе. Оказалось, что он в это время был в Кисловодске, на отдыхе. Я не любила туда ездить, потому что там моря нет. В Наркомате поменяла свою путевку на кисловодскую. В то время в каждой семье главным интересом была работа мужа. Мы жили жизнью завода. Все! Когда я уезжала куда-нибудь, Константин Иванович говорил:

— Вот ты уедешь, и мы дадим рекордную плавку.

Через несколько дней пребывания в Кисловодске получаю телеграмму-молнию: “Такого-то числа завод выплавил 5000 с чем-то чугуна, стали и т.д.” Дал мне, жене, такую телеграмму. Представляете? Я жила в Гранд-отеле. Там было много директоров с других заводов. Так я бегала по территории этого отеля с телеграммой. Я чуть с ума не сошла от радости. На меня смотрели как на бешеную: что случилось? Я тогда сажусь и пишу: “Товарищ Серго, сегодня я получила телеграмму от Бутенко",— и даю эти цифры. Беру альбом и иду в правительственную дачу, где отдыхал Орджоникидзе. Пришла туда, вышел секретарь. Я отдала этот альбом. Через минуту он вернулся: “Серго сказал, чтобы вы зашли”.

— Я не пойду, уже вечер. А альбом вы передайте,— и ушла.

На другой день часа в два или чуть раньше идет мне навстречу с Макеевского завода Слачевский.

— Ой, я вас ищу! Орджоникидзе пригласил нас всех к себе на обед.

В это же время в Кисловодске отдыхал директор Донецкого завода Макаров, главный инженер нашего завода Ро-манько с женой. Она была наша общественница.

В три часа мы все пришли в коттедж к Орджоникидзе. Нас встретила его жена Зинаида Гавриловна. Директора других заводов узнали о телеграмме и подшучивают надо мной:

— Подумаешь, мол, пять тысяч! — и все такое прочее.

В это время вошел Орджоникидзе и

сразу:

— Здравствуйте, товарищ Бутенко, — а потом уже обратился к другим. Он всех всегда называл по фамилии.

Я говорю:

— Товарищ Орджоникидзе, вот издеваются, говорят, что пять тысяч тонн мало.

Ничего, ничего. Макаров! Пять тысяч — это пять тысяч.

Он был очень доволен. Сели за стол обедать:

Ну, кто у нас будет тамадой? Ну ладно, Илья, ты.

Это он Слачевскому. Тот встал, налил всем вина и произнес:

— За товарища Серго!

— Подожди, подожди, не годишься. Садись.

И обращаясь ко мне, берет какой-то графин со стола с травками:

Товарищ Бутенко, вы пьете «петушка»?

— Товарищ Серго, я не знаю, что это такое.

Ну вот, а еще жена доменщика. А Бутенко пьет, и очень здорово.

Налил всем «петушка», себе — нарзан. И какой он гост произнес — даже не представляете. Сказал: «За Сталина!» Честное слово, мы не ожидали, ведь это же не официальный прием, мы же дома. Потом принесли патефон, стали заводить пластинки, хором пели «По долинам и по взгорьям». Собрались уходить, а он говорит:

Давайте посмотрим «Чапаева».

Картина только вышла. Пошли в их клуб. Ну, такой примитив! Посредине стоит бильярдный стол, вокруг какие-то провода на полу. Служащие стали натягивать экран. Ждали, пока киномеханик настроит аппаратуру. Решили поиграть в биллиард. Орджоникидзе мне говорит:

Давайте так. Если вы проиграете, я добавлю план Бутенко, а если я, то оставлю таким же. я плохо играла, но как-то получилось так, что забила шар в лузу. Все так хохотали!

Потом сели смотреть картину. А впереди нас сидел Димитров — секретарь Болгарской компартии, с такой седой шевелюрой. Но Орджоникидзе нас с ним не знакомил. Посмотрели кино, стали прощаться. Нет, потащил обратно, чаем напоил. А потом уже вызвал секретаря, и

машины развезли всех по корпусам.

***

Мой муж был большой организатор, а в 38 его расстреляли. Он был из большой бедной семьи. Остался без отца, когда ему было 4 годика. Их было 7 человек. Он до 9 лет грамоты не знал... Научился грамоте в 9 лет. У них один учитель был в ссылке и научил его грамоте. А потом он пошел работать на Таганрогский завод рабочим. Оттуда его в 1920 г. послали в Новочеркасский политехнический институт. Он сразу стал первым председателем пролетарского студенчества. Он был большой оратор. Он не знал, что такое читать по бумажке. Одно слово напишет — ну, например, «кадры». Когда ему давали слово, — все затихали. Он учился очень хорошо, в жизни два раза ничего не читал. Он один раз только читал. У него память! Техническая это литература или какая, — только один раз.

Он занимался много общественной работой, по ночам занимался до утра. Когда защищал дипломный проект, так

государственная квалификационная комиссия из старой профессуры(потому что это был январь 1927 г.) приняла особое решение признать его дипломный проект выдающимся. Понятно, это ведь редко такое бывает. В подтверждение этого у меня есть книга Ильи Злачевского, который учился курсом ниже. Пишет, как профессура разводила руками и ахала от восторга. Он прошел все ступеньки — от и до.

Причем в 1929 г. его доменный цех стал лучшим доменным цехом Союза. Он доменщик был до мозга костей. Очень талантливый был. Видимо, это порода. У него все братья очень умные. Его племянник — генерал-майор, летчик-испытатель сверхзвуковых самолетов. Когда он был еще полковником, ему присвоили звание заслуженного летчика-испытателя. Они все были даровитые, даже сестры были неграмотные, а умные. Порода такая. Его избрали депутатом Верховного Совета как лучшего сына народа.

Из Сталинска мы выехали в Москву 4 января 1938 года. Вагон был международный, комфортабельный, с отдельным купе. Поезд мчится ночью, и вдруг по пути, где-то, по-моему, под Омском — стук в купе. Я открываю — стоит проводник: «Я извиняюсь, Вашему мужу срочная телеграмма.» А поезд идет. Константин Иванович проснулся, взял, читает. Текст телегаммы помню и сейчас дословно «Бутенко К.И. Совершенно секретно. Вы назначены заместителем наркома тяжелой промышленности. Срочно молнируйте кандидатуру директора комбината. Каганович.»

Ой, как он был огорчен. Он же производственник, а не кабинетник. Для него завод — это все. Начали думать о кандидатуре. Константин Иванович написал кандидатуру главного инженера Шкляра, дал проводнику текст, тот отправил. А мы до Свердловска на больших станциях получали все ту же телеграмму. Она нас ловила по всему пути, потому что адрес был: "Омская -Томская ж. д. Международный вагон. Директору КМК Бутенко Константину Ивановичу."

В Москву он приехал уже как зам. Наркома. Он сразу пошел в Наркомат и остался там работать.

Сначала мы жили в гостинице «Москва», потом нас поселили в Доме Правительства.

***

Когда шли аресты, мы не чувствовали опасности. И жили спокойно — чего бояться?! У меня вера в справедливость существующего порядка пошатнулась, когда забрали второго моего брата. Когда первого забрали, я подумала: «Сболтнул что-нибудь. Анекдот рассказал, может быть.» Ну, а когда второго

забрали ... Он был таким чистым, что я задумалась и стала анализировать. Я помню, в апреле 1938 взяли Эйхе. Утром как-то Константин Иванович спешил на работу, умывался, я — около него, а он и говорит:

— Знаешь, ведь Роберта Индрико-вича взяли...

— А вдруг и тебя возьмут, Костя?

— Да ты что, с ума сошла? Пусть боится тот, у кого рыльце в пушку. — Прошло недели три, и его взяли...

И вот 15 мая. Светало. Вдруг я слышу, в спальню кто-то зашел. Приоткрыла глаза, смотрю какие-то военные. Вот так вот две кровати, он на этой кровати, я — на той. Смотрю и спросонья думаю: "Наверно, бумаги какие-то пришли подписывать — и прямо в спальню." А почему, как они попали, я не подумала даже. Оказывается, ключи они взяли у вахтера с доски , поэтому мы и не услышали, как они вошли. Я на цепочку дверь не брала. И они вошли в спальню и окружили наши кровати. Тамара спала в своей комнате.

Они включили свет, я сразу натянула на себя одеяло и говорю: "Что это такое?" Они подошли к Константину Ивановичу. Он спал. Начали его будить. Он открыл глаза и улыбается. Быстро все понял.

— Вы Бутенко?

-Да.

— Одевайтесь. — И тут же сразу он начал одеваться. Я кричу:

— Костя, Костя, ну что же это такое, Костя?

— Ну, что я могу тебе сказать?

Я кинулась к шкафу.

— Что хотите?

— Дать что-нибудь ему.

— Вот пару носков, носовой платок и полотенце. Больше ничего не надо.

Тогда я начала кричать: "Тамара, Тамара!". Они: "Зачем будите? Зачем ее беспокоить?". Они открыли дверь, зашли сами в тамарину комнату. Константин Иванович подошел к ней, разбудил ее, обнял, поцеловал,сказал:

— Береги Соню,— и пошел к дверям. Я еще крикнула: "Костя!". Он так посмотрел... Ушел. Больше я его не видела.

Его увели, а меня перевели в спальню Тамары. Отобрали вещи. Забрали даже сберегательную книжку. В кошельке осталось пятьдесят рублей. Зашли в спальню, из шкафа вытащили пальто, костюмы, бросили в комнату и все двери опечатали сургучом и печатью.

Оставили мне только спальню, а Тамару перевели ко мне. Мебель-то была правительственная. А кабинет я привезла из

Кузнецка. Опись не делали на мебель, вывезли — и все. У нас было три велосипеда: два дамских, один — мужской. Так они написали: "Один дамский, один мужской", т. е. написали только половину. А какая у нас библиотека была! — на полторы тысячи теми деньгами. Гроши взамен получила. В 1933 г. Орджоникидзе подарил нам "Бьюик" — семь мест, лимузин, громадная машина. Только что пришли документы, и сегодня мы должны были получить ее. Они уже знали об этом и документы на машину тоже забрали.

Меня с племянницей Тамарой перевели на десятый этаж в одну комнату. Там все такие же репрессированные были собраны в одной комнате. Тамара вышла на балкон и говорит:

— Соня, Соня! Посмотри: наши вещи увозят, — и мы стояли и смотрели...

Константина Ивановича расстреляли уже, а я еще жила там, в сером доме на набережной. Его расстреляли 28 июля 1938 года, а я только 26 августа оттуда выехала.

Молотов подписал постановление о немедленном выселении из правительственного дома без предоставления жилой площади.

Я прожила 16,5 лет по чужим углам. В основном, 12 лет в подвале, в окошечко созерцала подошвы ног. И то мне помог Казарновский. Дал мне деньги: надо было оплатить квартиру на год вперед. Он тогда дал мне 1,5 тысячи, заставил взять, и я ему всю жизнь благодарна.

Все фото, все-все я собирала у людей, которым раньше при жизни Константина Ивановича дарила. У меня ведь все забрали при аресте до последнего клочка, даже мои документы. Как-то в уборной, в углу я увидела кучу старых газет. Смотрю, в одной из них — фотография и текст "Группа директоров металлургических заводов", и там среди них мой Костя. Я вырвала клочок с его изображением и до сих пор храню. Еще до ареста он ездил в командировку в Швейцарию с комиссией по закупке металлургического оборудования и прислал мне оттуда открытку с дирижаблем. С того времени и храню ее.

А с орденами вот как было. Они спрашивают: "Где ордена?". Я говорю: "Вон там, в тумбочке." Они вытащили его орден Ленина и мой орден "Знак почета". Как у меня язык повернулся сказать, когда они заграбастали все: "Это мой орден". Они посмотрели и отложили. Потом я боялась — заберут ведь меня. Скажут: нечего ей болтаться с орденом. Но меня не тронули. Награждение не за мою работу. Все-таки я ж Бутенко была. Орджоникидзе моего мужа любил. Когда Орджоникидзе застрелился, — все жены рыдали. Он, независимо ни от чего, очень хороший человек. Его все металлурги любили. По Сталину рыдали, но по

Орджоникидзе по-особому.

Я всегда считала, что моего мужа подвели. Мы прожили здесь, в Москве, всего 4,5 месяца до его ареста. Он был членом ВЦИК 1-го созыва. Знала, что Костя честный, знала, что на него наговорили. Он был такой человек — ему только завод надо было. Я знала: заболей я и в это же время случись авария — он побежит ликвидировать аварию.

Я ждала своего мужа. Верила приговору — Ю лет без права переписки. Когда я смотрела фильм «Покаяние» и услышала эту фразу, то ахнула на весь зал. Сколько раз я слышала эти слова! Мне так отвечали, когда я ходила туда...

Я уже в 1939 году написала письмо Сталину в защиту своего мужа. Писала Хрущеву и одной из первых в 1953 г. получила реабилитацию на Константина Ивановича. Протоколы допросов в деле я читать не смогла. Это же страшно. Там могло встретиться много знакомых фамилий. Я на них не обижаюсь. Их могли заставить говорить...

После реабилитации я полтора часа разговаривала с полковником КГБ. На мой вопрос «Ну, он жив?» — он ответил: «Вы же поняли из нашего разговора, что его нет.» И я зарыдала. Я никогда столько не плакала. Я до 1953 года жила надеждой, что он жив.

Я благодарна всем людям, встретившимся мне на моем трудном жизненном пути, за помощь, сочувствие, верность в дружбе. (10)

Москва. Ноябрь 1993 г.

ТАИСИЯ ТИМОФЕЕВНА КУВШИНОВА

Швея 7 разряда. Работала на швейной фабрике «Березка»

Родители мои в Алтайском крае после столыпинских реформ как законопослушные граждане жили. Мой папонька Тимофей Никитович Литуев грамотный был человек. Закончил 4 класса уездного училища. Музыкант от природы, играл на 4 инструментах: флейте, гобое, саксофоне и трубе. Участник четырех войн: русско-японской, крымской, русско-турецкой, первой мировой (1914 г.). Папа мой веру-то берег крепко, когда в Новокузнецк переехали, то он все искал избушку под церкву. Мама его ждет, ждет, а он все ищет. И нашел. Людочку мою, дочку, крестили. (Я помню примерно, где. Там сейчас около церкви, на Транспортной, стоит ларек "Пряники".) Пока Людочку крестили, я сидела на кочках около этого домика. Пеленочки разбросила на кочках, посушила.

А мамин папонька Киприян Федорович Вяткин скотом торговал. Летом у него было300 колод пчел. Лог был ему

отведен. На березах были прибиты колоды. Все ходили с покосов к Киприяну Федоровичу мед "ись"(есть). Вволю всем давал. Все старались в киприяновском логу косить. Никто его не обижал. Ягоду его (клубнику) никто не брал: это пусть Ки-приянычу. Идем по логу, а он: "А ну-ка, расходитесь, это я иду с гостями. Ну-ка, вон отсюдова," — это он змей так разгонял.— "Не бойтесь, садитесь, садитесь". Бывало, он нам соты медовые режет, мы едим, соседи придут с чашками: у кого ребенок болеет, кто сам: "Дай, Киприяныч, меду". А он: "Сейчас, сейчас, руки только помою". Ни с кого из деревенских денег не брал, никому не отказывал. А сам деньги зарабатывал так: в Барнаул зимой отвезет свой мед, и там продаст. Хлебопашеством не занимался. Скотом еще занимался. Зимой набирает по деревням и живьем гонит в Барнаул. Когда его хоронили, все молились, и бабушка Арина все перекладывала лестовку. Люди так ручейком мимо гроба и текли.

Рассказ дочери. Людмилы Васильевны:

А какая бабушка была — Евдокия Киприяновна. Она знала много наговоров — как сейчас говорят, нетрадиционное лечение, — могла останавливать кровь, знала разные травы. Заговаривала зубные боли. Бывало подзовет меня, когда старенькая уже стала: "Давай, Людонька, доченька, я тебя поучу". А я ж бестолковая была: "Баба, потом!" Так ничего от нее и не переняла.

Еще была бабушка Елена Киприяновна, моя родная бабушка. Все хозяйство держалось на ней: 6-7 лошадей, 4 коровы, 14-15 овец и баранов. Поскольку было общинное хозяйство, помимо детей рядом были свекор, отец, деверя. Работали все вместе. Но затем этот уклад жизни нарушился.

Бабушка Елена умерла в возрасте 89 лег. Она была воплощением стати и красоты славянского типа. Я ее помню 70-летней: высокая, несгорбленная, с хорошими, ясными голубыми глазами. Носила очки, когда ходила по улице. Дедушка и бабушка были очень религиозными людьми.

Рассказ Таисии Тимофеевны:

А я когда родилась, в 1912 г., дедушка Никита (свекор мамин) купил нам домик. Мельницу они сами построили. Мельницу так и называли: мельница Вяткиных и Литуевых. Неделю молол один, неделю —другой. Крестьяне мелют муку и подпевают: " Литуева мельница без воды не мелется, а без Мишиной гармони на улице дремлется".

У нас все предки богомольные были. У меня папа был первый зачинщик церкви в Новокузнецке. Он и старец Никодим — основатели Михайло-Архангельского храма. В пост ели только капусту, редьку с квасом, горох, гремушку. Рыбу ели только в

первое воскресенье поста да в Благовещенье. А перед Пасхой целый день ничего не ели. Только, может, картошку мама испечет. Вечер наступает — ко всенощной пошли. Папонька нас учил всегда: "Меньше говорите, больше слушайте живого человека. А когда говорите, то ясно, слово со словом не сливайте. Тихо говорите, криком не докажешь никому ничего. "На Пасху, на Великий Четверг, стояли в церкви со свечкой. И с этой свечкой надо домой идти. И все двери и окна этой свечкой перекрестить. И избавитесь от всяких бед и всякого несчастья. И надо приговаривать: "Избави нас, Господи, от всякого злого человека и всякой беды". И мама так, со свежим огоньком церковным, все двери и окна обойдет. В Пасху рано-рано утром поднимали нас, до восхода, и говорили: "Следите за солнышком. Оно особое сегодня. На одном месте не стоит, а как будто пляшет. И круги играют вокруг него, сияние исходит от него."

Жили мы очень хорошо. Двор был полон скотины: 4 коня, коров дойных 2, овец несчитано, телят несколько, гусей, кур. Земли 10 десятин, по душам тогда давали. Сеяли пшеницу, гречу, просо, горох, лен. коноплю (для веревок), подсолнухи. С 12 лет я уже работала с братьями в поле. У меня своя лошадка была — Буланушка. Наш дом-пятистенок стоял в большом саду. К тому времени семья наша была — родители да 6 сыновей, да 2 дочери. Вечерами сидим, каждый что-то делает: прядем, кто-то узду починяет, шлею ремонтирует. Много ткали, пряли вечерами — все же тканое носили. Дядя Филипп тоже сидит вечерами с нами, сбрую подшивает, топорик точит: "Давайте, девчонки, молитвы петь." Мы поем "Символ веры", "Царю небесный" или "Заступницу усердную". У нас в доме не ругались. Правда, дядя, когда рассердится на что-нибудь, кричит: "Ух ты, разъехид твою в пупырь, лошадка не идет!"

Боже упаси, я ни за что бы не уехала из деревни, если бы не революция. На чужой стороне страшно жизнь начинать. Я помню революцию. Всех Литуевых как-то позвали в церкву. Слух пошел: пароход с белыми идет. Мой отец шепнул маме: "Прятайтесь в подпол. С Усть-Пристани белые будут наступать, стрельба пойдет." Мама проглядела, а Миша забрался в окно чердака и кричит оттуда: "Пароход пришел!" Сидим, сидим, слышим стрельбу у церкви. Через некоторое время отец приполз, весь избитый нагайками. Я подсчитала — 17 плетей получил. "Это розги называются, дочка,"— сказал он мне. Оказывается, ему дали плеть с нагайкой и заставили пороть кого-то. "Плохо порешь,"— сказали, — и стали сечь его. Все лето лежал. А я все ему болячки крылышком гусиным смазывала жиром. Ну, а потом красные наступать стали, тоже стрелять. И угнали белых за Обь. А когда

красные наступали, сосед вышел на двор за стайку, его и убили. Видно, подумали, что прячется от кого-то.

Это было в 31 году. Дом у нас сломали. Уехали мы от горя на выселки. Мой папонька был активный, грамотный. Землемером работал. Когда всю родню сослали, мы бы, может, еще в колхозе жили, но пас все укалывали: "Вы подпевалы, вы родня, вы такие-сякие". Я, помню, приду домой: "Мама, — говорю, — меня опять обзывали". Хотя мне доверие хорошее было: и в яслях работала, и коров доила, и все могла шить.

* * *

Моего брата Николая взяли в армию. Из армии пришел — грамотный маленько стал и в сельсовете Усть-Пристани исполнителем стал. Стал собирать помаленьку кузницу. Выписали токарный станок,— пароходом пришел. Я ездила к Николаю, глядела, как чугун льется, как котелки чугунные, ухваты делают. За счет его мы и остались не сосланы. Как началось раскулачивание, все в землю закопали незаконченное. Мне шел 12-й год. Вот и разрушилась наша семья. Дядья, тетки, двоюродные бра тья и сестры — все погибли в Нарыме.

Весь род Литуевых и Вяткиных сослали в Нарым на пустое место. Все отбирали. Я помню, даже вожжи, которые на свадьбу использовали, с кистями, — и те отобрали комсомольцы, коммунисты... В воротах стояли с плетями. Я в баню заскочила, хотела кусочек мыла в дорогу взять

— так они закричали на меня, вернули.

У деда Киприяна в подвале бочки стояли с медом — так все увезли на подводах. Было около 200 колод омшаника.

А мой дедушка Никита Васильевич физически очень сильный человек был. Ходил зимой без шапки, но обязательно шерстяной шарф на шею надевал. Держал водяную мельницу, которую сделал сам. Дом-пятисгенок в большом саду. Считался главой рода Литуевых. Выходец из Литвы. Рассказывал, что его привезли в Сибирь двух годков: «На оглобельке в зы-бочке качался». Он в Иерусалим пешком ходил. Я помню, как ждали его: "Дедушка придет, гостинцев принесет". И помню, сидит дедушка на крылечке своего двухэтажного домика и говорит:" Дети, подходите. Я подарки принес," — и подает каждому по пять камушков из речки Иерусалим. Разноцветные камушки, гладкие. Тогда игра была такая, в разноцветные камушки. Они вчетвером из трех сел в Иерусалим ходили: полгода туда, полгода обратно — и все пешком, а год там жили. Умер дедушка оттого, что лошади помог стог сена на гору вывезти. Лошадку жалел

— сам тянул, а, видно, жилу становую надорвал.

Первого сына Валеру я родила поздно, на тридцать пятом

году. Мой отец привел нашу землячку. Она просвирки в церкви стряпала. Она принесла свечки, тазик с водой и погрузили его в водичку. Крестик на него надели, молитвы читала. Так что погруженный он у меня. Церкви-то все в Кузнецке разрушены были.

Муж все не давал мне в церковь ходить. А я — все равно — маму оставлю и схожу. В дни рождения всегда бегала в церковь: "Скажи, мама, Васе, что я в магазин ушла." У нас все предки богомольные были. А когда пряли в деревне, мы только

молитвы разучивали — песен не пели.

***

У меня братик Митя самый грамотный из нас, учился больше всех. Он в 1929 году приехал в Новокузнецк и стал работать бухгалтером в прокатном цехе. Вот он-то и позвал меня к себе. Я долго из колхоза не ехала. В 1932 году приехала, а прописки не дают. Столько он бился, столько бился. Жил он в стандартном городке. Сейчас там институт усовершенствования врачей. И вот я прожила у него пять недель. У него в комнате жили еще три парня. Вечерами они на рабфак ходили. Перед сном освободят мне три табуретки. Я тихохонько их поставлю, брати-ково пальтецо подложу, своим оденусь. Мне было ровно 20 лет, когда я приехала в город в первый раз. Ведь не прописали, и я уехала в колхоз, в Вяткино Усть-Приетаи-ского района, что под Бийском. На Оби я родилась и у Оби крестилась.

Приехала я опять в свой колхоз и до 1934 года жила там. Потом мы стали напором хлопотать об отъезде. Нас уже не отпускают с лапонькой. А братик написал, что хорошо бы сейчас приехать. Прописаться можно запросто. Он и квартирку тут уже устроил. Папонька деловой был, грамотный: "Будем, — говорит, — хлопотать, чтоб нас отпустили". А я была дояркой там. Но меня с детства угнетало (привлекало) шитье. Я у родителей воровала лоскутики. Под койку залезу, крою вот такая была зараза у меня на шитво (шитье).

В это время в колхозе организовали детский сад. Говорят:

— Вон только Тайка может в детском саду ребятам нашить.

Я говорю:

— А у меня машинки нет.

— Машинку найдем,— отвечают,— кроить можешь?

— Могу!

Они привезли 3 куска ситца. Тогда кусками все брали. Комбинезончики надо было сшить на 3 и на 5 годиков. А сантиметров-то не было. Я все ниточкой вымеряю, скрою. Все хорошо сшили. Приехали, проверили — хорошие комбинезоны получились, — сказали. Из остатков пана-мочки сшили. Манку

варить научили — специально в райцентр возили. Так я год проработала в детском саду.

Я же, когда вернулась, коров приняла — 72 штуки. По 12-14 коров за раз надо было подоить. У меня справочки даже целы все.

В Новокузнецк снова мы с родителями приехали 28 февраля в 1935 году. Через 2 суток после дороги братик говорит: «Тайка, пойдем, я тебе работу буду искать». Я так испугалась, — поди, тут, в городе, нигде и годна не буду. Он меня все на почту хотел устроить, а я туда с неохотой. Тогда на Нижней Колонии была центральная почта. *Я* говорю:

— Митя, я не хочу на почту, газетки носить.

А уже договорились.

— А куда ты хочешь?

— Я же шить хочу.

Пошли туда, где стадион сейчас. В чистом поле барак стоял, комнатушка. Ну, мне сказали: «С удовольствием, но пусть подождет месяца два — мы расширяемся». Тут же развернулись и пошли на Верхнюю Колонию с Митей. По левую сторону заводоуправление строилось. Кое-как пере-шагали через горы глины. Пришли на ул. Тельбесскую, где Бардин и Бутенко жили. Встречает нас в швейной мастерской артели «Возрождение» дядя Миша Щербаков, москвич:

— Нам, вообще, надо работника, только на мужскую одежду. У нас 9 человек.

Я говорю:

— Я дома шилась, —все засмеялись:

— Она у нас зашьется! — мы с братом прижались, стоим.

— А машинкой можешь водить?

— На ручной шью, а ножную никогда не видела, не могу.

— А наперстком?

Хорошо умею.

— И иголку берешь хорошо?

— Как же, я же шьюсь дома.

Оформляться пошла в УРС (управление рабочей силы). Потому что со спецпереселенцами я не имела права оформляться. Они оформлялись на Островской площадке, в комендатуре. Главным там был Сафонов комендант. А у нас начальник был Иван Николаевич. Он говорил: «Мы лишенцы, а ты вольная, иди в УРС». Вот я туда на собрания ходила. Все сидела да и молчала, а уйти нельзя.

Я вся загорелая была. (На вокзале алтайском сидели трое суток, не могли уехать. Ехали киргизы, у них были шапки с хвостами, а на хвостах вши ползали. Они говорили, что из Алма-Аты, казахи. Всю дорогу ехали стоя в проходе, а сумки — в ногах.

Поезда битком набиты людьми были.)

В первую очередь дали мне распороть брюки. Назавтра пришла — принесли брючки Бардина. Коричневые, около ботинка пробилось чуть-чуть. Хорошо подштопала, отдала. Через неделю никто меня не обозвал колхозницей. А он, бывало, на другой день на бричке утречком-то подъедет, одни брюки заберет, а другие оставит. Я их поглажу, сложу. Утюги-то раньше на печке калили, печка здоровая, а утюги всякого сорта — большие, маленькие — чугунные, литые. Каждое утро гладила ему брюки, пиджачок, — это уж моя работа. Дядя Миша, закройщик, скажет: «Ты уж иди на работу пораньше, не опаздывай». Я — бегом по туннелю. Бегу через школу, перешагиваю через штакетник — низкий такой, и бегом. А как-то остался у меня случайно платочек розовый с горошками от костюма, батистовый, я все хотела отдать, а боялась: подумают, что я его затаила. Долго хранила. Затерялся потом. Я довольна была работой, и все спецпересе-ленцы тоже: «Наша колхозница никому не уступит».

Потом некоторые ко мне ночевать приходили в половодье. В то время через Томь лодка только ходила, и мостик был узенький-узенький, деревянный. Они старались остаться на этом берегу в половодье.

А мы-то жили на мелькомбинате. Когда мама с папой приехали, купили избенку там и корову.

Рассказ Людмилы Васильевны, дочери Таисии Тимофеевны:

Мои родители долго не имели детей. Тут еще в период войны разлука сказалась, и нас мама родила троих уже к 40 годам. Старшего нашего брата мама родила в полных 35 лет, в 1947 году, меня — через 1,5 года, сестру — в 1950. Всю жизнь так проработала швеей, а под старость лет оказалось, что ей не хватает стажа. Ходили мы на фабрику «Березка» по этому вопросу. Мама моя не имеет сейчас достаточно документов, чтобы получать пенсию, потому что она не забрала трудовую книжку. Руководители фабрики все откладывали на потом, и на сей день 5-я швейная фабрика (теперь «Березка») говорит: «Подавайте в суд. Мы знаем, что у нас утрачено 12 трудовых книжек, украдены, и нужно теперь свидетелей искать». Я походила, нашла свидетелей, что с мамой работали: Мархинина Прасковья Степановна (живет на Левом берегу) и Левенец Ирина. А потом на какой-то период угомонились — все это хлопотно: «Мама, мы в состоянии тебя прокормить». И вроде как нам эта трудовая книжка и не нужна стала. Теперь-то мы понимаем нашу оплошность. Папа еще был жив, когда я выхлопотала ей медаль «За трудовую доблесть». А первых двух медалей нет у нее. А ведь мама работала всю войну. Она ос-воила7-й разряд в шитье — это

самый высокий. Что она шила? Карманчики на офицерские кителя, которые как гармошка, она строчила кант на галифе — 2 мм! Тончайшая работа. У мамы до сих пор бесподобный глазомер. Я говорю: у тебя здесь, мама, 15 мм. Она; нет, 12. Проверяю

— а там 12,5 мм. Она работала не по 12 часов, как все, а по 14, как бездетная.

Рассказ Таисии Тимофеевны:

Чуть что, — «Вы останетесь, Рокоссовскому срочно на баклажки надо мешочки!» А то носовые платочки, то кисеты. Из госпиталя кто-нибудь выписываются — надо срочно шлицы прострочить. Абрамов только меня и забирает из бригады: «Пойдем, Кувшинова. Оздоровели офицеры. Отправлять же завтра.».

Есть-то было нечего, хлеба давали по 500 г на карточку, бывало, сварю с собой две бальки кукурузы (видно, бог давал

— росло в огороде) и щиплю. Я быстро шила. У нас было 25 машин. Как загудят, когда рубильник включат. Разрядников-то мало было. Кто попало пришел в войну шить. *Я* свою деталь переброшу, а следующая не подпирает. Я вот между делом Андреевну и угощала: работала рядом со мной женщина — мать начальника какого-то на КМ К, она петли на гимнастерках прометывала. Так она меня 2 раза купаться домой приглашала. Так я рада, что вымоюсь вволю. В 20-м доме для начальства Андреевна жила, вечная ей память.

А сейчас я никто.

Муж мой после войны отправлен был на восток, и вернулся только в 46 году. А в это время нас переселили. Мы жили возле 1-й школы, высоко на горе, в Ре-даково, по ул. Энгельса. Когда начались обвалы, надо было переехать по указанию начальства на ул.Пролетарскую, что к кладбищу ведет. Дали I день на переселение. Я раскатала домишко по бревнышку сама за этот день. Ну, какой дом? Комнатка, кухонька, сеночки. Это фабрика один день без содержания дала. Спасибо, они мне еще вырешили 160 рублей без возврату. А хорошо, тогда рада была. Булки покупала. Потом договорилась с рабочими, за 10 дней сложили они мне дом. А печка в старом доме стояла еще долго. Я все боялась, что кто-нибудь разберет на кирпичи. Нет, достоялась. Я всю ее разобрала и на тележке свозила под гору, колесами вперед. На оглобельку лягу, чтобы тормозить. Тры-та-та-та-та по камешкам. Пыль — меня и не видно было, Всю печку, весь кирпич за 10 дней стаскала.

Холодную зиму пережили так, слава Богу. Значит, раскопали шурф сами, с соседями и стали добывать уголь. Счастье-то какое — углем топили, тепло у нас было. Зимой старались украсть

бревешки, что в шахту спускают. С соседкой по очереди воровали; сегодня я ей положу, завтра она мне положит бревешко, и бегом в стаечки. Разрежем, спрячем. А то проверял начальник шахты, ходил по домам. А тут по 12 часов работаешь педелю. А ведь и картошку надо полоть, и воды в колодцах не было — надо в очереди отстоять с ведром. Говорят, ради шахты воды тогда небыло. Стоишь, стоишь, — по полведерка наберешь.

Еще, когда детей своих не было, я сиротку воспитывала. На нее 300 г давали хлеба и на меня — 500. Лишь бы ее прокормить. Муж был на войне. У меня брат умер, и я эту девочку и взяла. 32 года брату было. Шофером он был. И как-то в дороге застрял. Сам покопает под колесами, вспотеет и ляжет на землю отдыхать. А дело было 2 мая в 1938 г. Долежался — встать не может. Часов через 10 ехали мимо люди, увидели, подняли, а вскоре он умер. За год до этого жена его умерла. Четверо детей сиротами остались. Всех разобрали по родственникам.

А замуж я так вышла. Соседи меня приглядели. Маму спрашивают:

— Кто это у вас с работы ходит?

— Дочка.

— Приглянулась нам. Мы свататься придем. У нас парень в армии. А жену-го схоронили в июле.

Мама мне это говорит, а я сержусь:

— Мама, брось ты это. Там в бараке все сватались — мне надоело. Я учиться хочу. Здесь, в городе, все грамотные. Только я как пенек.

Пришел он из армии 5 декабря в 36 г. Смотрю, у Сарычевых все крутится солдат в шинели. А я крылечко обметала в это время. Прошел месяц, позвали меня кроить к Сарычевым. Ну, я все сделала, пошла он за мной. Постояли в переулке час, может, пол тора. Наши дома-то окна в окна смотрят, все на виду. Раза два еще пришел. Потом пришел с отцом Зои Ивановны Сарычевой, с дядей Филиппом

— и посватался. Ни разу никуда не ходили

— некогда было да и некуда. Нам было по 24 года.

Чувствовали — время-то страшное пришло. Брата моего Митю в Сталинске на каждую ночь садили. Он главным бухгалтером в прокатном цехе работал. Придет домой утром чернее земли. *Я* прихожу с работы, а мама говорит: «Митя приходил, а не говорит, откуда пришел. Молитесь. — говорит,— чтоб отпустили меня». Его так долго мотали, и все же не расстреляли. Митя потом только через двадцать лет рассказал, как его в Первом доме допрашивали.

Вот в 1937 году, когда Ивана Сарычева взяли, мы и

поженились. В постные дни родители не позволяли жениться. До февраля заняты были. Регистрировались в ЗАГСе в феврале, в будний день, — оба были с четырех (во вторую смену). Подгадали так — вместе в одну смену выйти. Пошли в ЗАГс в чем были — у него пимы с заплатками, шуба. А я была получше одета: манто бежевого цвета меховое — брат Митя купил — и шапка с длинными ушами цигейковая. У манто-то мех искусственный был, под цигейку. Зарегистрировались да и поехали на работу — он в гараж, а я в туннель КМК. И прожили вместе 50 лет и 10 месяцев.

В субботу, после записи в ЗАГСе, приходит мой муж к нам и говорит родителям:

— Мамаша и папаша, разрешите забрать вашу дочку?

На санки поставили ножную машинку, две подушки, занавеску. А головку от машинки я в руках несла. Привел он меня в маленькую избушечку, что на ул. Клары Цеткин. Там жили в одной комнатушке 7 человек. Даже не семь, а восемь: Тася — родственница, его мама, мы двое, Миша, Паша, Федя, Андрей — братья его. Муж мой работал шофером в Кузнецк-промстрое. Василий Липатьевич его звали. Все выговора партейного какого-то боялся. Партейный был человек. Так что детей всех я тайком крестила. Но доволен он был мной всегда. Жены других шоферов то выпьют, то с кем-то гуляют. А у меня он был, конечно, красивый, хороший мужичок. Любили его на работенке. *Я* никогда, никогда не позволяла себе оскорбить его принародно или пойти на работу, унизить. Он меня ценил: «Терпеливая ты моя. И иикогда-то ты меня не оскорбила».

Апрель 1996 г. **(10)**

ЛИДИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ОРЛОВСКАЯ (УРОЖД. ЗУБКО)

Родилась в Санкт-Петербурге в 1907 г. На Кузнецкстрой приехала в 1934 г. вместе с мужем Орловским Б.А. Работала на КМ К лаборантом ЦЗЛ. Ушла на пенсию с должности старшего инженера отдела снабжения треста "Сибметаллургстрой". Живет в Новокузнецке.

Я появилась на свет на Васильевском острове в день Петра и Павла 30 июня 1907 г. по старому стилю. Я помню, как крестили мою сестру, которая была младше меня на восемь лет, Родители крестили детей всегда дома. Священник и притч приезжали на двух извозчиках с купелью. За святую работу получали деньги, обязательно в конверте. Их сытно и вкусно угощали за красиво накрытым столом.

На первый день Пасхи приглашали в дом священника святить куличи и пасхи. Все церковные праздники мои родители чтили и соблюдали.

Училась я в гимназии мадам Чва-линской. Я помню пожилую классную даму, которая сидела на каждый урок в углу за столиком. Она была настолько образованна, что на любой наш вопрос могла ответить. Нам давали уроки в танцевальной зале, которая служила церковью. Когда закрывали образа ставнями, мы могли там танцевать и заниматься гимнастикой. На переменах мы выходили в рекреации и гуляли парами.

В двенадцатикомнатиой квартире жили бабушка, дедушка, родители, дети и прислуга из трёх человек: кухарка, горничная, няня. Отопление было печное. Каждый вечер в дом приходил дворник, приносил дрова и складывал их в комнатах у печек. Один раз в месяц часовщик проверял и чинил все часы. Несмотря на то, что мы жили с прислугой, у меня были обязанности: я должна была штопать носки, поливать цветы, мыть калоши. Так вот и жили — спокойной, размеренной жизнью. Казалось, это будет длиться вечно.

В 1920 году начался голод. По городу ходил сыпной тиф. Сначала умерла мама в возрасте тридцати семи лет. Потом папа — в возрасте пятидесяти. Мы с сестрой остались одни. После смерти родителей нас увезли в Ялту к маминому брату, адвокату дяде Саше. Надо было учиться дальше, и нас с Ларисой определили в школу. Нельзя сказать, что она чем-то отличалась от гимназии. Учителя, не отвыкшие еще от прежних порядков, очень серьезно работали с нами. Дети были воспитанными. У входа в школу дежурили старушки, и мы никогда ничего не боялись, чувствовали себя в безопасности, хотя по дорогам уже гулял дух гражданской войны. Дядя Саша был добрый человек, благодаря ему мы с сестрой закончили школу второй ступени.

Когда мы с дядей Сашей вернулись в Петербург, я уже была девушкой, созревшей для замужества. Тетя Марья, жена дяди Саши, решила выдать меня замуж за человека на 15 лет старше меня, и мы пошли на прием в одну знакомую семью. В этот вечер мы познакомились с моим будущим мужем Борисом Александровичем Орловским. Красавец и умница, он вызвал неудовольствие тетки своими ухаживаниями за мной, так как, по ее мнению, он «бросит меня под первым кустом». С моим будущим мужем в первый же вечер объединила нас тема, знакомая мне с детства, — охота.

Когда я была маленькой, папа подарил мне охотничье ружье, «мухобойку» — называлось оно так потому, что было маленькое. И я с 8 лет ходила с отцом —с ружьем и с собакой. И с мужем мы завели собаку, рыжего сеттера, ирландца. Я часто купала его в корыте. Когда я была замужем, о работе и мысли не было. Муж воспитывал меня: женщина, жена, мать работать не должна, она

должна жить для семьи и всем светить, как солнышко. Это было в 1926 году. Раньше к замужеству относились очень серьезно. Вот мой папа был старше мамы на 13 лет. Это естественно, ведь вначале мужчина «вил гнездо», а потом женился.

Счастье длилось недолго. В 1934 году (мне было 29 лет) мы прибыли на Кузнецкстрой с мужем и дочкой Олечкой. Мужа пригласил на работу его друг. Бандитизма в городе тогда не было. Воспоминания о том времени остались светлые. Через два года, году в 1936, мне предложили поработать в ЦЗЛ лаборантом. Я согласилась и с удовольствием работала под руководством начальника доменной лаборатории Табаковой. Муж строил радиостанцию, объединяющую все электростанции Кузбасса. Жили на Верхней Колонии. Небогато, но никто не уходил от нас голодным. В гостях у нас бывали Бардин, Халецкий. Вечно что-то обсуждали, сидя на полу и вытянув длинные ноги. Водки не пили.

Однажды Борис принял на работу только что отслужившего армию матроса. Он попросил аванс. А муж, чтобы сохранить до зарплаты деньги, аванса не выписал, но пригласил к себе обедать. Без пакета с продуктами этот матрос не уходил. Отплатил он нам черной неблагодарностью.

Борис прибавил зарплату одному рабочему, и матрос обиделся. Почему не ему. В НКВД вскоре поступил сигнал на Орловского. Его взяли ночью. Пришли двое работников НКВД и сексот. Я его знала, он приносил мне пробы с домны.

После этого вечера он исчез, и я его больше не видела. Они перетрясли все и удивились, что, кроме детских и женских фотографий, ничего не нашли. Они искали снимки завода — знали, что у нас есть фотоаппарат. Олечку мою сбросили с кровати вместе с матрацем. Конечно, после ареста мужа меня на другой день выгнали из квартиры. Мы переселились в барак, расположенный напротив Тельбесского переулка.

Много дней я ходила в Первый дом к следователю Буру. Я нашла с ним общий язык через знание тюркского — я, прожив в Ленкорани некоторое время, освоила его. Бур разрешил мне передачи. Я каждую неделю ходила потом в старокузнецкую тюрьму (моста не было, ходили через реку пешком) с табаком, продуктами и бельем. Белье возвращалось коричневого цвета. Все было пропитано табачным дымом, исходя из этого можно было судить о том, сколько же их сидело в одной камере. Однажды в ответ на мою просьбу передать корзинку с передачей услышала: «Отправлен по этапу». Я еще попробовала узнать у бытовиков, что-то уточнить. Они дополнили короткий ответ: «Вчера был этап, и он ушел. Высокий такой, весь в черном». Я бросила корзинку, бегом через реку домой. Через некоторое время раздался стук в

дверь. Открыла — на крыльце стоит моя корзинка, а вокруг никого.

После ареста меня больше двух недель на работе не держали. Только привыкнешь — звонок начальнику. Ловлю взгляд, неосторожно брошенный на меня. Получаю направление в отдел кадров. Снова ищу работу. В 1947 г. меня выгнали с КМК. К счастью, взяли в «Шахтострой». А до этого в годы войны вызывали в Первый дом и предлагали отказаться от мужа.

Всю жизнь я прожила одна, воспитывала дочь, внуков. Ушла на пенсию с должности старшего инженера отдела снабжения треста «Сибметаллургстрой». **(Ю)**

ЛИДИЯ ИВАНОВНА ПЕТРЕНКО (1901-1975 гг.)

Работала на комбинате с 29 марта 1932 г. прорабом в «С-троймартене», помощником начальника смены в мартеновском цехе, а с 5 января 1938 г. — начальником цеха ремонта металлургических печей. Бывшая гимназистка с белым бантом в толстой косе в аварийных ситуациях надевала асбестовый костюм, снимала с кого-нибудь лапти, закутывала голову и, облитая водой, шла в еще не остывшую печь. Единственную в стране женщину-металлурга с высшим специальным образованием знали и любили. Ведь в образе этой женщины шагнуло на площадку

Кузнецкстроя само время. Однако же бывшую революционерку из Одессы, пламенную большевичку не обошли клеветнические письма, написанные кем-то в 50-х гг.

«Мастера, рабочие ее очень уваэ/сали, считались с ее мнением. Терпеливо, ровнъьи голосом разъясняла своему коллективу ил и задачи — что нужно делать — или вела политическую беседу, очень отстаивала каждого рабочего...» (Из воспоминаний А.Н. Адоньевой (6)).

«При всех реконструкциях особую роль играли Петренко. Она была застрельщиком всех нововведений. Как бы ни трудно было, она добивалась своего.» (Из воспоминаний Е.М. Легкови, старшего мастера ЦРМП).

На Кузнецкстрой я приехала в марте 1932 г. Работала в строймартеновском цехе. К моменту моего приезда на первой мартеновской печи делали верх, на четвертой — насадки. Бетонные работы вплоть до 12-й печи были сделаны заранее.

В сентябре 1932 г. была пущена первая печь. Месяца через три ее остановили на малый ремонт. Ремонтами в мартеновском цехе ведал Иван Макарович Крайний. Никаких сил, которые могли бы провести ремонт, в цехе не было, поэтому И.М. Крайний обратился к нам, строителям, и попросил нас взяться за ремонт. Первый ремонт длился 48 дней. Для сравнения можно сказать, что в начале 50-х годов такой же ремонт делался за 44-48 часов. До конца 1933 года в случае необходимости ремонта эксплуатационники обращались за помощью к строймартену. Силами строймаргена и проводились ремонты; возглавлял их И.М. Крайний.

И.М. Крайний положил начало хорошему делу — завел на каждую печь книгу, в которую записывался каждый ремонт этой печи. Позднее эти книги растеряли.

В апреле 1934 г. я перешла на эксплуатацию. В отделе кадров вначале заявили, что женщины в мартеновском цехе не нужны, но из цеха сказали, что Петренко возьмут в любом случае. Предлагали идти начальником смены, но я побоялась и пошла помощником начальника смены. Впрочем, вскоре стала начальником смены. Кроме меня, на этой должности тогда работали Титов, Наговицын. Когда к руководству комбината пришел Бутенко и пр., многие потихоньку разошлись.

В январе 1935 г. с Иваном Макаровичем произошел несчастный случай, в результате он ушел из цеха, а я перешла на ремонт. Цеха ремонта печей тогда еще не было, хотя штат ремонтников уже был. Впрочем, со строительства на ремонт еще бросали людей.

В 1936 г. в мартеновский цех пришел Комаров. Это был

толковый инженер из огнеупорного цеха. В это же время мартеновский цех разбился на два мартеновских и ЦРМ.

В 1937 г. была серия арестов. Арестовали и Комарова. Немного побыли начальниками цеха ремонта Зяблицкий, Наволоцкий, Бородулин, но эта работа их не очень устраивала. В 1938 г. начальником ЦРМП назначили меня.

Организационная структура цеха менялась: сначала был начальник цеха и три сменных мастера. Потом появился заместитель начальника цеха. Первым заместителем был Спиридонов. Он пришел из СМИ. Это был комунист с 1917 или 1918 года, хорошо знал теорию, но все-таки его кандидатуру нельзя назвать удачной. Это был уже очень пожилой человек, а работа требовала лазанья по таким местам , куда и из молодых не каждый желает забираться. Мастера его мало признавали. Говорят, недолюбливали его и в институте — практической работой он и там не занимался. Положительным у Спиридонова было то, что он вел агитационно-массовую, пропагандистскую работу. Спиридонов работал в цехе до войны.

В войну пришел К.И. Попов из «Запорожстали». Вообще в начале войны нам надо было разместить группу инженеров этого завода. Они были мартеновцами, но с ремонтом не сталкивались. Учредили институт начальников смен.

В начале войны мы стали работать в две смены, по 12 часов в сутки. И так до весны 1946 г. — по 12 через 12. Квалифицированных работников, да и вообще полноценных физически людей в цехе не хватало. Лишь после войны прибыла крупная партия репатриированных, человек 70.

Во время войны в отношении кадров мы совершили ошибку. Мы гнались за полноценными взрослыми работниками. Пригнали группу каменщиков из ФЗО из Солнечногорска, группу девушек из Казани и из Рязани, больше же молодежь не привлекали. Многие каменщики, выросшие на Кузнецкстрое и в цехе, ушли на фронт, и никто из них не вернулся. Добровольцами ушли Старцев, Хлебников — отличные каменщики, коммунисты, организаторы. В цехе остались люди старшего возраста.

Иначе в этом отношении было на Магнитке. Там начальником цеха был И М. Крайний. Не знаю, как он выжил после того несчастного случая — он тогда получил сильный ожог. Магнитогорцы набрали много детворы. Сначала этот детский сад приносил урон производству, но постепенно мужал, и из него выросли прекрасные кадры.

Мы же остались у разбитого корыта. Наши «старики» выдохлись, мы их измучили. Репатриированные — это был плохой состав, хотя и физически здоровый народ. Магнитогорцы

обогнали нас и в отношении механизации. У нас механизацию стал внедрять Комаров. Это был очень дельный человек, Он ввел отбойные молотки и трактора. Первые фактора были переделаны из путиловских «фордзо-нов».

Важную роль в развитии цеха сыграл Гудовщиков. Уралец, окончивший институт перед революцией, он сразу пошел с Советской властью. Кажется, он обвинялся по шахтинскому делу, но доказал свою правоту. Был он культурным инженером, работником с масштабом. Многое видел за границей — у Круппа, у Форда. Надо выделить его заслуги в следующих отношениях. Во-первых, он стал бороться за чистоту в цехах. Раньше при ремонтах было как: сломали печь, окружили ее горой старых огнеупоров, и рабочие, среди которых много женщин, пробираются через сопки и курганы. Гудовщиков стал требовать: сломал — убери, работай на чистом месте. Для нас такое фебование было очень важным, оно прививало основы культуры труда. Во-вторых, Гудовщиков был сторонником системы в работе. Шкляр и Бутенко работали деньгами. Они откупали для отличившихся рабочих ресторан, поили их и кормили, отвозили домой на машинах, и рабочие лезли из кожи, чтобы отличиться. Это была южная практика. А системы в работе не было. Графики ремонта при Гудовщикове были основой нашей работы. Он приходил на работу рано, в 7 часов. Ежедневно у него было 4-5 совещаний — по качеству, по ремонту, планерка ежедневно. Кроме того периодически — по другим вопросам. Такое совещание длилось полчаса-час, не больше, и проходило в исключительно деловом духе. За обилие совещаний многие считали Гу-довщикова бюрократом, Белан над ним смеялся. У Гудовщикова начальники цехов были приучены, вышколены. Гурский был культурным инженером, Сахаров приучался с трудом. Но к приходу Зиль-берштейна и Сахаров был вышколен. Сахарова после Гудовщикова назначили главным сталеплавильщиком. Многие ждали, что он отменит совещания, но он сказал, что Гудовщиков бюрократизма не разводил, совещания нужны, и их надо продолжать... В-третьих, механизация при Гудовщикове была в почете. Заправочные машины, бункера, фордовские разливочные устройства — все это он старался применить. Сам он не предлагал ничего или почти ничего, но в заводоуправлении пробивал. Много в отношении механизации помогал и ремонтникам. Он добился, что бюро механизации было чуть ли не в нашем подчинении.

Когда приехали эвакуированные инженеры, я пригласила механика. Первым механиком был Макогон, флегматичный украинец, но добросовестный, знающий свое дело работник.

Оказалось, что его уже определили в коксовый цех. Я поехала к Макагону, подняла его с постели и привезла на работу. Уехал он от нас в конце войны.

Гудовщиков позже выдохся, а сначала знал намного больше нас. За время до 1950 г. он устарел, заболел, стал чудачить, у него начались неурядицы с сыном. Белан к Гудовщикову относился плохо, а он был человеком старой закваски, чинодралом. Белан и Вайсберг приходили в мартеновские цеха ежедневно, иногда в 12 часов ночи, и Гудовщиков всегда их ждал, не уходил. К нему стали относиться как к чудачку.

Значение Гудовщикова нельзя умалять. Это был советский человек, хотя и не коммунист. Я настаивала, чтобы он оставил мемуары; надо было помочь ему в этом, но из этого ничего не вышло. Гудовщиков заботился о каменщиках, часто «брал за бока» Медведева. Молока в военные годы не хватало, и каменщики всю войну как спецпитание получали пиво. Сам он пива не пил (он и не курил, и вообще был аскетом), но любил, чтобы у него на столе всегда стоял графин с пивом, и он угощал начальников цехов.

Задионченко тоже много делал для коллектива. Он видел, что печи часто выходят из строя, а людей для их ремонта не хватает, понял, что каменщиков надо беречь. Во время войны для нашего цеха было построено здание. Это его затея. Без своего здания, без раздевалки, раскомандировки, мойки нам приходилось мыкаться по чужим углам, а эго тяготило. Здание для нас построили быстро. И вообще Задионченко болел за каменщиков, мимо вопросов цеха не проходил, много сделал в отношении налаживания быта. Это был единственный секретарь обкома, который по-настоящему вникал в дело.

Первый и второй мартеновские цехи жили между собой недружно. Началось это сразу после разделения цеха, причем тон задавали начальники цехов. Уже первые начальники, Шкляр и Носов, друг друга не любили. К этому надо добавить.

что Бутенко не любил Носова. Такие отношения продолжались и позднее, между Сахаровым и Гурским, Сахаровым и Зильберштейном.

Постоянно можно было наблюдать такие картины. Начальники цехов идут на рапорт. Между начальниками первого и второго мартена хоть метр, но есть расстояние. Задионченко организовал столовую для начальников цехов. Начальники мартенов ходили в нее в одно время, но порознь. Я была постарше их, давно в партии, нередко поругивала их за такие взаимоотношения, они слушались, считались со мной.

Второй, послевоенный период механизации в ЦРМП начался

после посещения Магнитки. У них механизация шла не по тому пути, что у нас, а по пути подачи транспортерами. В мартеновских цехах Магнитогорского комбината иначе расположены пути, не так, как у нас, устроена рабочая площадка и т.п. Поэтому тракторы, погрузчики они применять не могут. Мы у магнитогорцев позаимствовали кое-что (выемка шлака из шлаковиков и т.п.), но в основном продолжали свой путь механизации — железнодорожный транспорт, автопогрузчики... В годы войны некоторые новшества внедрялись, так сказать, нечаянно, вынужденно. Так, динасового кирпича не хватало, зато были большие запасы магнезита. Не долго думая и не обсуждая этого вопроса, мы сделали головки из магнезита, потом — облицовку шлаковика. В отношении применения магнезита в других элементах печи, кроме подины, мы были пионерами, хотя и нечаянно. Потом стали продолжать это дело осмысленно. Когда появилась первая магнезитовая печь (построенная по типу динасовой), нас поразил шлак. Ом был не монолитным, а рассыпался.

Структура цеха постепенно усложнялась. Появились бригадир шлаковщиков, бригадир по насадкам, мастер верха, мастер низа. Но работали быстро. Малые ремонты проводили за 10-11 часов. Это почти невозможное дело; потом уже не достигали такой скорости ремонтов.

Большинство из работников цеха было практиками. Из инженеров работали я, Попов, Максимов, а также эвакуированные начальники смен и Смолич. Теперь аппарат значительно усложнился. 23.05.1961. (7)

АННА СТЕПАНОВНА ШЕРИ НА

Работала председателем городского комитета профсоюза работников культуры

Приехали мы в Новокузнецк в 1932 году. Отец приехал раньше строить Кузнецкий комбинат. Он был приглашен. Мой отец и еще пять братьев были мастерами по обжигу кирпича. Так вот, старший из братьев, Семен Ковалев, где-то встретился с И.П. Бардиным, и Бардин поставил его директором кирпичного завода № 1. Образования у него не было. Тогда назначались на эти должности люди без образования. Он был членом партии с 1901 года.. Наше уличное прозвище было Цегельнмковы — от слова «цегла». На украинском языке это означает кирпич. Все пятеро братьев приехали и работали мастерами на этом кирпичном заводе. Наша семья была очень большая: у нас было восемь детей. Правда, приехали к отцу только трое самых младших; старшие сестры были замужем, две сестры учились в техникуме, один брат был в армии. Жили мы тогда на кирзаводе в Куйбышевском районе, около шахты им. Димитрова.

Воспоминания о детстве — это на всю жизнь. Мама мне рассказывала о том, что когда была гражданская война, отец прятался от Махно. Домик наш стоял на горе. Внизу текла речка, и в крутом берегу отец вырывал яму и там прятался. О приближении военного отряда оповещали дежурные. Располагались они на колокольне церкви и, чуть увидят клубы пыли на дороге, вовсю звонят в колокола. Мой отец был не последним человеком в деревне. Его советов слушались.

Однажды, Махно зашел в хату и кричал па маму:

— Дэ твий чоловик? — мама вся тряслась и говорила:

— Не знаю, не знаю.

Махно хлестал ее плеткой. А папа в это время сидел в этой яме. Махновцы же таким образом набирали мужиков в свои отряды.

Я уже была не пенсии и мне очень хотелось посмотреть на дом, где я родилась. Я начала рассказывать старшей сестре:

— Валя, мы сейчас будем проезжать — там будет ямочка, где брали белую глину, а дальше — колодец.

— Откуда ты это знаешь?

— Во сне видела.

Мне сны детства снились.

Цирка здесь раньше такого не было, был цирк шапито. Приехал муж моей сестры, и мы пошли в цирк-шапито. Было представление, выступал Дуров. Читал стихотворение. Мне приснилось это стихотворение, и я его во сне выучила: “Погаснет свет, и нам пора простится. Собраться в путь пора и вам, и мне.

И мне, быть может, публика приснится,

А вам, быть может, Дуров па слоне.”

Вот вы знаете, я ведь много стихов учила в школе. Я вообще поэзию любила. Но это стихотворение я ведь не забываю. Вот чем это объяснить?

С детства я как-то тянулась к очагам культуры. В Новокузнецке был один-единственный дом Пионеров и школьников. Он располагался напротив автобазы

КМК — через дорогу. Мы приехали в Сталинск в 1932 году. И вот, как ручейки стекаются в реку, в этот очаг культуры со всего города стекались дети. Сначала я ходила в театральный кружок, а потом в танцевальный.

С восьми лет я жила в Сталинске. Только уезжала в Новосибирск поступать в театральное училище. А вместо театрального закончила медицинское. Со второго курса ушла на фронт. Началась война. А было мне семнадцать лет, но я прибавила себе годок и ушла на фронт. На фронте работала фельдшером, лаборанткой санитарного взвода. Звание у меня

было — лейтенант медицинской службы. Один случай. Когда освободили Кировоград и к нам из одного полка стали поступать тифозные больные, а были мы в обороне. Меня послали ликвидировать очаг сыпного тифа в один из артиллерийских полков второго дивизиона. Дали три дня. Надо было всех солдат вывезти, белье, которое было на них, все уничтожить , в землянках или окопах, где они там жили, сделать дезинфекцию. Я поехала. И сделала не за три , а за два. Все быстро так организовали с фельдшером этого дивизиона, и я вместо того, чтобы повернуться и вернуться в медсанбат, свои стопы направила в Кировоград, потому что мы слышали, что там уже работают парикмахерские. Я пошла сделать себе завивочку. Командир нашего медсанбата позвонил и спросил, как там идет санобработка, — ему ответили, что все уже закончили, и она (это я) ушла. И сутки меня нет. Где я? Или я по дороге заблудилась и к немцам попала, или вообще потерялся человек. И когда трое суток прошло, и я пришла: «Товарищ командир, разрешите доложить: ваше задание выполнено!» — он меня, конечно, отругал как следует. Этот случай, что я бегала завивку делать, — его ведь по-разному можно истолковать: чем вы там занимались на фронте? Но хотелось и на войне красивой быть. А завивка удалась. Сколько же я просидела там — а там ведь и военные, и гражданские... Ведь подумала бы: много народу, иди ж ты домой! Но это ж мы на попутных добирались, там, может быть, километров 70, а то и 100. И я сидела упорно: завивку сделаю! Нет, будут кудряшки!

И когда командир батальона сказал:

— А это что ж за кудряшки? — то я стояла и плакала: я в парикмахерской была. Потому что наивность и детство были, и, может быть, даже легкомыслие было... Ведь могла заблудиться и пойти не в ту сторону от этого дивизиона — там же пе-редовая-то недалеко... Раньше, когда мы помоложе были, нас приглашали в Воронеж, Харьков, и в Обояни, то есть те города, которые мы освобождали. Кишиневская битва была и Корсунь-шевченковская, нас приглашали и в эти города. И где бы мы не встречались, мне все напоминали: «А помнишь ты бегала делать завивку?».

...Штаб по расформированию медицинских работников находился в Австрии, примерно в 40 км от Вены. Мы поехали туда, чтобы демобилизоваться. А начдив мне сказал, что меня не демобилизуют, потому что я фельдшер-лаборант, а здесь много госпиталей, и лаборанты нужны клинические анализы делать, продукты обследовать. Он дал такую бумагу, чтобы, если не демобилизуют, вернуться снова в свою дивизию.

И когда со мной стали беседовать, сказали, что меня

демобилизовать не могут, что я должна работать в Вене, в госпитале, который там будет еще долго, вместе с центральной группой войск. Так я там давай реветь, что я хочу домой, в Сибирь, — и, пожалуйста, меня отпустите в родную дивизию (я знала, что они должны выезжать в Союз). Меня уговаривали, уговаривали:

— Да ты что, да ты будешь в Вене жить, да ты здесь 10 лет проработаешь, — и тебе хватит на всю оставшуюся жизнь. Есть у тебя жених?

— Нет, я его похоронила.

— И жениха тебе здесь найдем!

— Нет, я только в ту дивизию.

Приехала в ту дивизию. Там говорят:

— Ревет как белуга, пусть едет в свою Сибирь.

В общем, из Венгрии мы выехали под Пятигорск. Стояли в Горячеводске, стали открываться санатории, я опять:

— Хочу в Сибирь!

Всех демобилизовали, осталась я одна в минометном полку из девушек. Ну, и демобилизовалась, конечно.

Приехала — ни кола, ни двора. Ничего у меня не было. Вот я сейчас на девочек смотрю у меня к ним белая зависть.

что они могут так красиво одеваться. Потому что в то время, когда я могла ножки свои красивые показать, я ходила в кирзовых сапогах. На нас же смотрели и все видели, какие мы красивые. У Симонова есть такие слова (стихотворение "Сын"), примерно: "Да я ее и не видел в платьях. Все больше в сапогах кирзовых, санитарной сумкой, на дорогах войны, где орудия бьют во всю глотку. В чем красоту ее увидел, — в том как вела себя смело, может, в том, как любить умела. А что очень любила — так это так. Что было, то было, хотя он и не скрыл, что женат..."

Вернулась с фронта — пришла в райком, военный отдел, который помогал фронтовикам устраиваться на работу и с жильем. Мне дали направление в пятую больницу — поближе к дому.

Я отдала гуда документы и пошла вставать на партийный учет. Со мной беседовал секретарь райкома, и когда он сказал:

— Может, вы останетесь у нас работать в партийных органах? — я ответила:

— Я ничего не умею делать, кроме как перевязывать раненых. И я сама этот вопрос решить не могу, мне надо посоветоваться с папой.

Ну. что — мне было всего 21 год. По теперешним временам — ребенок. Когда я папе сказала:

— Вот, папа, так и так.

Он мне ответил:

— Знаешь что, дочка, даже если тебе уборщицей предложат в райкоме партии работать, ты должна согласиться. Туда не каждого приглашают.

И гак я стала работать в Куйбышевском райкоме партии.

В 1949 году меня направили в Совпартшколу в Новосибирск. После ее окончания в 1952 году я вернулась в свой любимый город и стала работать в Кузнецком райкоме партии зав. отделом пропаганды. Ездить было очень тяжело. Из Куйбышевского района на двух трамваях добиралась до места работы и не дай бог опоздать. Я была готова уйти куда угодно.

И тогда мне предложили перейти в Орджоникидзевский райком партии заместителем заведующей отдела пропаганды. 10 лет проработала я там. Потом меня пригласили в горком партии инструктором — консультантом в Дом Политпросвещения.

Потом меня избрали председателем горкома профсоюза работников культуры. Это был 1973 год. И я смеялась :

— Наконец-то я добралась до своей культуры.

Мечтала стать актрисой, — добралась до учреждения культуры. Они мне по духу были настолько близки, что мне не составляло большого труда наладить с работниками культуры хорошие деловые и дружеские взаимоотношения. Я их всех любила — и краеведческий музей, и музей искусств, а театр особенно, потому что коллектив у них очень сложный, очень сложный. Вообще в культуре всегда собираются сложные коллективы, а в театре тем более. Но я их всех любила и до сего времени люблю. И я считаю, что в этом мне повезло. На моем пути всегда встречались хорошие люди и меня принимали и понимали. И я всегда всем желала того, что могла пожелать себе.

Особенно в театре. Вот Вера Берез-някова или Ирина Протопопова. Они мне или позвонят, или встретят, и у кого на сердце что наболело — все расскажут.

Фотография в круглой рамке — 1949 г. Поехала отдыхать и там сфотографировалась. Прически были — букли. Косы-коронка появились позже, Я повыбрасывала много фотографий.

Когда я вернулась с фронта, то моих вещей вообще никаких уже не было. Я ведь из Новосибирска — сразу в армию. Вещички кое-какие домой привезла. А ведь время какое было?! Наверно, что-то променяли на продукты, или мама что-то перешивала, донашивала. Я носила обноски сестер: они все были старше меня. Они мне отдадут, а перекраиваю на свой манер, перешиваю. Я с детства любила вышивать. Они мне говорят: "Ты нам вышей по кофточке, а мы тебе платье отдадим." Сижу, стараюсь. Я за них и пол помою. Сейчас соберемся и вспоминаем.

Когда мои ровесницы бегали на танцы, мне казалось — я слишком взрослая. Много на войне повидала. Потом попривыкла, вжилась, и тоже стала ходить. Музыку исполняли духовые оркестры. Играли вальсы, танго. Танцевальные площадки находились у клуба Дзержинского в Куйбышевском районе, в Центральном — в Саду Металлургов. Круглые такие площадки, по аллеям ходили, встречались, знакомились. Одеты были просто, в ситец, но был и крепдешин. По талонам в 1949 г. материю выдавали. Носили и крепдешин, если по талонам выдадут. Я три года шинель носила с 1946 до 1949 года. Из гимнастерки перешила раз-летаечку. Не сама, правда, — мне перешили. Другого у меня не было, и на танцы в этом ходила. Помню, как мы с девчонками побежали на танцы в Куйбышево. Был конец сентября, уже прохладно. У меня ни плаща, ни пальто не было, так я в шинели. Потом отцу дали талон на сукно, и мне сшили пальто. Я долго ходила в сапогах даже на танцы. Сапожки были легкие. По Европе мы шагали уже не в кирзовых, нам сшили новые сапожки. А я относилась к офицерскому составу. Но у меня были и туфельки. Мы стояли где-то в Венгрии или Австрии — не помню точно — к нам приехала машина командира дивизии Федоровского. А он любил все красивое, прекрасное. Так вот он привез их в медсанбат как трофеи; вывалили машину с туфлями. И вот мы искали в этой куче па-РУ-

Почему наше поколение вспоминает войну с какой-то радостью? Потому что это — молодость, это тяжелое время все прошло через нашу душу. А мы — молодые, и влюблялись, и пели, и танцевали. И даже на войне — если какая-то свободная минуточка, когда затишье, когда во второй эшелон дивизию выводят, тут сразу же — и песни, и танцы. У нас в медсанбате своя самодеятельность была. Мы пели и танцевали. Я пела, у меня голос прекрасный был. И вот, когда последняя встреча в

Воронеже была, посвященная 45-летию Победы, вдруг ведущий читает записочку:

— Среди вас есть Аня Ковалева?

Я растерялась. Говорю:

— Ой, это я.

— Вот записочка пришла. Просят Аню Ковалеву спеть "В землянке".

— Я петь не могу. Я благодарю человека, что он помнит, но сейчас у меня астматическое заболевание.

Посещали театр (около заводоуправления) — там было большое фойе. И нужно было обязательно принести туфельки. И люди приходили в длинных платьях, и все кругом ходили, прогуливались... В ТЮЗ мы стали ходить с 1938 г. Мы бегали к

театральному общежитию смотреть, как выходят артисты. В ТЮЗе работали многие артисты, которые ушли в наш городской театр: Лида Котова, Юрий Петрович Мартынов. Он руководил кружком у нас в Доме Пионеров и Школьников. Стрельцов Сережа — очень хороший актер. Я смотрела там "Хижину дяди Тома", "Снежную королеву", очень много пьес по Островскому. Зал вмещал 300 человек, был красивый, с барельефами. Труппа была постоянная. Наш театральный кружок в массовках участвовал, и мы ходили бесплатно в ТЮЗ. А, когда началась война, его, наверно, расформировали. А сюда приехал Московский театр оперетты. Какое-то время давал спектакли Пермский оперный театр.

После областной партшколы я училась заочно в местном пединституте, на историческом факультете. (10)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АИКМК.— On. I.—Д. 32,—Л. 1-6.
2. АИКМК.— Он. I,—Д. 51.—Л. 238-239.
3. АИКМК.— Оп. 1,—Д. 52.
4. АИКМК.— On. 1Д. 64.— Л. 201-204.
5. АИКМК,—On. I,—Д.70.
6. АИКМК.— Он. 2.—Д. 34.
7. АИКМК.— Оп. 2,— Д. 85.
8. ГАНО.— Ф. 2,—On. I,—Д. 2452.
9. ГАНО.— Ф. 3.—Оп. 3,—Д. 318.
10. НФНКМ.— Оп. Г—Р. 6,—Д. 73.
11.06 использовании женского труда в производстве, государственной службе, в коммерческих предприятиях. 8 декабря 1931 г. *II* Сборник Постановлении СНК РСФСР.— М.: СНХ, 1931.— Ст. 14.— С. 13-14.
12. Искусство.— № 5.— 1938.
13. Кальманович А.А. Претензии к женскому движению вообще и к 1 Всероссийскому съезду в частности. Несколько слов о книге госпожи Коллонтай о социальных основах женского вопроса. Доклад, читанный публично 8 декабря 1909 года в Петербурге.— СПб, 1910.
14.0рловская М.В. О женском движении и России.— СПб: Мирный труд, 1911.
15.0сокина Н. Одержимая историей (К 60-летию комбината) // Металлург.— 28 марта 1992 г.
16. Устав Томского общества защиты женщин “Пчельник”/— Томск, 1908.
17. Шумов. Подлинная история “Девушки с веслом” // Декоративно-прикладное искусство СССР. № 5 (378).
18. Юкина И. Борьба за равенство // Независимая газета.— 6 марта 1998 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКМК — Архив истории Кузнецкого металлургического комбината ВЦИК — Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (1917-1937 гг.)

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области ГК — Городской комитет

ГПУ — Государственное политическое управление (февраль-декабрь 1922 г.)

Губженотдел —Губернский женский отдел

ЗАГС — Запись актов гражданского состояния

ЗКК — Заводской комитет комбината

ЗРК — Заводская рабочая кооперация

ЗСК— Заводостроитсльный комбинат

ИТР — инженерно-технический работник-

КГБ — Комитет государственной безопасности

Комвуз — Коммунистическое высшее учебное заведение

Ликбез —ликвидация безграмотности

МОПР — Международная организация помощи борцам революции

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НФНКМ — Научный фонд Новокузнецкого краеведческого музея

НЭП — новая экономическая политика

ОСО — Общество содействия обороне СССР (1926-1927 гг.)

Поссовет— Поселковый Совет

РОКК — Российское Общество Красного Креста (Общество Красного Креста РСФСР)

СибКК — Сибирский краевой комитет

СМИ — Сибирский металлургический институт

СНК — Совет Народных Комиссаров

СНОП - Строительство новых путей

ТЮЗ — Театр юного зрителя

УКОМ — Уездный комитет молодежи

УРС — Управление рабочей силой

ФЗО — фабрично-заводское обучение

ФЗУ — фабрично-заводское ученичество (школы ФЗУ)

ЦЗЛ Центральная заводская лаборатория ЦИТ - Центральный институт труда

ЦК ВКП(б)— Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

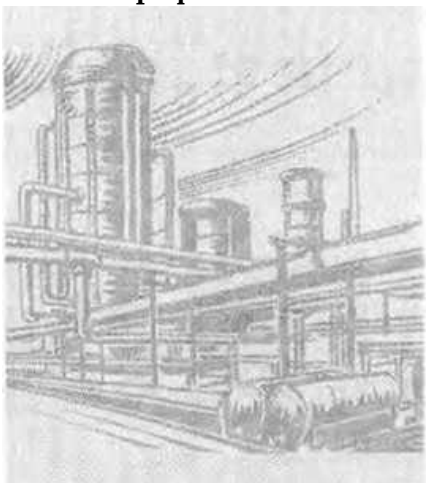
ЦРК — Центральный рабочий кооператив

ЦРМП — Цех ремонта металлургических печей

ЦТ (курсы) Центральные технические курсы

ЦЭС — Центральная электростанция

Документы.
Фотографии.



>Л\
~~л

Нарту с юроше» ороикшмква! раОетаД, аы, Товарищи стажаяояаы. амжечфы. ходлйстаеаммха. Томаращм ггахалаякм, жеяы ввжеаеоом ■ техжжков. лодля и следить да одомзвяистяом тая. «а* едгцыт мать ва своим ребеиком, чтобы ому вмято яе виьолод глв-la. Ьы должны ˆследм-гь да two оалиыом, за 'явим ” ■ефтмвы» фед*рп)ар<ш, н ежоей аaоapmYypdfci чтобы

Г враг ее U (ДОЙди *% ШЛЯ* . им бавзро.

Xjt /щмрмдм ОГЗОСЯТЖКЬВО ТВВ0-МОД* *2Ж* ДВВЖе-

■вя ж*в НГИ м 1ШММЦШ1 я же ооовиа дм уже

■ИТВ МОДА.

Я счмтди. что *wo* вроет» доаедолуиевме. Вы прекрасно знаете, тго teiwin и какой ве гоиямтсв. Ми — биМща своей спаяй, дереве» а» все. до то, чтиби жизнь в uaniel слово Вид» такой, кокком удовлетворяла би целями в полностью все ваше введение. чтобы ож» бих» крынкой во всех опиюемММж. Но ми иоду мо умоеи |іхс в одежде :облюдлт»_ то» что миом 444 Ндс во*» хе существует.

Тодхжо и кашей славе женщин» шивостио вступил» в» сдеву хозяйственной жадна. У яас ест» sts-щимы диамйсглемнанш. ест» жамщявы-явжссоры. ест» жеи щами-техники а они уже добеги а до силаертива-мжа движении *жкш* НТР *л* хоамЛетвеававов. Речь сейчас яд«*г мс о мжх реч» ждет о жежхх аяшвх мвже-меров м аиляяствомвим». дочь Ш«Т о тех. о вСТсоих рдяьвп гот» рил и ; высок»: «доившая* холм Их»».

Тдоарагия. ымш виховер. тсторый строит ввшв и-моди и ДОбрвви. вегосый строит яафтявую мишку, буудоу к», строят пихту,—ем строят Свой дом в своем Слиетсмщ Сомюе. **Од** отцает ДОДУ строительств* <мпяа-дм.адо ***с***<***t*** своя сии. все лоя задев».

Лучшие кд мд к <пц-»ют все свои зВлила, до» свое умеем. вею спою МеДОкд евшему деду социализм». таких—***я*** ;и*ю их-Вять — имеете» в нашей стоме, во ждоКяек меле яд Тою огромисРо «одячеггв». которое у кос. ьдоосм. зс меисд 90 оооаеггов. (*пняпˆпгы).• Иилчс м быт» в» может. сНо ваша дохлые сыяеяь», *иши бдот»д. котврих иы аолаятзия.

З» иасходьми деекпь дот лы выну тлим и» якшжх вуяов вводе 100 тисня яжжняедон *я* техдяхв». авторы* вжиются плоть нт лаогж нксонкя. ото ши »ровь$_{г}$ *ылая* друоь», К»W« твелонщн. ваша сижовьа.

Окхжкгте иве. еедм аяв *otjuuot* *ло свое) жив» своей стрнле. вам же довит быт» «модный», учаггмн его Ж4гди в' етои большом пикет. Чеиуха, хояеп-*мо.* Чепухд. ПяхдооЙ мош хдел let, а есть нощаоо дввжекно жеа ИИ* м хвдяйствелввков.

Жодшие» исед» докыое в» своей савке вес» пот старого иясы в зпо-ll. что есдв ми ве мужнт. то on доджи*а* быть домашней хозяйкой, смотреть u кухаей, м хетьнм. хоигэ» ухажаавтъ и мчжеи я дстьня ■ только Но мот ата жоашввл п«овнк*ггсв » Оаетсхок Союхе н» г и с umbo стуиемь. ■» соавллнствческую гту-аеаь м паркет юртнм: в—*лсмл* моего я>жа. м«рпа» **жен»,** к —- иˆгъ еаоях ребят, *я*—«осамтательник* лвонх ребят а воспи(»теаьпии ходопил. *я* Mflumi-м» и *елцмх* Детей будущих содандметон — комкуын-

*) Цубдмьуетч-ж миераы».

Труд

Об мспользомпш жеккого труда як щнигакодстэе ■ а государстаежкои и кооперативом аппарате.

Пост. СНК от в декабря 1930 г. •

Для удовлетворения потребности быстро развивающейся промышленное** и других отраслей народного хозяйства в рабочей силе, а также для более широкого привлечения женщин к активному социалистическому строительству, неоО-ˆДдимо расширить применение и'снского тг.да го всех отраслях народного хозяйства. Широкое вовлечение женщин я производство даст, кроме того, ваа-иожность максимально использовать местные ресурсы рабочей силы и будет спОг собствовать созданию устойчивых, постоянных рабочих кадров. ■■ '

Имеющийся уже опыт применения женского труда в производственной жилищ страны доказывает полную возможность и целесообразность широкого вовлечений женщин и в такие отрасли народного хозяйства, где женский труд до настоящей времени не применялся совсем или применялся в незначительных размерах. МеаисГ тем, руководители государственных н кооперативных учреждений и организаций нс

проявляют необходимой инициативы и настойчивости в деле широкого примб-' пения женского труде. j •" ,

В целях более решительного вовлечения женщнн а производство.. CHS постановляет: " <н.‘

1. Одобрить, в основном, составленные Наркомтрудом РСФСР списки врофеф. «ИЙ по металлической, электротехнической, химической, горной, бумажной, кож4[1] «гнной, швейной и текстильной’ промышленностям, а. также списки должностей ••ˆдарственного и кооперативного, аппарата, а которых должен применять** •■включительно, либо преимущественно, женский труд

2. Поручить Наркомтруду РСФСР опубликовать упомянутые в ст. 1 ивстЬяд

пито постановления списки по согласовании их с Наркомтрудом и ВСНХ СССР - ВЦСПС. ‘

3. Поручить ВСНХ НКВД и Нврксмснвбу РСФСР, Центросоюзу и Уполномоченному Наркомпути при СНК .РСФСР разработать совместно с Наркомтрудом 1’СФСР а месячный срок конкретные мероприятия по осуществлению намеченного (аркомтрудом РСФСР плана вовлечения женщнн в промышленные я коммунальные педприятия, а также а кооперативно-торговый аппарат. Эти мероприятия должны

же предусмотреть порядок замены женщинами мужской рабочей силы, заяятбй' (редприятиах и учреждениях работами, не требующими исключительного при* (нения мужской рабочей силы, и порядок распределения освобождающейся ужской рабочей силы между отдельными отраслями промышленности.

4. Учитывая, что основным препятствием к массовому вовлечению жеВщю(производство является недостаточность сети необходимых для этого культурной

итовых учреждений, в первую очередь детских яслей и детских адов, поручит* с плану РСФСР в месячный срок разработать совместно с заинтересованными, .юиствии оперативный план развертывания сети детских садов и яслей на II год который обеспечил бы обслуживание;детей женщин, вноф> вовлекаемых •роизводство, а равно расширил бы обеспечение детей женщин, уже находящихся' производстве. ’ • ’ _ ’

При разработке указанного оперативного плана Госплану РСФСР учесть ид лько необходимость развертывания стационарной сети детских садов -и яслей,[7] также разработать с привлечением рабочей общественности конкретные меро-' пятня по созданию и развитию детских садов к яслей упрощенного типа, могущих т. организованными в ломах жактов, трестов к Т. п.

Одновременно с этим поручить Госплану РСФСР разработать

мероприятия обеспечению детских садоа к яслей необходимыми помещениями путем виде-маша для них соответствующей площади а домах коммунального фонда и buobi (Кроющихся, изысканна таковой непосредственно на предприятиях, а также путе» ■пользования отощали, освобождаемой учреждениями в домах, ими заминаемых аа счет уплотнения учреждений.

& Обязать совнаркомы автономных республик и краевые (областные) нспол нмы обеспечить проведение вытекающих из настоящего постановления меропрн* по предприятиям местной промышленности и республикански краевым (обла 4) м районным учреждениям. '

С Поручить Наркомтруду РСФСР представить через 6 месяцев ЭКОСС ; о ход; выполнения настоящего постановления.

ttСТЕТ И ШИРИТСЯ ДВИЖЕНИЕ ЕН ИНЖЕНЕРОВ И ТЕХНИКОЕ

(Из реча товарища С. Орджоамрвдзе ва арieме стахааоецеа. инженеров, хозвйствеанвноа •■ жен ИГР мефтеверерабатываюищх заводов I феврали 1917 года *)

стон, ышиггаихов своей доджвы, но аодиоидовиек ааждмвв. которая вместо со своим мужем рвбатвет «а оодьву своей редавы. (АлаеймсшвЬы). Беда, товарища, «то мод», то мо >:им случка мод» Ве л^охоДмщаа. ве мод» весе**его вехроя платы, же ыдд дтвм, ««то. мая его яовдоя клвтигг е • вод/» тыла, иоторжя вхоххгг в еолвамие xumbmi т> ккрмщей' —. жев, В1Швх сестер, * вместе $ дона иы будем игу работу ж шии вроводят».

Doom даже якбдутсх греди иухсжоЙ чхеп абще-" стм» Такие, которым Не аоврнввтся, что вх лиевы стали заоамдтъе! обшеспнчгмй работой, чаг^^ыо о»«ц* стаалммт себе свою жеву. ва» носовой тагов, который лежат у вах о к ар мая в, то вадо евдзвть. что вз таких людей ве ouJUct яачего, вд ввх яе выйдет в» приданного граждазая». кв' муж», в» атпа. ва вгжд-иедо. **(Ап■*** пдотд). \

Тмоарящв. ва оервии селдем. огромней таи с>\дом жеи ИТГ * хопайствеиажо» тяжелей иромышлеясостя оес.ttuuaaj вше бале* огромяый *С сч* жев кома ив ров вашей Ждосаай Армва. Я. *ятястттяллял* ва вой» ■а»| итог» с'ел ха м скажу, что ом яе уступал влито-яу с'едду, а, может быть, даже бил в ЯекогодоЙ сто-аевм лучшем. Вы с ту сад в боевика—жоашмяы, которые рассказ ьсвадм а том. m о SB на своей фронте ппмо-гамгг слоям му лож и. В апреле будет с'еса жен работ-дако» ж.-д. тдоы-порта, через месяц будет с'едд жея добитуяко» легкой, nimeaoi орумыилеиио»*тя, за яава иодлут с'елды хея работе в ко» другя* Наркоязтоа

стрлвы. Значат «иода», брошей кая ваяя, иалзад а.-»

ва«тгильхо иаразятедьяо!. что »Се поедмоналш в» ЗеИ.

У межа мет макаках соияеваЙ. **что** чей дальше, тем больше 0 уд «ту—расти и шарвтссм ато шмжежзе, вбо яасколко вы будем догпг. жа.-тельхо ваше еозвазме будет iwkuuutvcm. настолько иы будем стлнеавтьса все лучшими я лучшими обпесгвеяжими робетвввая.

А нм может Сыть в вашей скове bvhum oˆuieczatoi-яой добиты!

Сважмте иве. Дорогмо товар вив — яявсоавры, тех-виаи, мл стадо, том» рею*-мужья, когда аы бувегте больше уважать жеву, копа ова ге даст вам яоешг я все время яаачет: — • Когда» ты оошешьм, «Олчеву ты гд» до*кто* пцашсх» я т. L. идя аагд» вы щщдвть

домий. мм итого вмяв во говорят так как or a :виа только что прошла - яда далкя одопядят позже ваг, ва-ватмя обаегтвояаой ’ ДО*«той, вабепмй - —тадосио>. ее удмидетворжиние!?!- (Аддомркмшпы). *t*

Л думаю., что ддо вашего брата уажан .ж га в. кото-доы а нс ста с яамя раЛ*‘Т»ет. которая ве етшаоявяет. когда Ты ирадешь домой, а сама при сайт поздно со своей обществеавой работы ■ Делиг;* с вама тем, как опа работает а чта ова каает сделать хорошее ааятра, — будет лучше, а все остап.яое вр*лежат-ся, а Ото* ягт пмкадго огмтгняя. Мпшямгшыты).

•Я до глубммы душв удо»летаор«и тем что гпгт отряд уЧлставц дамжелая жеа пашах мяжсаеоов в техввкоа Дффгь-аеры-овиых заводов »се болым* и болью» Увело-чаяаетгя. а через наш! год а имею возможность »:• о большим а большим количеством вможомвться здесь, •алеть м слышать вас. (Апямисмяиты). *■

Постановление Совета народных Комиссаров от 8.12.1930 г.

Статья из газеты "Большевистская сталь". 3 марта 1937 г.

На собрании жен ИГР Кузнецчого завода

Орджоникидзенский призыв общественниц

С большим под'оийн обсужиалв' «сии ИСР *и* стахановцев Кузнецкого завода *Ъ* марта обращение иеталлур-гое в угоДиникои Донбасса об ордж» пнкидхсаском upiuuus.

Когда ?ов. Булат, С€Х|*тар1> .горкома ШШ(б), делил дорлад о пути. ириЦсаиом страной под руководством Ленина— Столица. о иодече и развитии тяжелой индустрии иод влиянием ст*хиш>С1*/Го д»ижеа*н. над вепло-кратип всаидиш иплишсиснгимн в честь партии, в честь любимого вож-д« тошуища Сталина.

Хвь. Булат »»ас:мид о разгроме шмльи врагов изрода— троцкистов, о том, сдх сталинское руководство рало Адачшо

иидлыс замиглц этих измея-инщж иарлдо м с корнем вырвало ьту банду. Жести и и, стом, устраивают •ванне товарищу Оганвуг «Да «рам *rtujtT* «елмдмй Сгимж, «i'fa тши-рвЩр, 'Онидду!'—,крцчат уышадии-мо миисхце гоао^а я .ни отвечает •гдушмтедышми взрьамнв апжмио «ей тов. ;

Когда хокх*ТЧЯ« упоминает в*я ■**-С*,гг& и конца сгорел в . ве.такой борь *it* за победу геиоргльний липли партии. ^тр всю свою жизнь до цослеше Го дыхания отдал дли с нагл, я народа — ими Серго Орджоавыше. *жеищи::ы встают и минутой i-uvpuoio молча* пин отдаиг честь caeno# щщт товарища Серго.

Тор. Гллат рл.Указал о ззАалзх «тз (всцмг металлургов' в emuu с ордж«-мивмденг :ч призывом стахановцев ц

улдрцниок и о задачах жен кIV в ста хаiiouiipu в борьбе за БО'О чопц чугуна. :> <;00 топа стала и (ИЮО тозп Проката.

Одна за другой выходят на трпбу-иу общсглг.енпици. Тов. Тинькова горячо говори I, что забота u\;t;eii о заводе должна сделаться забитой в л.сч в призывает их активно иодючв <рад-

ВСрТиШдЯжПО Щ1АаОИииИл-Л'и.ил4'0 ПрИ-

,»циа дтавиниев. • /

Жгли ста \ а Toirja - ста ле н л ра Панова расслазииаег, как она первый раз ирв Шла. .и цех нпг.гндеть на работу мужа,, иро.чряла чистоту о. обе л ужинающих; лимещшшх. lie толкнула в цех забели -об успехах мужа, обещавшего тов. Нихс сем rraiii * 9 тоил. Жен-оиг-з . вседмовдатно аплодируют Лдио вой за ее заботу о стахаиовскоД работе муха.

Т«в. Мурашкип» рассказывает о работе бригады жен ИГР механической цеха. Они организовала в бараке механического цеха библиотеку и кружки |;риж«сэт:л1 дли домохозяек—seu рабочих,

U> предложению С. А. Бутешм врн пято решение;

*З иамять тоа. Серго Орджоивсидзе в н.ютуи*юш.)Ш юдовщину Международного жеясосио дня обратиться ; открытым письмом е женщинам Сталин ска об аданопшиэеиском приливе в движлшхи «ен-общественявц с тем, что!и вовлечь ноше тысяча женщин-Дом(хозяек в борьбу за культурны;. wboj, по-стала ноле** вшелнаюиай. сном обязательств*^ В. ВЗЕРГ

Статья из газеты "Большевистская сталь". 8 марта 1937 г.

***Речь то в, Бутенко Софьи Александровны* * НАГРАЖДЕНА ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»КУЗНЕЦКИ* МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИ* КОМБИНАТ *ял.* СТАЛИНА**

Опорным путото* вашей организации является Клуб инженерно-технических работников. Уют в этом клубе, порядок в кем, большинство его мероприятий сгзданы и создаются силами жеа с; ециалвстов. Заведует клубом наш; старейшая актн-вветка, делегаткд совещания юв. Широкова.

Я приведу лп% один пример из нашей деятельносуя;

При об'чедзг у общежитий мы натолкнулись на трех подростков 15—16 лет. кото.ме ие учились и не работали, а хулиганили. Работающие в общежитиях женщины побеседовали с этими ребятами, поинтересовались, чем они хотели бы заняться. Они заявили, утр хотят учиться в школе фабзавуча;

Мы обратились \ отдел кадров и договорились, чтобц этих ребят приняли в школы. Что(ы подготовить их к приему, наша активистка т. Ро-манько заннм&лаа с ними арифметикой, русским языком и т. д. Ребят прппялв в фабзаву' условно, но они в течение месяца угнали остальных ребят и учатся очеВь хорошо,

Несколько слов (том, как жены

Товарищи, мне поручите не только жены инженерно-технических работников, яо в все женшввы Кузненк-кого металлургического гиганта передать женское спасибо за счастливую жизнь нашему дорогому товарищу Огалину. В мире нет другой такой страны, где бы трудящаяся женщина свободно дышала, росла, училась и управляла государством, как паша прекрасная страна. Нет такой страны, где бы так заботливо воспитывались дети, как они воспитываются в нашей стране.

Посмотрите на фашистскую Гер-

лзпшо. Тем гянпцптщ йо дают работать. там издают законы, предписывающие женщине только рожать и заниматься кухней. Там не пускают женщину в высшие учебные заведения.

Между положением женщин в странах фашизма и в вашей социалистической стране лежит целая пропасть. Я думаю, что я выражу желание всех делегаток нашего совещания, всех женщин Советского Союза, если передам угнетенным женщинам всего мира боевой, пламенный понвет. (Продолжительны* аплодисменты).

Пусть они смотрят на и&с и знают, что освободить женщину, раскрепостить ее может только социалистическая революпия, только уничтожение капитализма.

-r—i's*4*< ь.ыза-т на сове

щания колхозников, что женщппа в колхозах — большзя сила. Женздппы — большая сила в на производстве. Возьмем к примеру наших кузнецких женщин. На первый взгляд мы делаем небольшое дело. А если вдуматься, если присмотреться в нашей работе, то можно легко убедиться, что делаем мы незаметную, но большую работу.

После того как товарищ Орджоникидзе дал высокую опенку работе жеп командиров тяжелой промышленности, жени специалистов Кузнецка воспрянули духом. Постепенно из группы в 15—-20 человек нащ. акт в в вырос до 300 человек.

помогают своим мужьям в их работе. Я, например, горжусь тем, что я не только жена, во и друг и помощник своего мужа. В том, что мой муж хорошо работает, я вижу и свою небольшую заслугу. Мой муж всегда со jnoft советуется, долнтся своими мыелямй. Когдз tfa заводе был прорыв, муж часто приходил домой крайне усталый, не хотел ничего есть, веРЮнчал. Я его ободряла, давала ему советы а часто добивалась, что у него менялось тяжелое настроение.

Иногда приводилось слышать, что у нас, живущих я условию вг !0,у

строек,.когда налим мухи..,. ,ихо-дится особенно много работа.ь на производстве, нет личной жизни. Это, ˆоиечно,

неправда. У нас есть личная лшзнь, личное счастье, есть оно и у меня, но в нашей страае личное счастье ие противоречит я не может противоречить интересам коллектива. что неизбежно п^и капитализме^ (Аплодисменты).

Тов. Серго! Мы благодарим вас зз то, что вы уделяли такое большое, исключительное внимание нашему молодому движеиию. Мы обещаем вам, что жены командиров Кузнецкого комбината своей евмоотвержепвой работой еще более помогут улучшить жизнь трудящихся города Ота.тин-ска. Мы поможем своим мужьям еще бодрее работать и в самое ближайшее время добиться передовых коз-: фициентов и, главное, работать без рывков, работать по-стлхановгки.

Некоторые из специалистов еще уклоняются от работы на таких отдельных предприятиях, как наш Куз-^ непквй комбипат. Говорят, что у пас в Сибири плохо и холодно. Это неверно! Партия большевиков преобразовала старую каторжную Сибврь в один из передовых индустриальных кряеп нашей великой страны. *У* нас в Сибири уже сейчас хорошо, а будет еще лучше. (Аплодисменты).

В заключение разрешите провозгласить: да здравствует ведикая партия большевиков и вождь советского адрода товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты).

Газета "За индустриализацию-техника" Май 1936 г.

С. Я. БУХШО

ШВДедШЬАМШй'ШЦ flf лщщоги Ш0(4

Жены ИТР за работой

. . , бесплатно. КудьтармеШрдн работа

Серго, выступления руаоводитолей |юх 16 чоловук, Это, драв». маю

ликвидации ниграмотпосте, и do і к.ц, в мойках ■ т. л. Дело в том части устройства школ ш)вши*одо- Кто по всегда .начальники цс-хоі го -ТКіха. 1 яо ншяшшо всей вдут пал штстречг (рапрлмер, пач культура ой -жиави*. Наш работа'мох. доха Пшштмл), во роет орв развернулась щзе;кд« всего ямеино.обпщают внимание иа замечания

вое! £3 сале* мы создали комиссии! ИТР сказано: «Будите упошш я иа ■а »у ИТР. которые точи устало- J стойчлш п итак работе! Будьте лл

■ До всесоюзного иовдецияим жеи —жен«И* тахнипослмх - уаштимя* • Кремле <«ий ГДЗб г) мы работа-*щ* сооввяичесы, чаете *м* надеясь

LCMH ши в по чувствуя *W4-A* 1мгддвржкя. Зажнгатодьиие. пиленные сдои великого еоратан-теиеряща Ставши - товарищи tftqjnm в правительства подняли паша еддш. Наша ребога вошла в гору. Мы «крепли в органазацирн-»о. Семг шеи ИТР стад регудцрпо Лекетмушинм органон. Под его, рукам»дстаон на самых, уааноооуш-ш им решат работает свыше 2Ь0 итмиисгоа-жея ИТР.

11а первом шва у пас. стенда зеботи • яетпх, о вашей смене, fie. U. И. Кргпснад ш шмешавнн а Кремле говорааа: «Я думало, что жены вахтеров очень миогкго могут «обиться в ш> чиста дсд«й, м ■о часта детских садов, в по «ости

вокруг апх об'едш). Ми ножом оороделллоо говорить, что она упав чинен «начягельни.чи успехами. Начнем с детских сален Оил би-IX Припяти «г горОЯО В OJH4HR-ам оигомиия... Для обследования

пая, в чем опя нуждаются В 10

ДОМАХ В|ЮН>ВОЛН канптальиий ро-мопт. Все детсады тгИврь оборудо-ннлы *я* обетшиешл гак, как шдо бает, Наши детсады—одпв пи лучших в (лаюзе. Инструктор Нарком тяжмрома той. I'o л они ил. обследовавшая наши сады, записала с акте: «Вообще чувствуется, что благодаря большой забото завода о детсадах и большей активности л .помощи си стороны актива jjcc-ii ИТР, «рее детсады приведены в должный ворндок. Во всех детсадах, за асплючением детсада На 33, члгто-та, опрятность, иорндок. Самые худ шне бараки ориводовы в уютиые чметые юннаты». Это ирежко всего заслуга то». К. А. Марьяслной. Топоры мы качнпаем -лани.чатьси в детледямм Первое дело в этой обдасти — обнаружение Дефектов в строительстве яслей Ai 8 (uaupi мер, отсутствий сушилки).

Ьталкиск то|ЖНтся своим Тоатром юного зрителя. Его оргашпацпл' и оборудовлняе дрочили txpM самом деятельном участии жеи ИТР. Особой рвение п втом дело ппояг.нлл тт К» Г Элккайерг п if. -К. Игач^х.

II. & .КаздриискоЙ, . А. Ф. Журав-зово#, вряд до доц *миш>* бы топе-

реДЬНХЙ ЬДД.

Лами организовав# *руяиб1шаз шкода лкныииои* л»грамотвостм (при ПЦ). Она обслулицаотса женами ШБ д щщум совершение)W. по мы вежч* ото ааанчесш увеличим.

Силкин u,ее ИГР ергаввиоваяы кафе (Нижняя юления) ■ росте ,pan.: (иуд fpcvuw» Верхней коло-;пии). О риг. следует говорить по-гтому, что'«им -paSortwr бевутгточ-аю. * то время когда все подобные предприятчя УРС'д давани п лают убитой Овит ;иг*л#ч*# идаоупв-ям-расового' ‘цеха тоже показателей: ♦а»

отааа ва дуть «нявгмбелыистя.

Нолю раметва;. наша работа ; щоад, в ах столовых, kjkkuui угод нашил бриш. Часто претите* п-е одолевать Ъюг-окржтичссмос тощ.т.ш я культурно-бищвим запросам раии чих. Б цмдх вам вриетсн прозвип большой напор, чем до слх сор. В оо рыцонли в<есою»иаго совещания лш стоаднми большеинкамя, партийцы-ми н иепартмПнымн. и борьбе за целя поставленные "'uopc;i пш. Относи тось м обществоипых долам, кик г своvму личному, близкому, дорого-иу делу, делайто цел» тик. как ни дол лоте для сойи, своей семьи, сво их датой. И жизнь ваши стаям полное, ярод и. жидль вокруг са< зацветет. живым цветов».

Для (.галямцнв а Тах joprejmeuu' УЫСЛСб цаховыя брвгчпм Прилетев «||(. иного драться, во вавлгти культурой» нпряхек <ы крымвдгтэе всяОхолии» Нто-пашк иагушнейшдя »-л»м«.

Помел»л в раоитс кругам, или ИГР райтмл ■ вал r«e>s. Il»y*iwb*i ||-c*тк<м ЧГЖ.ДТК учатся • школе. сез uRBUt ними для оолу'.снья лакоичгп

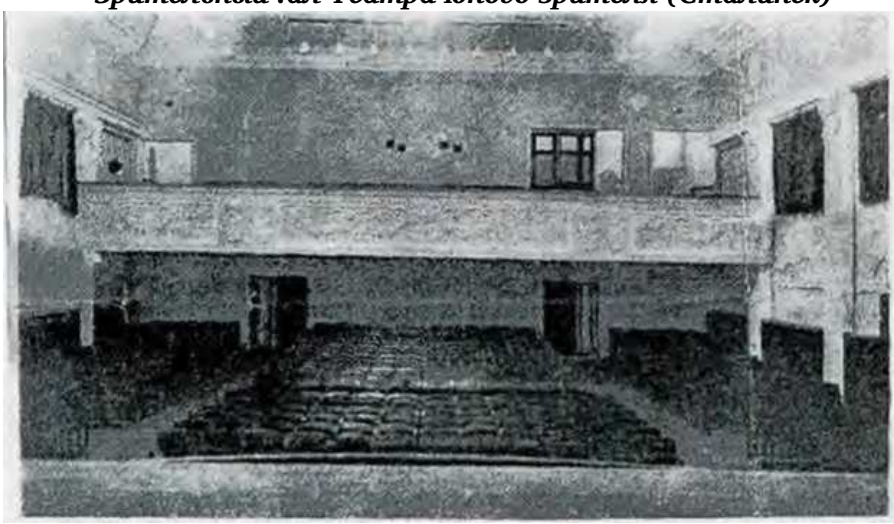
ШИ I)'ГрЛДЛ-IX» <Гфл:ЮНЗШ(К 1|ex*Д|<p«a привертит fvfnuubwcTb. И ируж Il*t Kjylfc tn'P оком *106* AfU O*)-«a ютел языкам, С1мм1*гркфкн, нашипоон ГК, румкгдми. В дяух кружки 70 че iOWt тенл.-вно в с большой ОХОТОl шомдеяют ск*ж* аккш в облзеи об тветооквдгпна, яаучзк истеряю партии йомстяттцум» и . гемря» Мацжса - Эи 1-гил»я т,Ьпи1х* — Ста'ква.

Жгии 1ПТ «обились иˆкркешм-о фг-

Статья из газеты "Большевистская сталь", 1937 г.

Детсний театр

Зрительный :ал Театра юного зрителя (Сталинек)



С. БутенкоСталилскШ мствдяургвчоенкЯ комбкяат, г. Ста л «псп (Кузбасс)

Барельеф на портале сцены Театра юного зрителя (Сталинек)

Стал и кок — молодой город, рожденный к выпестованный больше* вистской пятилеткой. Город, родившийся в далекой, в прошлом глухой, каторжной Сибири, дикие $_{k}$ пространства которой оглашались только стонами каторжан, бессмысленно-бестолковым перезвоном j церквей и малиновым ввоном ко*

Л&ЯйЛЬЦев пьяных купеческих

I *ш*

■ргИмыми звуками наполнена , жизнь вновь рожденного социалистического города — Сталинска.

Наш город рос и развивался [параллельно о ростом аавода-гиганта советской Сибири. Население его — 230 тысяч человек, на них 60 процентов — люди комсо-

II польского вовраста. В городе есть хороший театр, ввуновое кино, вновь открытый дворец культуры, клуб | инженерно-технических работников, большая водная станция, институт, несколько технику-

1М0В, рабфак и школы-десятнпетки.

Но очаги культуры были созданы а Сталин* I ске главным образом для взрослого населения.

Досуг детей не бил организован. И только об-I щественнницы замялись вплотную органиаацней I коммунистического воспитания детей. В пер-

(вую очередь жены инженерно-технических ра-

ЛттМчлт ««ЯЮЛ11 О CiAmhm < * < vo aoivKHH ДОМ

культуры. И теперь 900 ребят — его завсег-датан. Здесь они отдыхают, здесь они имеют вое возможности для развития своих творческих сил и способностей.

Но вскоре и этот дом сказался меаосгаточ-этом ко только

наша заслуга. Главный инженер строительства к его заместитель не пожалели ни сил, ни экоргкк. чтобы сделать театр удобным, культурным и красивым. Много души вложил в свою работу и заведующий скульптурной мастерской. Барельефы смеющихся детей, украшающие театр и приводящие в восхищенно зрителей, — вто ого работа.

Театр юного зрителя мы открыли 5 ноября. В зрительном вале 500 мест.Изящные.удобные креола. В просторном и светлом фойе много цветов, cuhmkob. С большим вкусом отделана комната отдыха, где устанавливаются эскизы и макеты декораций предстоя-тих"постановок театра, а также материалы о художественной ра-кым для удовлетворения все возрастающих потребностей детворы.

Почему бы не построить для них театр — Театр юного врителя. Ведь в конечном итого— разве такой театр привилегия только для столичных ребят? Конечно, нет. И Совет жен-общественниц Сталинского металлургического комбината им. Сталина решил, не останавливаясь ми перед какими трудностями, создать театр для ребят.

Первая крепость, которую» нам нужно было взять, — это изыскать средства на строительство. ,

Чтобы не затрачивать олншкон много денег, было решено не строить нового впания, а переделать какое-либо старое

Выбор остановился на бывшем сарае, использованном под зрительный вал шхолы ФЗУ. Составили сметы, определили потребность в средствах и материалах и обратились ва помощью к дирекции взвода, которая (ва счет экономии на других участках) эти средства нам выдала.

Так была завоевана первая кре* поегь.

• Теперь возник новый вопрос: как построить театр возможно скорее? Скептики ванылн и выдвинули оот-•ии причин, говоривших о том, что скоро построить нельзя. Но общественницы настояли иа своем: «Театр будет построен к XIX годовщине Октября, а вое возможности к этому мы. активистки, обеспечим сами».

Все каши активистки были разбиты иа группы по числу участков строительства. Одни пошли подгонять строителей, другие превратились в снабженцев, третьи — в мебельщиков, четвертые взялись следить * ва работой архитекторов и электромонтажмнусоа^ .Словом, заработала сложная «контрольжмЛажйкмая машина» И каждая часть этой машины действительно выжимала всо необходимое на своем участке, пользуясь всеми возможными

орсдотаамп; п&мешм ■ ..Г«тзО

зацнй, заводохой печатью, привлекая в качестве консультантов мужей общественниц и их товарищей — специалистов.

Елена Георгиевна Злиашборг наблюдала за ходом н качеством строительных работ. Она заказала на деревообделочном заводе вое оборудование для Театра юного зрителя (стулья столы, диванчики, карнизы и лр.). Она же выполняла роль браковщика и настаивала на том, чтобы мебель была изготовлена так, как мы этого требовали.

Мильва Карловна Пкнчук договорилась о художником, который кариоовал портрет товарища Сталина. В день открытия Театра юного зрителя мы преподнесли портрет детям. Помню, как перед открытием Театра юного врителя Мильва Карловна целыми днями бегала по воем организациям в поисках зеркал для вестибюля, комнаты отдыха и фойе.

Екатерина Федоровна Белосевич, не бросая своей основной работы (она секретарь Совета жен инженерно-технических работников и культ-армеец), ваяла на оебя роль поставщика электроарматуры и хорошо выполнила задание.

Павла Васильевна Казарновская целыми днями просиживала в Театре юного зрителя, проверяя окраску стен, и подгоняла строителей, требуя закончить работу в намеченный срок.

В итоге театр был готов в установленный срок. И вышел ок действительно прекрасным. Но в

Коината отдыха г Театра юного зрителя (Сталинск)

боте драматических и самодеятельных кружков. В комнате отдыха большой аквармук с рыбами.

Теперь на очередь встала новая задача — создать хороший художественный коллектив и необходимые условия для его творческой работы.

Первые постановки театра вызвали исключительный восторг юных зрителей и нх родителей.

Мы ставим вопрос об организованном обслуживании вновь создаваемых детских театров Центральным детским театром в Москве. Нужна консультация, критика работы, советы и указания линии работы. Этот вопрос иа* врел, и мм считаем, что ©гф ужо пора разрешить. Мы ждем целovoft покошя со стороны Центр ал детского театра красной столиЭЗˆ

Статья из журнала "Общественница". 1937 г.

МОЯ РАДОСТЬ

Сагах**'я kouiwhu* бмьшуы [»-21ч»д«, см ***, ъ**ыш* itfoTMMii, ana

iottl. 8 uipei-X<ж1;««[ы.ишй *vb; вгвштиегявв деаь— приищи *е*ntum С»».#К#а v U »-**., Бкссте ним» я :1>м>*о. таку .что ««•тс*** ИШˆМ Р)1*** ᵁР®° с МГЖЧВ

‘е«4. *Bug* **• С««Mli Cruip M**

VUI 4р*mmim С‘<tW«-Olero*, «в» нольлустсл исежв нуалиия *о а «I областях *yi8Tjpu*i, nuaJawuiioi **а** j*4xzaiK<4i «Мва.кц«м<*е* мужч*-кой Г ***j***

Я ясвамава» ***с*ot***> хлт ***v*** 1930. года, х« врми* * Симле* Роляаагь t *1913 году. 0m a am оггиаи ««» тр«ufTtum..|)*6М»an, Jo 8.i»Т ипил ***гпгрхши*** сегтра, * аогоа сходи* мае: <Вд«, яул* ХиЧ-шь а жти. и ладгшˆЛ сда> но с--6л содержу». П опии» а, *'Х* глы» глядот, бес* ||1мдвра»чия. Где д иь. где иечь ие-и » i»у. ˆК.мвь, рдспроеряи граждяя-(I») гиоиуй, бил* всумтпоб. Ннхто If обращал в* агов овиваииа. Цако-leu, дгт I ***Z Я*** (1'>в*яа. в сед» я пош***:»*** 1* работу а кулааy ОоемийзЕooy. За .усох ха<-б* ев игтаияд вгол работать д*иь **а** в-.чь Рида ***я*** а доарабет-иицди да 3 рубля ***я*** месяц, очка, я* гонец, а 1930'году аса а ое opur-s имеете со твоей севьгй т. Садиа на гтроятеаьспю Луачеця^раа Ое у/ггро-***ч*** асия на иеягростацция чсриориЛр-■icl. ирягхада я еоегрогаио orrp&anr-идя, ве б<ш членов союз», и* сразу стаи хорошо, работать. Потов агия ирднхлв а орофсоюа. потов и совсо-1Ы. Работа* о* завод? ***Я*** стала иосг-дать дциуикт. научилась вить ***м*** читать. Jiupyoyoibi иа ррга-itiiaqia аидвааудд к»ал учеаваов аа-■ тчкжа а еотыном цехе. Проработав ircaq, ***я*** стада спрвмятье» е д<-д»а ааостоятедьао, |Я, чуаетооиала Себя яа

>г льа*и «шей, оедучад 6миду и. а*дммь се я»ре*ы старярабочих Пае iwaofuf Су*Ь|#*, Крадена. Ба-йуд1Евв, учыя, mb' мужи» работать па ирядаяодстм. Л *Mt* **прав у сада» ви одвого да* роботы я Г0|||Я«*ГЬ, что ловога» (т$_г$<шть ма везидурпчкавя зауяд. ,**

в 1931 ту ■». бытауя-ˆегпри-**зормну, ***яряшллл щ*** яавдодяпд оаргия, it 8 ц»рта 1932 года--в ч1гви<1Ш1!бу. ***8 млрп*** дда м*ва uiiui «рмдяия. **»те** гамм! счастливый **и«ь** в **моей** acuaei. ***Я*** петли, сото* сяма», чтя вчгяди 6 дм, ыа ***л*** чаев ВЕЩЬ). **•CJBXM оартря** «вшетвнява "

Ст*а ааш-тчкеом, *л*яе усмяеядась *вя*т> твоем дкпанн, а «»ша иа ягетяиесячвыя аур:и оджтрома-шеяв т»а. *Я* **уклтяие innw ях я ирхучяда яаяначгя>е в.фа-ояое-дятеб-ннб яех. где я гИЙчае работа» Мог стартов тчаарящя аемвуавстм много вомогит иве я орпимолств-нивй и uapTuaioi роботе, о-ойгняо т», Воло-гя-тоя,** Захаре* я **Гончар»-***-** В **а** д-**ЛвЕТЯМ я яе чуоству» с«бя вдяяояой ж *у радостяо, ясседо.** [1] ***Я*** **деаь** 8 **марта лев хочется Стали ь: -**

— Саасабо т*оаряцу Стаая*У «а С е.тдую, счастдицую в вгегдую жизнь сок-тссой же.циан, аетору» тозьяо upoˆcr-pfau 0 -Тхбрьсяяч рево1и>цня о вободиаа от гнета Спасибо тоиаращу Сталиву аа тс, что Оиишое Сатрда* босарвзорникв *efi*повдгса чдонавв вецяого аоввувветвчо1«о8 оартуя (одьпшиаов, сисьт маяажячетˆ порчены работать на гвсударствевяцх оредорвятмх в* бито Clori родины,'СЯОГГО Народ». •**

• -Мстяие еотейвого ни • ДУСЯ ХрАЈАˆВА.

Извещение Сталннсквго горсовета

Сталинский горсовет довожу <*«е аеимя, что посгаяомеииеи пре*ии>кд *Облисполкома назначено пособие oeiri*о руб. стедуюшим уиогодетним mtcf*К Ивмеииквмв Анис Дмитриеву вро. *кн$а*>щс0 а поселке Осмвоажс, грщ* наличии детей: Одаги. Нины, Аа*асч Аммы, Валентинн, Владимира, Алешмо-дрд

Пахорухоиай Еадоиис Усткиопе, вро> живаюллей • Красяомамемке, при п«и» чяи детей: Марии, Надежди', Зои, А едва, Анисии, Лилии, Идам.

КаДимдй Анисье Алсхсаадровие, др> хнмюшей * селе Аинартискоц, вид наличия детей: Валет л ни, Мар«л, <иь-колав, Александра, Аитоиикы, Сергея, Федор*. ˆ

ПатммИ А дне Влсвльеме. лрождйм-щеГ< ■ посели* АСлгур. при Ш1Ш детей: Марии. Ольги, Михаила, Вгрч Гггдяген, Лини, Зои, Раиси,

АгммА Наталье Назарове, ри* дающей ■ Старовужеоде, ири ии*I детей: И длил, Серд+каш, Сллфлш.ФФ-досии, Петра, Андреева, Любови, им

Статьи из газеты "Большевистская сталь". 3 марта 1937 г.

НзОиишца и оборона страны

Богат А.—.Жеащвны ■ бовцы а Краснов Ариях*.

Нюрнна—.Трудящнес* жеищш-ни в обороне СССР".

Богат—.Работница я хростьив-ка в Краснов Apuiu*.

Боярская З.—.На жизни и борьбы тружениц Запада*.

Шлерассер—.Работница **в** тисках капитал.*.

Холтыан Р.—.Работипца Америки* Ги». ЯО г.

Оиердих—.Положение работницы ■ Германии* **Гао.** SO г.

Работница на Востока

Коспароиа В,—.Раскрепощение женщины Востока*.

Бородина—.Женщина» Китае*. Борисов А.—.Работница **в** Японии*.

По истории женен. мажд;х. данжини

Миловидоиа—.Женская вопрос в женское движение* Хреотон. %Я-е мирта ,За рубежом*. Благоеаа—.30 лет 8 ое марта*.

Работница и крестьянка в художеств, швраттре

Бедный **Д.**—.Работница . Березовский— Мать*.

Горький М—.Мать*. Вересаеве.—.Счастливив день 3J жнанн Ледьхн*.

Платошкнн—.В дороге*. СвЙфуяинв. **Д.**—„Вяряибл". Коробов —.Ката Долга*. Ольбрахг **И.—**.Аняа-пролатар-«а*.

Доводится до сведения I

рабочих истужещ »л площвдхн у-Куанецкстро» о том. чосб-г ■ L марта с. г. **КИПЯТИЛ • И** про- I изводет отпуск не более б лит- I ров одному лицу кипяченой 1 воды При чем,

ОТПУСК КИПЯТКА

производите* с 0 часов угре j до 9 часов утре, с 12 до 2-х. с 5 до 1 часа ночи ежедневно» Перерывы с 9 до 12, с 2-д до 5 и с I до б усгвнавли* оаются дл* приготовления ни пятка (в свяли с подачей ки пятилкам плохого качества угла). 1-2

I Коммуиотдел.

Наташа Г рязнова

IUtauu Грвзлм» ijw(uu ti ггр**тв4ьст«о Сталibeuro krru-*ус-гвчм«вг» ими в 1931 гыу.

1›М6Т1Л* ч*1*оу*бочЫ, *А ол* вече-

(UI учивгь в шбем. 21Т*« И*

Курс*т *9TV|)#CTO*.C того ирммемя мрооао щь »*т. До ИГJSBBBЬOHOC-fI «1WIUC4 B*'

гч

чо

Тжпл. ivуп*» атьлл оо um. Uu и BI* вроем ммогвау иучимь. Стал ГршгтМ. Твтакг 1|Д*м cibrUM)K) jm7o{ut]VT- В *st*a* секу npwHiTMjM ьруивьб1 ирмзвтнввм

А. (' UyMUtiu. вроч«тьл* <Тш<

I0u« Ulujoxwiw, а Km* *Ut*4tl*c*>-СГхЫЬ- II (ХГровсИГ> В ЯООГО ду) ГМ1

Имгорекуотсм Нмтмшд в искус хт/и/и Хоцвг ткто в театр, smov. Vvv.ibjor ■ рхбото К|Jk-

(тут'И

t JjpuˆloHlfe ггмиьмякьию Itb «пах ИлТиШа I'luUoOfci оды ых ицзми. tu хнцвыя пия цжагаадА С(ж\ы|Ил»:ипя оолци.

■*U* о-'ми.-.довтг работу в 1У.3$ го ду Шт«щу iu ры оренврогхы Гч»7Ч1ДЬ«аЯ«1 омм (ци ил «хоуо ию-.

Патлой Грвзвои ** та«иц> о pi

ЬфАДОщ ЩАжиюктяелмца. НМ я ьТмь >Мж luvlvAaJJU

ˆцнажди робот.:юи С:-мгА1и 70». iMiuuiita ис виши яд t'ujoTjr. 11л-Тапи, улив «в ирег. впил.1 к во! »ui iwpTMру. 0«uu»ct, что Негиив

М J.lC04bU, ТГО */4- 1>ih,»U'H3U fi*

ОояшпЦ), а Дим Лете! Осгаивсь 6с«имдн>И1и«и. Ляташм хˆмись.

1ТЧ> ирофмкши! Оргивицвм АСА-

UU Кжгнрюиьиум BVMXU6 С*»А. 1

Я ЖМС) СхЛис В lUUItyB вы егжтко. ямгл *херящую ютатг, х** |и4втгаль» 400 от**) • Mefeli, — 1пч»а.АГ Катло*. С. гилга

Члены общества "Долой неграмотность". 1931 г.

"Синяя блуза". 1934 г.

Выпуск стенгазеты. 1931 г.

Обложка журнала "Синяя блуза". 1926 г.

Съезд жен ИТР и хозяйственников тяжелой промышленности. Справа - С.А. Бутенко. Май 1936 г.

Члены женсовета у входа в клуб ИТР в последний приезд С.А. Бутенко из Москвы. Апрель 1938 г.

Учеба. Ворошиловские стрелки. 1937 г.

Женсовет в день отъезда С.А.Бутенко из Сталинска. 18 апреля 1938 г.

Семья начальника строительства Семилетко. Июль 1938 г.

Семья грабаря. 1929-1932 гг.

Быт мастера-австрийца на Кузнецкстрое. 1932 г.

Спецпереселенка Сафонова Е.И. с детьми. 1931 г.

Детский сад Кузнецкстроя. 1931 г.

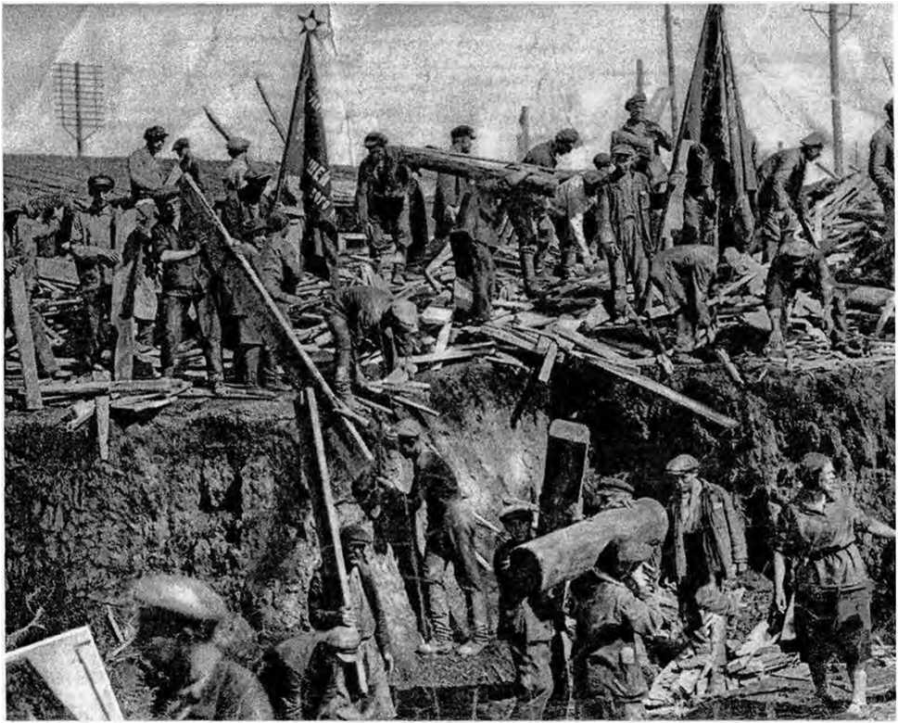
Первый детский сад Кузнецкстроя. 1931 г.

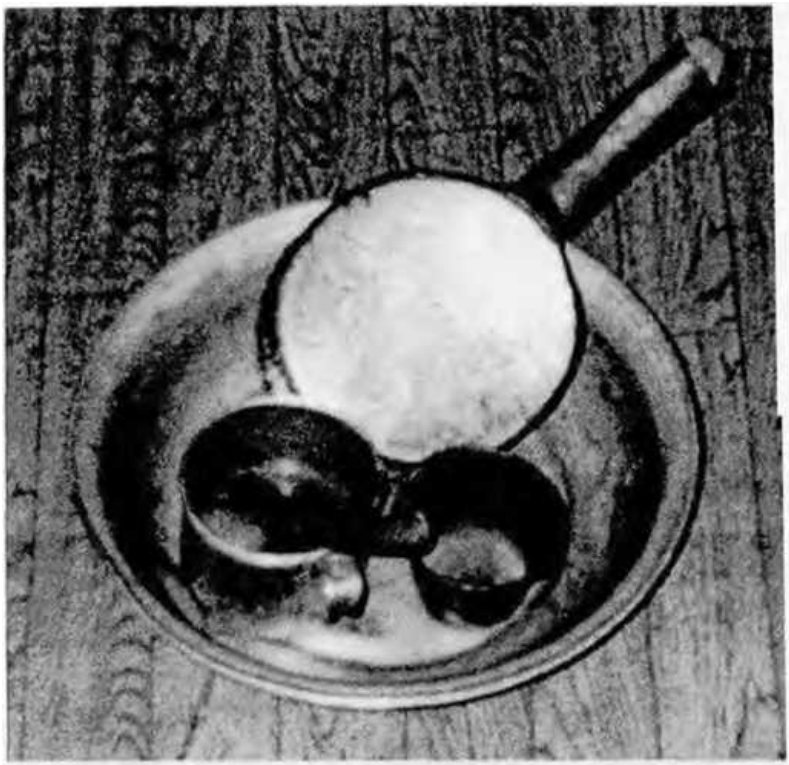
Группа заведующих детскими садами. 1934 г.

Первый директор музея КМ К Полянская Е.М. 1934 г.

Адоньева А.Н. Федорова А.И.

Субботник на ЦЭСе. 1931 г. Из журнала "Общественница"



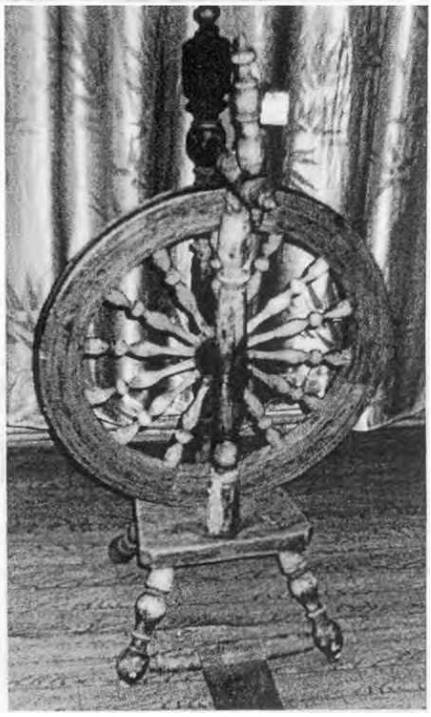


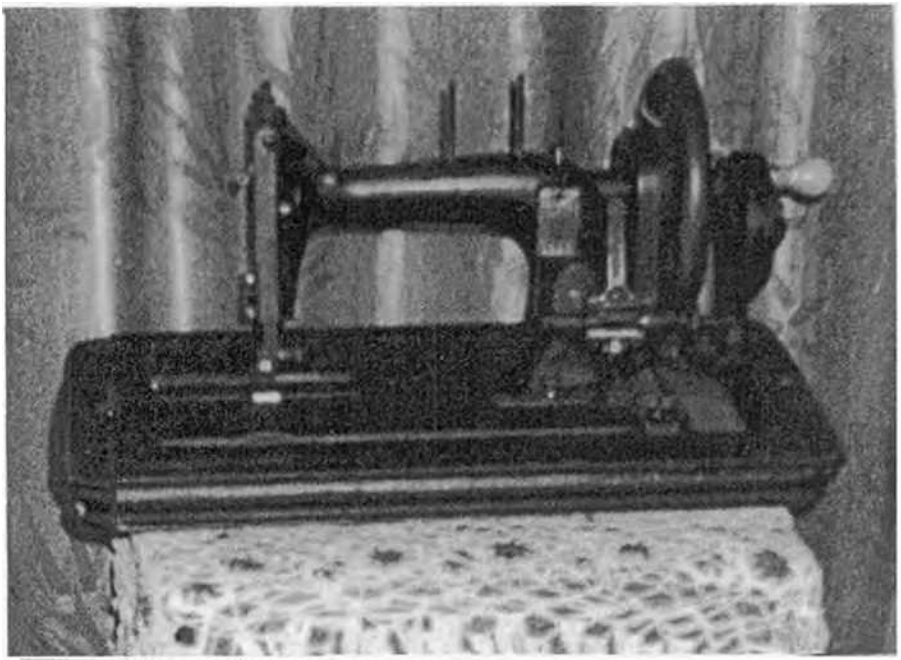
Перметы бы га 30-х годов.

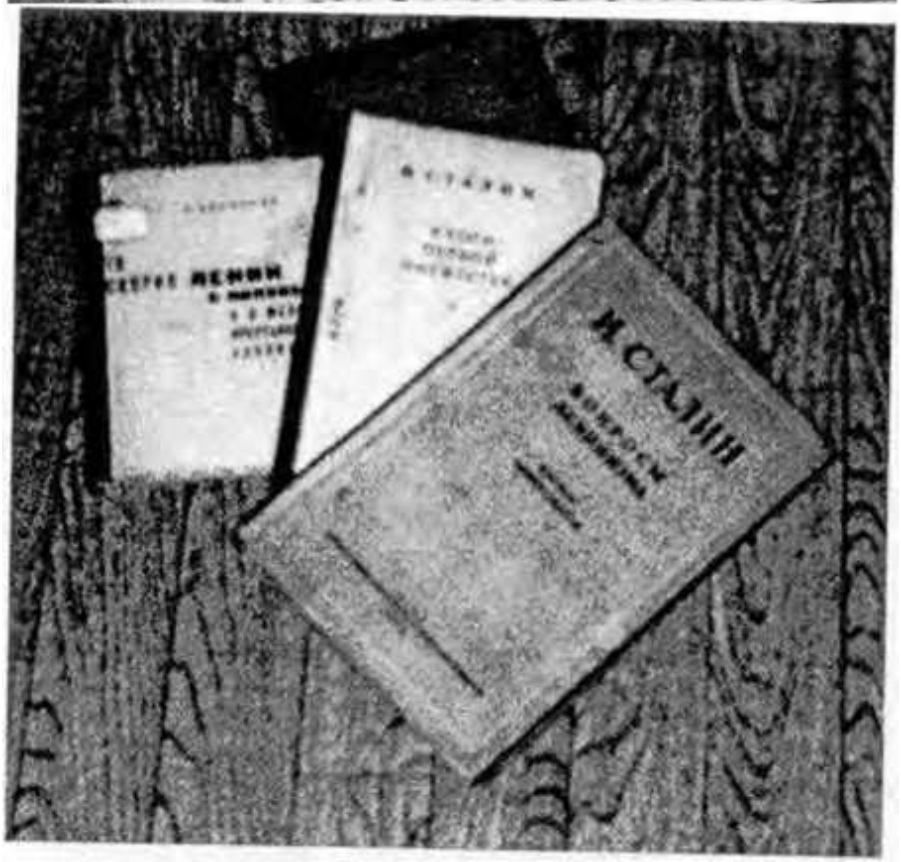
Таз, ковш, кружки, ложка. Керосиновая лампа, утюг, рукомойник.

Керосиновая лампа, кофейники, кувшин, крынка.

Корзинка дорожная.
Прялка.
Швейная машинка.







Книги.

Сумочки.
Патефон.

74

СОДЕРЖАНИЕ

55

ДОКУМЕНТЫ. ФОТОГРАФИИ.

Новокузнецкий городской краеведческий музей

Научно-историческое издание «Женщины Кузнецкстроя» (воспоминания, документы, фотографии)

Автор

Фойгт Людмила Ивановна
Художник Кожевиина Т.В.
Редактор Тарасова Э.Ф.
Набор и оформление Ширина Н.З.
Издательство «Кузнецкая крепость», 654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнсцкстроевский, 1, Союз писателей
Отпечатано в компьютерном центре НГКМ, тир.30 зкз.